

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

**УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ
ИТТСПИ**

2025 №2

УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ
НТГСПИ

SCIENTIFIC
NOTES
OF NTSSPI

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ НТГСПИ

Серия: История и филология

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Нижнетагильского государственного
социально-педагогического института

ISSN: 2949-4982

2025

№ 2

SCIENTIFIC NOTES OF NTSSPI

Series: History & Philology

JOURNAL

published by
Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (NTSSPI)

ISSN: 2949-4982

2025

NUMBER TWO

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета.

Члены редколлегии

Аникина Татьяна Вячеславовна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) УрГПУ.

Голубкова Екатерина Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор кафедры лексикологии английского языка Московского государственного лингвистического университета.

Дзюба Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Кириллов Виктор Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук НТГСПИ (ф) УрГПУ.

Кушнерук Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета.

Ларионова Марина Бариевна, кандидат исторических наук, зав. кафедрой документоведения, истории и правового обеспечения Уральского государственного педагогического университета.

Неклюдов Евгений Георгиевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Ольховиков Константин Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Попова Татьяна Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Военного университета Министерства обороны РФ.

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Сериков Юрий Борисович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник НТГСПИ (ф) УрГПУ.

Солопова Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета).

Чудакова Наиля Муллахметовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) УрГПУ.

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета.

Editor-in-Chief

Budaev E. V., Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language at Ural State Pedagogical University.

Editorial Board

Anikina T. V., Candidate of Philological Sciences, Head of Department of Foreign Languages and Russian Philology at Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Ural State Pedagogical University.

Chudakova N. M., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Russian Philology at Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Ural State Pedagogical University.

Chudinov A. P., Doctor of Philological Sciences, Head of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language at Ural State Pedagogical University.

Dzyuba E. V., Doctor of Philological Sciences, Professor of Institute of Humanities at Saint-Petersburg State Polytechnic University.

Golubkova E. E., Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of English Lexicology at Moscow State Linguistic University.

Kirillov V. M., Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Humanities and Socio-Economic Sciences at Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Ural State Pedagogical University.

Kushneruk S. L., Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Theory and Practice of the English Language at Chelyabinsk State University.

Larionova M. B., Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Document Studies, History and Legal Enforcement at Ural State Pedagogical University.

Neklyudov E. G., Doctor of Historical Sciences, Principal Researcher of Institute of History and Archaeology at Ural Branch of Russian Academy of Sciences.

Olkhovikov K. M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration at Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Popova T. G., Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Language Department at The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Porshneva O. S., Doctor of Historical Sciences, Head of Department of Theory and History of International Relations at Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Serikov Yu. B., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Ural State Pedagogical University.

Solopova O. A., Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Linguistics and Translation at South Ural State University (National Research University).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Андреевкова Ю. П., Паутова Т. Д., Кайдышева Н. Н.

Ценности коммунистического общества в восприятии студенчества эпохи «развитого социализма» (на материалах интервью).....	8
--	---

ФИЛОЛОГИЯ

Авдеева Г. А., Наймушина Е. А.

Тема памяти в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор».....	24
--	----

Мозжерина В. Р.

Метафорическая концептуализация Covid-19 в СМИ Великобритании.....	41
---	----

Несынова Ю. В., Шитов В. С.

Особенности жанра постапокалиптики в романе Д. А. Глуховского «Метро 2033».....	57
--	----

Стрелкова Д. В.

Метафорический образ миграции в СМИ Великобритании.....	81
--	----

Шетти В. С.

Пандемия Covid-19 в метафорическом зеркале СМИ ФРГ.....	95
--	----

Информация для авторов	111
------------------------------	-----

CONTENTS

HISTORY

Andreenkova Yu. P., Pautova T. D., Kaidysheva N. N. Values of communist society as perceived by students of the “developed socialism” era (based on interview materials).....	8
---	---

PHILOLOGY

Avdeeva G. A., Naimushina E. A. The theme of memory in E. G. Vodolazkin's novel “Aviator”.....	24
---	----

Mozzherina E. A. The metaphorical image of Covid-19 in the UK media.....	41
---	----

Nesynova Y. V., Shitov V. S. Features of the post-apocalyptic genre in D. A. Glukhovskiy's novel "Metro 2033".....	57
---	----

Strelkova D. V. Metaphorical image of migration in the British media	81
---	----

Shetty V. S. Covid-19 pandemic in the metaphorical mirror of German media.....	95
--	----

Submission Guidelines.....	111
----------------------------	-----

ИСТОРИЯ

УДК 93/94

ЦЕННОСТИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНЧЕСТВА ЭПОХИ «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА» (НА МАТЕРИАЛАХ ИНТЕРВЬЮ)

Ю. П. Андреевкова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Уральского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
iuliaandreenkova@yandex.ru

Т. Д. Паутова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Уральского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
9226187313@mail.ru

Н. Н. Кайдышева

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Уральского государственного профессионально-педагогического университета,
Нижний Тагил, Россия
kainatalya@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – изучение восприятия ценностей коммунистического общества студентами эпохи развитого социализма. В работе определены ключевые ценности коммунистического общества: труд, коллективизм, интернационализм, равенство. Авторами выявлено, что представления студенчества об этих ориентирах не полностью соответствовало установкам, определяемым руководством СССР. Коммунизм понимался многими представителями студенческой молодежи как невозможная к реализации на практике идея. Установлено, что только часть студенчества рассматривала труд как ценность; коллективизм положительно воспринимался многими, респондентами подчеркивалась его практическая польза; интернационализм вызывал позитивные ассоциации, что говорит о высоком уровне сплочения населения; к равенству относились критически, выражая сомнения в его справедливости, что может отражать низкий уровень принятия этой установки.

Ключевые слова: советский период; устная история; интервью; коммунистические идеалы; советская молодежь.

1. Введение

В современном российском обществе идет поиск национальной идеи. Помочь в этом может обращение к изучению ценностей советского общества, форм трансляции их государством. Именно молодежь, как наиболее активная категория населения, быстрее и легче усваивает транслируемые в обществе идеи. Эта возрастная группа характеризуется наличием желания самоопределиваться, найти свое место в мире, овладеть необходимыми для этого ориентирами [Плугарь, Кононова, Горева, 2015], что делает ее более открытой для новых идей. Одним из социальных институтов, который помогает обрести эти ориентиры и выполняет роль профессионального идейно-политического воспитания, является высшая школа [Филиппов, 1980].

Вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х годов – время, которое определяют как эпоху реализации концепции развитого социализма. Предполагалось, что в этот период должно было происходить формирование «нового человека», который будет активно участвовать в построении коммунизма [Синицын, 2022, с. 33]. В первую очередь речь шла о молодом поколении, которому уже скоро предстояло стать опорой и движущей силой государства и общества. Изучение взглядов студенческой молодежи может стать инструментом конструирования аксиологического среза определенного периода, в данном случае эпохи «застоя».

2. Материал и методика исследования

В настоящей работе использован метод полуструктурированного интервью. Ключевыми опорными смысловыми единицами при составлении вопросов были выбраны «труд», «коллективизм», «интернационализм» и «равенство». Эти конкретные нравственные установки, упоминаются в ряде документов, созданных в свое время советской властью: в Моральном кодексе строителя коммунизма, Уставе Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ), Конституции СССР 1977 года. В каждом из них понятия «труд», «коллективизм», «интернационализм», «равенство» являются ключевыми. В качестве респондентов выступили люди, обучавшиеся в высших учебных заведениях СССР с середины 1960-х до середины 1980-х годов.

В работе также использовано понятие «коммунистические ценности», под которым мы понимаем систему важных, имевших высокую значимость принципов, убеждений, игравших значительную роль в оформлении жизненной позиции советского человека, его личностного и профессионального становления.

3. Анализ

Отечественную историографию проблемы можно разделить на два этапа: советский и постсоветский. Интерес к изучению студенчества можно наблюдать с 60-х годов XX века. Многие исследователи рассматривали эту группу населения через призму социологической науки, например, Б. Г. Рубин [Рубин, 1968], Л. Я. Рубина, Ю. Н. Колесников, В. Т. Лисовский,

Ф. Р. Филиппов. Л. Я. Рубина пришла к выводу о возрастании роли высших учебных заведений в создании основ для духовного развития личности. Имеется в виду формирование должного отношения к труду у будущих специалистов, ориентация их на общественно-политическую деятельность. Автор подчеркивает факт повышения среди молодого поколения интереса к гуманитарному образованию, что могло быть связано с возросшим вниманием «к человеческим проблемам, к психологии поведения» [Рубина, 1981, с. 202], а также с общим ростом уровня культуры среди населения.

Н. Г. Григорьева в исследовании «Пути формирования диалектико-материалистического мышления студентов (в процессе преподавания философии в вузе)» отмечает несовершенство процесса преподавания, которое оказывало негативное влияние на формирование диалектико-материалистического мышления учащихся, что, как следствие, негативно сказывалось и на становление мировоззрения будущего коммуниста [Григорьева, 1984].

В. Н. Логин в диссертационной работе делает вывод о том, что развитие духовных потребностей является многофакторным процессом, поэтому, если единство всех его составляющих будет высоким, то и человек с более богатыми нравственными интересами будет формироваться быстрее [Логин, 1984].

О. Б. Швец приходит к мысли о возрастании роли общественного идеала в оформлении мировоззрения студенчества, которое, в целом, было преданно идеям социалистического общества. Однако, по его мнению, встречались и те, кто смутно, расплывчато понимал коммунизм, в силу недостаточности знаний о нем [Швец, 1984].

В советский период исследовались вопросы воспитания молодого поколения, некоторые аспекты проблемы роли коммунистического идеала в жизни молодежи. Большинство этих трудов подчеркивают значимость высшей школы для становления мировоззрения советского студенчества. В центре внимания значительного числа ученых находились социологические и аксиологические вопросы. Особое внимание было уделено рассмотрению системы организации вузов, степени ее эффективности в реализации воспитания с идейно-идеологических позиций [Григорьева, 1984; Рубина, 1981].

Интерес к изучению темы не иссяк и в постсоветский период. Е. Э. Платонова занималась рассмотрением динамики образа жизни студенчества России с октября 1917 года до 1927 год. Автор приходит к мысли о том, что в это время появляется унифицированное представление об образе жизни студенчества, которое влияло на формирование единых ценностных установок. С помощью этого достигалась стандартизация подготовки будущих специалистов [Платонова, 2001].

Л. В. Силина обращалась к исследованию эволюции настроений молодежи в послевоенные годы, отражающих общественные настроения в СССР в целом, в том числе и оппозиционные, которые, однако, по мнению автора, не были господствующими [Силина, 2004]. В центре внимания А. С. Коноховой находится период «оттепели», основное внимание исследователя сосредоточено на изучении мировоззрения «шестидесятников» Ленинграда и Ленинградской области. В качестве одного из положений автор отмечает следующее: позитивное, «романтическое» отношение к советским идеалам и принципам изменилось в середине 1960-х годов, в связи с чем нашли отражения такие явления как конформизм, двоемыслие, понимание невозможности изменений системы и ее «закостенелости», уход в личную жизнь [Конохова, 2015].

Д. В. Зернов, А. А. Иудин, А. А. Овсянников сравнивают результаты опросов, проведенных среди студентов в 1991 и 2013 годах, в аспектах их социального самочувствия, отношения к разным сторонам жизни и общества. Исследователи приходят к выводу о том, важное место в самоидентичности занимало осознание себя в качестве советского человека, не связанное с социальным статусом или национальными особенностями. Потеря этого общего, связующего признака вызвала травму, которая со временем стала менее выражена, но не исчезла, у молодежи современной России [Зернов, Иудин, Овсянников, 2015, с. 67].

Одним из ключевых аспектов, который находится в центре внимания современных исследователей, является тема настроения молодежи советского и современного периода, сопоставление, сравнение их ценностных портретов.

Можно заключить, что проблема ценностей коммунистического общества в восприятии студентов эпохи «застоя» исследована фрагментарно. Малоизученными остались вопросы, связанные с самоидентификацией советской молодежи, а также аспекты, раскрывающие степень присвоения и реализации вышеуказанных установок. Разработка этой проблемы позволит сделать шаг к созданию аксиологического среза населения советского государства.

Обратимся к рассмотрению каждого из вышеопределенных понятий более подробно.

В ходе исследования авторы пришли к выводу о том, что для части молодежи коммунизм был не более чем недостижимым теоретическим понятием, «фоном» эпохи:

«...были транспаранты, огромными буквами, соответственно, написано «Коммунизм – молодость мира», «Коммунизм возводит молодым», «Наша цель – коммунизм» <...>. Вот к этому относились также, как, сейчас относятся к погоде за окном, то есть погода – есть и, соответственно, она есть, и это – объективный факт» (В.Ф.).

«В то время слово «коммунизм» особо ничего для нас не обозначало, у нас был предмет «Научный коммунизм». Мы его изучали, изучали труды Ленина <...> «Коммунизм», конечно, это все витало в воздухе: лозунги там, призывы и так далее и так далее. На всех собраниях, совещаниях, съездах и плакатах. Но это было как-то что-то вот как фон какой-то, что вот идем к какому-то коммунизму, где будет там всем все хорошо» (П. В.).

Представляется важным, что в ответах респондентов часто звучали такие слова, как «мираж» и «миф». Это говорит о недоверии к возможности воплощения идей коммунизма, не исключавшем позитивное к ним отношение:

«Это (коммунизм) как мираж – недостижимое светлое будущее, вызывает тихую грусть» (Аноним); «Скажу честно, мы коммунистическое общество никак не воспринимали как реальность. Поэтому, как жить в мифе... в равноценном? Я думаю, что мы и не думали на эту тему» (Н. Ю.).

Многие респонденты в ответах цитировали известные лозунги: «От каждого по способностям, каждому по потребностям», «Один за всех и все за одного, «Кто не работает, тот не ест» и т. д. Даже спустя столько лет они сохранились в памяти, а значит, вероятнее всего, были приняты в качестве моральных принципов молодым поколением.

В целом, опрашиваемые относились к коммунизму нейтрально, лишь у нескольких человек он вызвал исключительно положительные эмоции. Официальная же пресса представляла такое мнение: «Одна из главных обязанностей каждого коммуниста, определенная Уставом нашей партии, глубокое овладение этой теорией, повышение своего идейного уровня» [Правда, 1977, с. 1]. Одной из значимых всесоюзных газет «Правда» подчеркивалась необходимость уважительного и позитивного чувства к этому понятию.

Труд. Конституция СССР 1977 года определяла «Обязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина СССР – добросовестный труд в избранной им области общественно полезной деятельности, соблюдение трудовой дисциплины» [Конституция СССР, 1977, гл. 7. ст. 60].

В период «развитого социализма» была разработана концепция «советского образа жизни», сформулированная в рамках официальной культуры, которая хотя и носила «мифичный», неправдоподобный, характер, но оказала положительное влияние на распространение новых, «высоких», культурных практик. [Володин, Курамшина, 2022, с. 94]. Труд должен был стать частью свободного выбора гражданина, а отдых, который разделялся на «высокий» (приносящий пользу обществу и развитию самого человека) и «низкий» (недопустимые «буржуазные развлечения»), – регламентированным долгом.

Отметим, что некоторыми респондентами трудовая деятельность понималась как жизненная необходимость, объективный факт. Особенно интервьюируемые подчеркивали: жизнь была четко предопределена, сперва учеба – затем работа:

«Труд рассматривался как жизненная необходимость. То есть, получил, образование – начинаешь заниматься трудовой деятельностью. Причем, именно в этой последовательности. Сначала учишься, потом трудишься» (А. С.).

Кто-то относился к этому как к обязанности, как к определенной традиции:

«Это было необходимым, даже смысла не было как-то отказаться. Я не могу сказать, что от труда как-то «отлынивали», ведь это было не заведено, и мы не перечили» (Ф. Г.).

Были и те, кто очень оптимистично и с крайним уважением относились к этой нравственной установке:

«Труд всегда для меня был ценен. Я всегда любила работать. И выполнять работу ту, которая мне нравилась, которая получалась. Я также с удовольствием ходила на работу» (Г. Д.); «Труд – ценность. Ту-неяждство было неприемлемо» (Л. Н. В.).

Вышесказанное подчеркивает неоднозначность восприятия одного и того же явления, обусловленного в том числе личным опытом опрашиваемых.

Интересно, что большинство форм досуга участников исследования: посещение кинотеатров и театров, спортивных мероприятий, чтение и т. д. – совпадают с «высокими» формами досуга, согласно концепции «советского образа жизни». Статья из журнала «Наука Урала», констатирующая существовавшие формы внеучебной занятости комсомольцев, также подтверждает это: «Немало интересных дел на счету комсомольцев Ильменского государственного заповедника имени В. И. Ленина. Они не только успешно занимаются научной деятельностью, но и ведут большую общественную работу... Читают лекции в школах, техникумах, в различных организациях города. Комсомольцы Ильменского заповедника постоянно повышают свой профессиональный уровень, расширяют свой кругозор, принимают активное участие в работе политкружка «Вопросы внутренней и внешней политики КПСС» [Лысова, Нишанбаев, 1980, с. 2].

Важно, что многие не знали о вышеназванной концепции:

«Все отдыхали так, как считали нужным, и не существовало понятия «правильный» отдых» (Аноним); «Что такое «отдыхать правильно», по-советски? Не знаю, что это означает» (В. Ф.).

Не свидетельствует ли это о новизне идеи, которая не нашла широкого отражения в действительности? Или же она не нуждалась в реализации, в силу уже высокого уровня нравственности молодежи? Возможно.

Следует заключить: часть опрошенных относилась к труду как к ценности, часть – как к необходимости. Большинство положительно оценивали роль труда в жизни советского человека. Досуговые практики многих совпадали с концепцией «правильного», «высокого» отдыха, хотя для абсолютного большинства опрашиваемых она оставалась неизвестной. Вышеперечисленное может свидетельствовать о существовании развитой в рамках советской идеологии культуры труда и отдыха у студенчества.

Коллективизм. В Моральном кодексе строителя коммунизма в пятом пункте закреплено: «Коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый – за всех, все – за одного» [Устав Коммунистической партии Советского Союза, 1966, с. 26].

Определяя понятие коллективизма, отдельные участники интервью использовали тот же лозунг «один за всех и все за одного», что может означать то, что он мог отражать действительность, был близок молодежи:

«Как говорят мушкетеры, «один за всех и все за одного», вот это коллективизм» (Г. Д.).

Кто-то исключительно практически воспринимал это понятие, рассматривая его как возможный инструмент для достижения общественных целей:

«Коллективизм – это вот как раз такое более осознанное понимание того, что именно вместе, именно совместно с другими мы можем достичь каких-то целей» (В. Ф.); «Коллективизм – это желание людей с общими взглядами и идеями объединить свои усилия для достижения поставленных целей» (Аноним).

Эти ответы демонстрируют то, как достаточно абстрактные данные понятия находили свое отражение в повседневной жизни эпохи «застоя». Коллективизм раскрывался в делах учебной группы, трудового коллектива. Можно найти примеры проявления важности работы сплоченной команды и в периодической печати: «На финише года хорошо трудится коллектив Рижского судоремонтного завода Министерства морского флота. В авангарде соревнующихся – комсомольско-молодежная бригада слесарей-судоремонтников, которой руководит Георгий Мартынов. У причалов и в доках завода специалисты дают судам вторую жизнь. Многие зависят от мастерства судоремонтников. Бригада Г. Мартынова выполняет работу только с оценкой “отлично”» [Комсомольская правда, 1981, с. 1]. Этот случай иллюстрирует значительную роль совместной работы для достижения общего результата.

Некоторые не задумывались и/или не осознавали того, что они должны действовать в интересах коллектива, так как это было общепринято:

«Вот, вы знаете, никто не говорил, «Ты должна действовать в интересах коллектива!». Это воспринималось как должное, как нормальное. Я в коллективе, я среди других, я должна вносить свою лепту в развитие этого коллектива». (А. С.).

Таким образом, почти все респонденты положительно оценивали роль коллективизма в период своей студенческой жизни. Данный факт иллюстрирует высокую степень принятия и жизнеспособности этой ценности:

«Положительное влияние коллектива. Знаешь, что не оставят один на один с проблемой. И сам стремишься другим помочь» (Н. В.); «Я считаю явление коллектива, безусловно, положительным явлением. Потому что только ориентируясь на мнения других людей можно объективно судить о своем поведении» (А. С.).

Интернационализм. В Уставе ВЛКСМ зафиксировано следующее представление об интернационализме: «Член ВЛКСМ обязан <...> содействовать укреплению дружбы народов СССР, братских связей советской молодежи с молодежью стран социалистического содружества, с пролетарской трудящейся и учащейся молодежью мира» [Устав ВЛКСМ, 1962, гл. I, п. 2-д].

Многие из участников исследования уклонились от вопроса об их видении этой установки. Однако, как было подмечено самими респондентами, их ответы могли быть шаблонными, то есть формальными, теми, которые декларировались пропагандой и были на слуху:

«Ну, как я понимаю слово интернационализм – дружба между народами. Тут в общем-то шаблон, шаблон и штамп» (П. В.).

Такое понимание может соответствовать тому, что понятие было идеологизированным, с чем и связаны общие формулировки о нем. При этом в быту «неприятя не было»:

«Нет, неприятя точно никакого не было» (Аноним).

Так, можно прийти к выводу: далеко не все задавались вопросом о национальности другого, что действительно подтверждает единство советской молодежи:

«...Вообще не задавались вопросом, что такое национальность <...> Вообще не задавались вопросом: кто какой национальности?» (П. В.).

В целом, несмотря на формальность понимания самого термина, некоторые отнеслись к рассматриваемой моральной установке довольно уважительно, с оптимизмом:

«Интернационализм – хорошо» (Н. В.); «Каждый народ уникален и ценен. Нужно бережно сохранять свою культуру, язык, обычаи и передавать следующим поколениям. Неправильно, когда одни (малые) народы растворяются в других культурах» (Аноним).

В газете «Комсомольская правда» показан пример проявления дружбы народов «в деле»: «Наглядный урок по русскому языку и литературе проведут в школах Таджикистана местные кинодокументалисты. Они подготовили для ребят документальный фильм “Русский язык – язык дружбы народов”. Кинокамера приглашает на внеклассные занятия и в кружки знатоков русского языка школ Вахша, Чкаловска, Душанбе. Фильм – часть

программы совершенствования изучения русского языка в школах республики...» [Комсомольская правда, 1981, с. 1].

Из вышесказанного следует заключить, что большая часть респондентов относились к интернационализму в целом положительно. Кто-то в ходе беседы даже с сожалением отмечал, что на сегодняшний день он уже не имеет такого значения в жизни современного общества. Это совпадает с выводом, который делает С. А. Заельская: «На уровне массового сознания имелось ощущение глубокого единства советских народов... интернациональное воспитание эпохи «развитого социализма» ... сыграло важную роль в процессе формирования мировоззрения советского человека коммунистической формации, способствовало сближению народов многонациональной страны и развитию межкультурных контактов с наиболее активными представителями молодежи зарубежных стран» [Заельская, 2014, с. 63].

Равенство. В Моральном кодексе строителя коммунизма приводится ориентир, к которому необходимо стремиться: «Честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни» [Устав Коммунистической партии Советского Союза, 1966, с. 26]. Эти слова можно интерпретировать как призыв к единению, исключающему избыточность в разных сферах общественной жизни. Действительно ли это стремление находило отклик в сердцах людей?

В ходе интервью некоторые пытались донести мысль: равенства не было. Это можно интерпретировать как недоверие к возможности практической реализации этой декларируемой ценности, а значит, и отношение к ней как к утопии. В общем, отношение многих емко уместилось в одну из фраз респондента:

«Равенство – было бы хорошо, но это невозможно» (П. В.).

Отметим, что опрашиваемые по-разному понимали «равенство»: для кого-то это, в первую очередь, – экономическое, для других, к примеру, это равенство возможностей. При этом почти единогласно зафиксировано: полного равенства в СССР не было:

«И у нас провозглашалось, что в советском обществе достигнуто вот это социальное равенство. То есть построен развитый социализм. Но никто это естественно серьезно не воспринимал, потому что все видели, что люди живут очень по-разному» (М. В. Ф.); «Когда еще я начала работать, нам сказали, не было равенства и не будет... Потому что, если при коммунизме говорили – будет равенство всем, все будут получать одинаково, но не может такого быть. Все люди разные, и по характеру, и по состоянию здоровья, могут не так трудиться, как другие. Поэтому, полного равенства не может быть. Ни в труде, нигде – либо еще» (П. Г. Д.).

Около трети респондентов подчеркивали: все жили примерно одинаково, хотя не исключалось существование тех, кто жил «побогаче». Тут важно следующее: большое денежное состояние и связанный с ним образ

жизни не приветствовались, из-за чего публично не афишировались. Это, вероятно, отражает историческую реальность:

«Тогда и особо такого явного расслоения и не было при «развитом социализме» <...>. Были люди и так сказать, ну оная же, по финансам, значит, богатые, но их не было видно, чтобы вот к кому-то ты из них завидовал» (П. В.); «Наверное, оно, во всяком случае, провозглашено было и может быть и не таким уж формальным, но это было равенство стартовых позиций в осуществлении жизненных планов <...> Как-то люди жили одинаково более или менее, особенно не выделяясь ни в уровне дохода <...>. И было, наверное, стыдно быть безумно богатым <...> Мы и не знали, о существовании этого» (Н. Ю.).

Существование равных возможностей в определенных сферах подтверждает периодическая печать: «Школьные звонки огласили сегодняшнее утро страны, возвещая о празднике знаний – начале нового учебного года. Социализм гарантирует каждому гражданину нашего общества право на образование...» [Комсомольская правда, 1981, с. 1]. Так в этой статье отмечается равенство на право получения образования.

Существовала точка зрения, согласно которой рассматриваемая ценность – это не то, к чему нужно стремиться. Так ставилась под сомнение необходимость в «уравнивании» разных по своим способностям, мотивации и степени вклада «в общее дело» людей. Другой вопрос: насколько такая позиция была популярной? Однако сам факт существования этого мнения еще раз подчеркивает осознание неосуществимости и, возможно, нецелесообразности этого идеала:

«Люди разные и они должны иметь, то, что в этой жизни заслужили, чего добились. И поэтому, коммунистическая установка о том, что от каждого по способности, каждому по потребности никогда не находила во мне положительный отклик. Несправедливо, если вклад разный, а оценка одинаковая» (А. А. С.).

Итак, отношение к равенству было неоднозначным. Кто-то воспринимал эту категорию как нечто недостижимое, в каком-то смысле даже бессмысленное, не всегда справедливое. Может ли это говорить о том, что среди студенчества было четкое осознание: в СССР не было абсолютного равенства? Скорее да, чем нет. Понимание этого несоответствия являлось одним из факторов, формирующих недоверие, скепсис к этой ценностной установке, а значит, и к власти, которая ее декларировала.

4. Заключение

В ходе исследования выявлено, что коммунизм воспринимался многими респондентами нейтрально, как миф, мираж, то, чего не существовало на самом деле.

Отношение опрошенных к труду разнилось: не все считали его ценностью, однако большинство признавало его положительную роль в жизни советского человека. Это может свидетельствовать о высоком уровне реа-

лизации ценности. При этом многие не были знакомы с концепцией «советского образа жизни», но их досуговые практики соответствовали ее положениям.

Коллективизм большинство воспринимало позитивно, с позиций уважения и принятия, а некоторые отмечали и его полезность. Это может говорить о признании этой установки.

Сложности возникли при формулировке определения «интернационализм», это понятие ассоциировалось у некоторых с шаблоном, идеологией. Однако в целом отношение к нему было положительным. Несмотря на то что само понятие вызвало некое отторжение, предположительно в силу его идеологизации смысл в него вложенный находил отклик среди молодежи.

Равенство воспринималось более скептически: участники интервью отметили, оно было далеко не во всех сферах жизни советских граждан, оно могло проявляться лишь в некоторых его аспектах. Так, к примеру, имелся равный доступ к получению образования. Отдельные респонденты выражали мнение, что уравнивание не всегда справедливо и, возможно, даже не нужно, что отражает относительно невысокий уровень бытования этой ценностной установки.

В заключение следует сказать, что отношение к принципам и моральным нормам в советском обществе складывалось из осознания степени их идеологизированности и целесообразности: если ценность была понятна и близка молодому поколению, она им присваивалась в качестве ценностного ориентира, если же она только декларировалась, но при этом не отражала действительность, как это было, например, с равенством и коммунизмом, то к ней относились скептически, с недоверием.

Список литературы

Володин, А. Н. Утопия, досуг и долг: свободное время советских граждан в государственной идеологии (1960–1985) / А. Н. Володин, Ю. В. Курамшина. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2022. – № 3. – С. 89–97.

Григорьева, Н. Г. Пути формирования диалектико-материалистического мышления студентов (в процессе преподавания философии в вузе) : специальность 09.00.02 «Теория научного социализма и коммунизма»: автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук / Григорьева Нина Григорьевна. – Ленинград, 1984. – 17 с. – Текст : непосредственный.

Давыдов, С. Г. Дискотечное движение в СССР эпохи «застоя» / С. Г. Давыдов. – Текст : непосредственный // Современная научная мысль. – 2014. – № 2. – С. 73–78.

Зельская, С. А. Формирование социалистической культуры советской молодежи средствами интернационального воспитания в эпоху общественного застоя / С. А. Зельская. – Текст : непосредственный // Оренбургский государственный педагогический университет. – 2014. – №11 (89). – С. 61–64.

Зернов, Д. В. Социальное самочувствие советского и постсоветского студенчества / Д. В. Зернов, А. А. Иудин, А. А. Овсянников. – Текст : непосредственный // Народонаселение. – 2015. – №1. – С. 50-68.

Комсомольская правда. – 1981. – № 244 (01.09.1981). – С. 1. – Текст : непосредственный.

Комсомольская правда. – 1981. – № 350 (16.12.1981). – С. 1. – Текст : непосредственный.

Конохова, А. С. Формирование мировоззрения советской молодежи 1953–1964 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Конохова Анастасия Сергеевна. – Санкт-Петербург, 2015. – 277 с. – Текст : непосредственный.

Конституция СССР «Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик» от 07.10.1977 // Гарант. – URL: https://constitution.garant.ru/history/ussrfsr/1977/red_1977/5478732/?ysclid=m9f5bhukvf676664 (дата обращения: 13.04.2025).

Лисовский, В. Т. Советское студенчество. Социологические очерки / В. Т. Лисовский. – Москва : Высшая школа, 1990. – 302 с. – Текст : непосредственный.

Логин, В. Н. Формирование духовных потребностей студентов на этапе совершенствования развитого социалистического общества : специальность 09.00.02 «Теория научного социализма и коммунизма» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Логин Василий Николаевич. – Москва, 1984. – 170 с. – Текст : непосредственный.

Лысова, Н. Если тебе комсомолец имя / Н. Лысова, Т. Нишанбаев. – Текст : непосредственный // Наука России. – 1980. – № 2 (24.10). – С. 2 – 9.

Платонова, Е. Э. Динамика образа жизни студенчества России, октябрь 1917–1927 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Платонова Екатерина Эдуардовна. – Санкт-Петербург, 2001. – 688 с. – Текст : непосредственный.

Плугарь, О. А. Молодежь как социальная группа: определение, социально-демографические характеристики и перспективные направления исследования / О. А. Плугарь, Т. М. Кононова, О. М. Горева // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2–2. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22074> (дата обращения: 13.10.2024).

Правда. – 1977. – № 25 (21360). – С. 1. – Текст : непосредственный.

Рубин, Б. Г. Студент глазами социолога / Б. Г. Рубин. – Ростов-на-Дону : Издательство Ростовского университета, 1968. – 277 с. – Текст : непосредственный.

Рубина, Л. Я. Советское студенчество: Социологический очерк / Л. Я. Рубина. – Москва : Мысль, 1981. – 207 с. – Текст : непосредственный.

Силина, Л. В. Настроения советского студенчества. 1945–1964 гг. / Л. В. Силина. – Москва : Русский мир, 2004. – 233 с. – Текст : непосредственный.

Синицын, Ф. Л. Концепция «развитого социализма» как ответ СССР на идеологические и социально-экономические вызовы времени (1964–1982) / Ф. Л. Синицын. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2022. Т. 22, вып. 1. – С. 29–39.

Устав ВЛКСМ «Устав Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи» от 16-20.04.1962 // Викитека. – URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Устав_ВЛКСМ_\(1962\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Устав_ВЛКСМ_(1962)) (дата обращения: 13.04.2025).

Устав Коммунистической партии Советского Союза. Утв. XXII съездом, частичные изм. внесены XXIII съездом КПСС // Первичные организации партии. – Москва : Политиздат, 1966. – 31 с. – Текст : непосредственный.

Филиппов, Ф. Р. Социология образования / Ф. Р. Филиппов. – Москва : Наука, 1980. – 200 с. – Текст : непосредственный.

Швец, О. Б. Роль коммунистического общественного идеала в формировании мировоззрения советских студентов : специальность 09.00.02 «Теория научного социализма и коммунизма» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Швец Ольга Борисовна. – Киев, 1984. – 213 с. – Текст : непосредственный.

Получена: 24.04.2025

Принята: 28.05.2025

**VALUES OF COMMUNIST SOCIETY
AS PERCEPTED BY STUDENTS
OF THE “DEVELOPED SOCIALISM” ERA
(BASED ON INTERVIEW MATERIALS)**

Yu. P. Andreenkova

Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Ural State Professional
Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
iuliaandreenkova@yandex.ru

T. D. Pautova

Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Ural State Professional Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
9226187313@mail.ru

N. N. Kaidysheva

Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Ural State Professional Pedagogical University,
Associate Professor of the Department GSEN
Nizhny Tagil, Russia
kainatalya@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to examine the perception of the values of a communist society by students of the era of “developed socialism”. The work defines the key values of a communist society: labor, collectivism, internationalism, equality. The authors found that the students' ideas about these guidelines did not fully correspond to the attitudes determined by the leadership of the USSR. Communism was understood by many representatives of student youth as an idea impossible to implement in practice. It was found that only a part of the student body considered labor as a value; collectivism was perceived positively by many, respondents emphasized its practical benefits; internationalism evoked positive associations, which indicates a high level of cohesion of the population; equality was treated critically, expressing doubts about its fairness, which may reflect the low level of acceptance of this attitude.

Keywords: Soviet period; oral history; interview; communist ideals; Soviet youth.

References

- Davydov, S. G. (2014). Diskotechnoe dvizhenie v SSSR epokhi “zastoya” [The disco movement in the USSR during the “stagnation” era]. *Sovremennaya nauchnaya mysl*, (2), 73–78.
- Filippov, F. R. (1980). *Sotsiologiya obrazovaniya* [Sociology of education]. Moscow: Nauka.
- Grigoryeva, N. G. (1984). Puti formirovaniya dialektiko-materialisticheskogo myshleniya studentov (v protsesse prepodavaniya filosofii v vuze): spetsial'nost' 09.00.02 «Teoriya nauchnogo sotsializma i kommunizma» [Ways of forming dialectical-materialist thinking among students (in the process of teaching philosophy at university): Specialty 09.00.02 “Theory of scientific socialism and communism”] (Author's abstract of dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences). Leningrad.
- Komsomol'skaya pravda. (1981, December 16). No. 350, p. 1.
- Komsomol'skaya pravda. (1981, September 1). No. 244, p. 1.
- Konokhova, A. S. (2015). Formirovanie mirovozzreniya sovetskoy molodezhi 1953–1964 gg. [Formation of the worldview of Soviet youth 1953–

1964] (Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences, specialty 07.00.02 “National history”). Saint Petersburg.

Konstitutsiya SSSR. (1977, October 7). Konstitutsiya (Osnovnoy zakon) Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [Constitution (Basic Law) of the USSR]. *Garant*.
https://constitution.garant.ru/history/ussr/sfr/1977/red_1977/5478732/

Lisovskiy, V. T. (1990). *Sovetskoe studenchestvo: Sotsiologicheskie ocherki* [Soviet students: Sociological essays]. Moscow: Vysshaya shkola.

Login, V. N. (1984). *Formirovanie dukhovnykh potrebnoy studentov na etape sovershenstvovaniya razvytogo sotsialisticheskogo obshchestva* [Formation of students' spiritual needs at the stage of perfecting developed socialist society] (Dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences, specialty 09.00.02 “Theory of scientific socialism and communism”). Moscow.

Lysova, N., & Nishanbaev, T. (1980, October 24). *Yesli tebe komsomolec imya* [If your name is Komsomol member]. *Nauka Rossii*, (2), 2–9.

Platonova, E. E. (2001). *Dinamika obraza zhizni studenchestva Rossii, oktyabr' 1917–1927 gg.* [Dynamics of the lifestyle of Russian students, October 1917–1927] (Doctoral dissertation, specialty 07.00.02 “National history”). Saint Petersburg.

Plugary, O. A., Kononova, T. M., & Goreva, O. M. (2015). *Molodezh' kak sotsial'naya gruppa: Opredelenie, sotsial'no-demograficheskie kharakteristiki i perspektivnye napravleniya issledovaniya* [Youth as a social group: Definition, socio-demographic characteristics and promising research directions]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, (2–2). <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22074>

Pravda. (1977, January 25). No. 21360, p. 1.

Rubin, B. G. (1968). *Student glazami sotsiologa* [A student through the eyes of a sociologist]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta.

Rubina, L. Ya. (1981). *Sovetskoe studenchestvo: Sotsiologicheskiy ocherk* [Soviet students: A sociological essay]. Moscow: Mysl'.

Shvets, O. B. (1984). *Rol' kommunisticheskogo obshchestvennogo ideala v formirovanii mirovozzreniya sovetskikh studentov* [The role of the communist social ideal in shaping the worldview of Soviet students] (Dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences, specialty 09.00.02 “Theory of scientific socialism and communism”). Kiev.

Silina, L. V. (2004). *Nastroeniya sovetskogo studenchestva. 1945–1964 gg.* [Moods of Soviet students. 1945–1964]. Moscow: Russkiy mir.

Sinitsyn, F. L. (2022). *Kontseptsiya “razvytogo sotsializma” kak otvet SSSR na ideologicheskie i sotsial'no-ekonomicheskie vyzovy vremeni (1964–1982)* [The concept of “developed socialism” as the USSR's response to the ideological and socio-economic challenges of the time (1964–1982)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 22(1), 29–39.

Ustav Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz. (1966). Ustav Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz [Statute of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow: Politizdat.

Ustav VLKSM. (1962, April 16–20). Ustav Vsesoyuznogo Leninskogo Kommunisticheskogo Soyuz. Molodezhi [Statute of the All-Union Leninist Young Communist League]. *Wikisource*. [https://ru.wikisource.org/wiki/Устав_ВЛКСМ_\(1962\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Устав_ВЛКСМ_(1962))

Volodin, A. N., & Kuramshina, Y. V. (2022). Utopiya, dosug i dolg: svobodnoe vremya sovetskikh grazhdan v gosudarstvennoy ideologii (1960–1985) [Utopia, leisure and duty: Free time of Soviet citizens in state ideology (1960–1985)]. *Uchyonyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kulturologiya*, (3), 89–97.

Zaelskaya, S. A. (2014). Formirovanie sotsialisticheskoy kultury sovetskoj molodezhi sredstvami internatsional'nogo vospitaniya v epokhu obshchestvennogo zastoia [Formation of socialist culture of Soviet youth through international education in the era of social stagnation]. *Orenburgskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet*, (11), 61–64.

Zernov, D. V., Yudin, A. A., & Ovsyannikov, A. A. (2015). Sotsial'noe samochuvstvie sovetskogo i postsovetskogo studenchestva [Social well-being of Soviet and post-Soviet students]. *Narodonaselenie*, (1), 50–68.

Submitted: 24.04.2025

Accepted: 28.05.2025

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1-3

ТЕМА ПАМЯТИ В РОМАНЕ Е. Г. ВОДОЛАЗКИНА «АВИАТОР»

Г. А. Авдеева

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Уральского государственного педагогического университета
g_avdeeva_64@mail.ru

Е. А. Наймушина

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Уральского государственного педагогического университета
knaymushina@inbox.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию темы памяти в романе Евгения Водолазкина «Авиатор». Значимость исследования темы памяти в произведении заключается в возможности углубить понимание смыслового ядра романа и выявить специфику современных стратегий осмысления прошлого и конструирования идентичности. Цель данной статьи – выявить типы памяти, представленные в романе, и проанализировать их роль в создании художественного мира произведения и раскрытии авторского замысла. Результаты исследования демонстрируют, что память в романе выступает не только как средство восстановления прошлого, но и как активный процесс конструирования настоящего и будущего. Е. Водолазкин использует прием амнезии главного героя, чтобы исследовать природу времени, взаимосвязь личной и коллективной памяти, а также значение памяти для формирования человеческой личности. Роман «Авиатор» предстает как размышление о роли исторической памяти в современной культуре и о необходимости сохранения связи с прошлым для полноценного существования в настоящем.

Ключевые слова: Евгений Водолазкин, «Авиатор», память, коллективная память, типы памяти, идентичность, время, память в литературе.

1. Введение

Актуальность изучения темы памяти в литературе обусловлена ее фундаментальным значением для формирования индивидуального и коллективного сознания, определяющего восприятие времени и исторического нарратива. В романе Евгения Водолазкина «Авиатор» эта категория функционирует не только в качестве художественного приема, но и как концептуальная категория, раскрывающая структуру внутреннего мира персонажа и его взаимосвязь с историческим контекстом.

Значимо, что исследование темы памяти в «Авиаторе» позволяет углубить понимание смыслового ядра романа, а также выявить специфику современных стратегий осмысления прошлого и конструирования идентичности.

Цель данной статьи – выявить типы памяти, представленные в романе Е. Водолазкина «Авиатор», и проанализировать их роль в данном произведении.

Задачи:

– рассмотреть память как культурный феномен, определить ее основные типы;

– исследовать художественные приемы, с помощью которых в романе Е. Водолазкина «Авиатор» представлены различные типы памяти, а также проанализировать их роль в произведении.

2. Материал и методика исследования

В качестве материала исследования был выбран роман «Авиатор» Е. Г. Водолазкина — одного из наиболее популярных современных авторов. Роман привлекает внимание различных исследователей. См., например, работу [Петухова, 2021]. Выбор данного произведения обусловлен его содержанием. Главный герой романа, Иннокентий Платонов, оказывается в уникальной ситуации: он буквально вырван из своего времени (начала XX века) и помещен в чуждую ему эпоху (в начало уже XXI века). Он ничего не помнит, и каждый шаг в настоящем требует от него восстановления прошлого. Память к герою возвращается фрагментарно. И в этом восстановлении прошлого ему помогают дневниковые записи. Таким образом, Е. Водолазкин показывает, что воспоминания не просто фиксируют прошлое, а создают его заново в настоящем. Забвение же в «Авиаторе» становится не просто амнезией, а этической проблемой: мир, в который попадает герой, почти забыл историю своей страны и языка.

Методологической базой исследования послужили труды ученых, таких как Я. Ассман [2004], А. Ассман [2014], Н. Г. Брагина [2007], М. Хальбвакс [2007] и др. Основные методы исследования: наблюдения, описания, сплошной выборки языкового материала, контекстуального анализа.

3. Анализ

Прежде чем приступить к анализу собранного материала, рассмотрим основные теоретические аспекты исследования.

Феномен памяти представляет собой сложный и многогранный объект изучения, который привлекает внимание различных научных дисциплин. Его исследование охватывает широкий спектр гуманитарных областей, таких как философия, культурология, социология, психология, история и литературоведение. Каждая из этих дисциплин вносит свой уникальный вклад в понимание памяти, рассматривая ее с разных точек зрения и методологических подходов.

«Философская традиция осмысления памяти восходит к античности и продолжается до настоящего времени (Платон, Аристотель, Плотин, Аврелий Августин, Т. Гоббс, Дж. Локк, Гегель, А. Бергсон, М. Хальбвакс, М. Элиаде, М. К. Мамардашвили, П. Рикер и др.). Традиция изучения памяти в психологии насчитывает около двухсот лет (Г. Эббингауз, У. Джеймс, Ф. Бартлетт, Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев, П. И. Зинченко, С. Роуз, Дж. Шоу и др.). В XX в. память становится одной из крупнейших проблем гуманитарных наук, рассматривающих воспоминание и забвение в качестве механизмов образования и функционирования культуры (А. Варбург, Ф. Йейтс, Ю. М. Лотман, Я. Ассман, А. Ассман)» [Сундукова, 2018, с. 6].

Внимание к феноменам памяти, коллективной и индивидуальной, а также к вопросам исторической памяти и воспоминаний значительно возросло в последние десятилетия XX в. Это связано с общемировыми культурными и социальными изменениями, которые вызвали необходимость переосмысления роли памяти в формировании идентичности, сохранении культурного наследия и понимании исторических процессов.

«Ученик Бергсона Морис Хальбвакс в новаторской книге «Коллективная память» впервые показал социальный компонент памяти. Первый перевод книги Хальбвакса на английский язык в 1980 году вызвал всплеск научных исследований социального, коллективного измерения памяти и ее роли в формировании общностей нации, государства» [Переходцева, 2012, с. 157].

Хотя термин «память» имеет множество значений, зависящих от контекста, в самом широком смысле он обозначает способность сохранять, накапливать и воспроизводить информацию, а также механизм, обеспечивающий этот процесс. Морис Хальбвакс стал первым исследователем, который отметил, что «память – не чисто индивидуальный процесс хранения и обработки полученных впечатлений, на самом деле ее деятельность определяется обществом» [Хальбвакс, 2007, с. 9].

Опираясь на идеи Мориса Хальбвакса, Я. Ассман выделил четыре основных типа памяти, связанных с коллективным опытом: миметическую, предметную, коммуникативную и культурную [Я. Ассман, 2004, с. 19]. Ян Ассман подчеркивает, что границы между видами не являются жесткими и четкими. Эти виды памяти взаимопроникают и взаимодействуют, образуя сложную систему, в которой индивидуальные воспоминания переплетаются с коллективными и институциональными формами хранения и передачи памяти.

Продолжая развивать идеи Мориса Хальбвакса и Яна Ассмана, значительный вклад в уточнение и разграничение ключевых понятий внесла Алейда Ассман. В работе «Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика» она предлагает рассматривать память через три основных измерения: нейронное, социальное и культурное

[А. Ассман, 2014, с. 31]. Концепция памяти рассматривается на нескольких уровнях.

На нейронном, или биологическом уровне, память существует как индивидуальное явление, однако она не может функционировать вне социальных связей и культурных практик. Данный вид представляет собой индивидуальную память человека, которая не может существовать изолированно от социальной коммуникации и культурных практик.

Социальная память – это коллективная память, которая передается от одного поколения к другому через межличностное общение и устные рассказы. Такой тип имеет ограниченный временной горизонт – примерно 80–100 лет. Это связано с тем, что смена поколений вносит изменения в восприятие и интерпретацию прошлого.

Культурная память охватывает более длительный временной промежуток и имеет транспоколенческий характер. Она возникает, когда люди сохраняют воспоминания с помощью материальных носителей, таких как памятники, музеи, архивы, а также через символические практики, например, ритуалы, памятные даты и годовщины. В отличие от социальной памяти, культурная память не ограничена временем, поскольку она опирается на опыт и знания, которые отделяются от живых людей и сохраняются в материальных объектах и институтах.

Политическая память, или национальная память, имеет более специфический характер. Она стремится упростить и стандартизировать исторические воспоминания, устраняя многозначность и разнообразие интерпретаций. Такой тип памяти часто закрепляется в материальных и визуальных символах. Эти формы помогают оживлять индивидуальные воспоминания и вовлекать общество в коллективное осмысление прошлого. Однако политическая память часто служит инструментом власти, стремясь контролировать исторический дискурс и создавать единую, официальную версию истории.

Коллективная память особенно актуализировалась после масштабных социальных трагедий XX века, таких как Первая и Вторая мировые войны, холокост и сталинские репрессии. В этих условиях она приобрела не только социальные и религиозные, но и мощные этические коннотации. Коллективная память стала выполнять функцию предупреждения потомкам, предостережения о том, чтобы ужасы прошлого больше не повторялись.

Категория памяти в художественной литературе представляет собой сложный и многогранный феномен, который охватывает как индивидуальные, так и коллективные переживания. Память в литературе не просто служит отражением прошлого; она формирует динамическое пространство, где переплетаются личные эмоции, исторические события, культурные контексты и философские размышления о времени и существовании. Через призму памяти писатели получают возможность не только воссо-

здавать прошлое, но и переосмыслять его, подвергать сомнению, «переписывать» с учетом своих эмоциональных, идеологических или эстетических намерений.

Многие исследователи обращались к данной теме. В частности, М. М. Бахтин выделял проблему памяти как одну из ключевых [Бахтин, 1975]. Можно также отметить ряд исследований, посвященных этой категории в литературном творчестве [Кьюсак, 2020; Свахина, 2008; Султанов, 2016; Сундукова, 2018; Фенчук, 2012; Sobel-Tokarska, 2019; Kamberi, 2019].

Индивидуальная память и личная история играют важнейшую роль в формировании и раскрытии персонажа в литературе, кино и других видах искусства. Помогает понять внутренний мир героя, его мотивации, переживания и поступки. Через воспоминания персонажа авторы могут показать не только его уникальный жизненный опыт, но и те травмы, которые оставили неизгладимый след в его сознании.

Память в литературе – это не просто тема или сюжетный ход, а сложный метод художественного творчества, который позволяет автору и читателю совместно исследовать глубинные связи между историей, судьбой и бытием человека. Именно благодаря этому память становится одним из фундаментальных элементов литературного процесса и культурного диалога.

Роман «Авиатор» Евгения Водолазкина представляет собой сложную художественную конструкцию, где память играет не только ключевую роль в сюжете, но и служит основным инструментом для раскрытия характера героев и философского анализа исторического контекста. Писатель выстраивает сложный процесс взаимодействия разных типов памяти: нейронной (личной), социальной, культурной и политической. Память у Водолазкина – не эпизодический мотив, а живая структура, формирующая личность, соединяющая эпохи, преодолевающая смерть и безвременье. Эти типы памяти не существуют изолированно, но переплетаются, наслаиваются и вступают в диалог, и именно через этот процесс и осуществляется художественное осмысление человеческого существования в условиях исторического и личностного разлома.

«Большая часть романа представляет собой записи Иннокентия Платонова, который стал объектом лагерного эксперимента по крионике и был разморожен спустя 70 лет, в 1999 году. Здесь процесс письма становится инструментом постепенного воскрешения персонального сознания Платонова: регулярно ведя записи по совету своего врача Гейгера, Платонов восстанавливает собственную память и, соответственно, личность» [Скотницкая 2019, с. 92].

Наиболее очевидным в романе является образ нейронной (личной) памяти. Она в романе представлена как первичный и наиболее интимный пласт, с которого начинается восстановление героя. Иннокентий Плато-

нов, пробуждающийся после десятилетий «сна», оказывается в состоянии полной амнезии (забвении). Его идентичность разрушена: он не знает, кто он, где находится и в каком времени живет. Однако, как и в нейропсихологии, память начинает возвращаться не в форме логической реконструкции, а через сенсорные и эмоциональные маркеры: запахи, звуки, образы, тактильные ощущения. Эти спонтанные «вспышки» порождают в герое внутреннее смятение, борьбу между узнаванием и отчуждением. Роман построен на процессе восстановления нейронной памяти Иннокентия Платонова. Каждый фрагмент воспоминаний, будь то запах яблок, образ любимой женщины или ощущение холода в тюремной камере, является уникальным следом его личного опыта.

В романе Евгения Водолазкина «Авиатор» особую роль играет процесс восстановления памяти, в котором герой, Иннокентий Платонов, воссоздает собственную личность через цепочку воспоминаний, затрагивающих ключевые моменты человеческой жизни: детство, первую любовь, утрату близких, столкновение со смертью, осознание времени. Эти воспоминания, казалось бы фрагментарные и хаотичные, в действительности формируют внутреннюю автобиографию героя, возвращая ему ощущение подлинного бытия. Платонов не просто вспоминает, а он вновь переживает, наполняет утраченные события чувственным и эмоциональным содержанием, благодаря чему его «я» из неопределенного состояния начинает наполняться содержанием.

Одним из первых и наиболее трогательных эпизодов становится воспоминание о детстве и матери главного героя: «Я и сейчас вижу маму в тот весенний день – в плотно завязанном платке, как бы даже сжавшем черты ее лица, придавшем ей строгий и несколько сокрушенный вид» [Водолазкин, 2021]. Е. Водолазкин показывает, что память о детстве и семье являются значимыми для Иннокентия, как и для большинства людей. С одной стороны, память возвращает Платонова к одному из самых ранних и, возможно, самых теплых периодов жизни, связи с семьей, в атмосфере защищенности и детского восприятия мира: «В сущности, вот он, Рай. В доме спят мама, папа, бабушка. Мы любим друг друга, нам вместе хорошо и покойно» [Водолазкин, 2021]. С другой – она противопоставляется настоящему: ощущение уюта, спокойствия и безопасной близости сменяется страхом, одиночеством и ужасом: «...закрывая глаза, мне кажется, всякий раз я слышал голоса тех, кто здесь когда-то жил. Впервые я понял со всей отчетливостью, что потерял их, живших, навсегда. Я лег на кровать и закрыл глаза. Мне захотелось исчезнуть, не быть, вновь замерзнуть и больше не оттаивать. Я провалился в сон, мутный и вязкий. Сон втягивал меня все глубже и безысходнее, так что я уже не понимал, снятся ли мне тени в квартире или всюю бродят наяву» [Водолазкин, 2021].

Е. Водолазкин тонко показывает, что именно в таких, казалось бы, мимолетных эпизодах, и заключается подлинное содержание жизни, ее эмоциональное ядро. Платонов чаще вспоминает не великие события истории, а личные, интимные переживания – то, что действительно формирует человека и является значимым.

Еще одним примером личной памяти служат воспоминания о любви главного героя к Анастасии. Это чувство одно из самых сильных переживаний, определяющих человеческую личность, а память о ней становится важным источником силы и мотивации: «А наше с Анастасией трепетное чувство, о котором благодарно помню и помнить буду до конца жизни, – тоже нейроны? Шепот ее, сбивающийся от смеха на голос, аромат ее волос, когда она лежит рядом» [Водолазкин, 2021]. Герой часто погружается в эти воспоминания, поскольку любовь была значимым чувством в жизни героя.

Наряду с приятными воспоминаниями, Платонова преследуют и болезненные воспоминания о тюремном заключении и периодом «судебных» разбирательств: «Анастасия была рядом, и я еще успел прижаться к ней щекой, а когда мама бросилась ко мне, между нами уже стоял конвой. На лестничной площадке я обернулся и бросил взгляд на светлый прямоугольник двери. За спинами конвоя я увидел моих дорогих – оказалось, в последний раз». Эти воспоминания полны страдания и отчаяния: «Многое в моей памяти начинает становиться на свои места – остров, мучения, холод. Особенно холод – космический, непреодолимый, – который все усиливался и окончился вот, оказывается, чем» [Водолазкин, 2021]. Однако они также являются важной частью его истории и помогают герою понять себя.

Иннокентий на протяжении всего произведения подробно размышляет о природе «памяти» в его жизни: «Все думаю о природе воспоминаний. Неужели то, что хранит моя память, – это всего лишь комбинация нейронов в голове? Запах рождественской елки, стеклянный перезвон гирлянд на сквозняке – это нейроны? Треск бумажных полосок на оконной раме, когда ее открывают в апреле и квартира заполняется весенним воздухом. Заполняется негромкой беседой с улицы. Вечерним стуком каблучков по тротуару, гудением ночных насекомых в плафоне лампы» [Водолазкин, 2021].

В представленном отрывке автор задается вопросом, возможно ли редуцировать богатство воспоминаний до простой комбинации нейронов в мозге. Главная идея заключается в сомнении относительно того, что воспоминания, наполненные яркими личными деталями, можно объяснить исключительно нейрофизиологическими процессами. Все эти образы пронизаны ностальгией, теплотой и лиризмом главного героя. Воспоминания представлены не как сухие факты, а как живые, эмоционально насыщенные переживания. Таким образом, в романе нейронная память

представляет собой не просто хранилище информации, а инструмент, с помощью которого герой пытается понять себя, свое прошлое и свое место в новом мире.

Наряду с личной памятью в романе проявляется социальная память. Иннокентий оказывается отчужденным от социальной реальности: новая эпоха, новая речь, новые привычки – все это вызывает в нем чувство неприютности. Несмотря на это, он отмечает: «Да, у каждого человека свои особенные воспоминания, но есть ведь вещи, которые переживаются и вспоминаются одинаково. Политика, история, литература – они воспринимаются, да, по-разному. Но шум дождя, ночной шелест листьев – и миллион других вещей – все это нас объединяет» [Водолазкин, 2021].

Социальная память, которая включает в себя нормы, поведенческие шаблоны, идеологические структуры и ролевые модели, в романе играет роль фона, против которого разворачивается личная драма героя. Платонов ощущает свою полную несоразмерность новому обществу: он не понимает новых манер общения, социальных ритуалов, технологий, системы ценностей. Через это Е. Водолазкин демонстрирует, что социальная память – это не только коллективный архив прошлого, но и механизм идентификации «своих» и «чужих» в обществе: «У них своя жизнь, своя манера говорить, двигаться, думать. Они ценят другие вещи. И не то чтобы их вещи были хуже или лучше моих, просто они – другие. К тем, кто живет сейчас, я пришел, как человек с другого континента, может быть, даже – с другой планеты. Они интересуются мной, рассматривают, как музейный экспонат, но своим не считают» [Водолазкин, 2021]. Герой становится своего рода «живым анахронизмом»: он физически присутствует в XXI веке, но принадлежит к иному социальному коду, к другому времени: «Где, спрашивается, этот мир? Где женщины в нарядных платьях, дарящие букеты авиаторам? Где мужчины в наползающих на носы фуражках? С тросточками, с папиросами в зубах – где эти мужчины? Где все мы, стоявшие у кромки поля, с какой такой Атлантидой пошли ко дну? Где, наконец, гигантская надпись «Российское общество воздухоплавания», украшавшая ангар, из которого выкатывались аэропланы?» [Водолазкин, 2021]. Особенно наглядно это проявляется в сценах общения с молодыми людьми: Платонов воспринимает их речевые шаблоны как пустые, механистические, «лишенные смысла», а сам он говорит языком начала XX века – более литературным, возвышенным, часто архаичным: «В английском много таких словечек – маленьких, звонких, как шарик для пинг-понга, – удобных, в общем, и экономных. Только вот раньше на речи не экономили» [Водолазкин, 2021]. Этот языковой разрыв символизирует не просто смену поколений, но разрыв между социальными системами памяти, между эпохами, которые больше не разговаривают друг с другом: «Когда он ушел, я смотрел телевизор – то, что здесь по-английски называют talk-show. Все друг друга перебивают. Интонации

склочные и малокультурные, пошлость невыносимая. Неужели это мои новые современники?» [Водолазкин, 2021]. В этом контексте герой является не просто страдающим амнезией человеком, а носителем забытой социальной памяти.

Внимание в романе уделяется и культурной памяти – совокупности символов, текстов, ритуалов, архетипов и ценностей, передаваемых через литературу, искусство, религию и язык. Эта память наиболее органично включается в повествование через отсылки к русской классике, к христианской философии, к мифологическим образам и европейским произведениям: «Осторожно отодвигая дары моря, я доставал с полок профессорские книги. Это были тома Майн Рида и Жюль Верна, рассказы о морских путешествиях, описания экзотических стран – вещи, от юриспруденции бесконечно далекие» [Водолазкин, 2021]. Иннокентий постоянно цитирует строки из произведений А. С. Пушкина, к примеру: «Все, все, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслаждения...». Герою помогает в его размышлениях именно связь с культурной памятью: «Ночью не спал, и вспомнился мне пушкинский “Выстрел”. Там Сильвио откладывает свой ответный выстрел на шесть лет. Он появляется тогда, когда герой женился и счастлив... Смерть не тронула меня на острове. Тогда она была мне почти безразлична. Она вернулась со своим выстрелом сейчас, когда в моей жизни появилась радость. Долго же она ждала. Надо ли понимать так, что ее выстрел – ответный?» [Водолазкин, 2021]. Здесь Иннокентий видит в сюжете «Выстрела» отражение собственной ситуации: отсроченная расплата, «выстрел» судьбы, наступающий в момент счастья. Равнодушие к смерти на острове сменяется тревогой, когда в жизни появляется радость, и герой воспринимает это как ответный удар, возмездие за прошлые события. Пушкинский текст становится для него не просто литературным произведением, а ключом к пониманию собственной судьбы, инструментом для осмысления связи между прошлым и настоящим, опасностью и счастьем.

Герой, вспоминая поэтов Серебряного века и цитируя Библию, погружается в размышления о связи времени и вечности, о смысле страдания и природе человеческой души. Его слова: «Известно, что после воскрешения Лазарь никогда не улыбался. Значит, он увидел там то, в сравнении с чем никакие земные дела больше не вызывали эмоций. Будучи изъятым из жизни, я не видел ничего. Но ведь я и не умирал» [Водолазкин, 2021], – раскрывают попытку осмыслить свой опыт через призму библейского чуда. Воскрешение Лазаря становится метафорой столкновения с трансцендентным, а собственное «изъятие из жизни» – пограничным состоянием, не давшим, однако, прикоснуться к истинной вечности. Отличие от Лазаря, подчеркнутое фразой «Но ведь я и не умирал», говорит о неполноте пережитого. Затем, выражая главную надежду цитатой «Бог идеже хочет, побеждается естества чин, – выразил я свою главную

надежду, но переводчица не смогла это перевести», он обращается к вере в чудо, в возможность божественного вмешательства, нарушающего законы природы.

Эти культурные коды помогают ему «собрать» себя даже тогда, когда биографическая память еще отсутствует. При этом герой сам жил в период серебряного века, и часто упоминает об этом: «А ведь я очень хотел поговорить с Блоком. Я, который мало чего знаю на память, выучил его стихотворение “Авиатор”... Для меня даже узнали номер телефона Блока, но я так и не позвонил. Этот номер я про себя днем и ночью повторял. Я и сейчас могу его назвать: 6-12-00 [Водолазкин, 2021]». В этой отсылке переплетаются потоки времени, главный герой, ведомый ветром эпох, цитирует стихи поэта-современника, создавая эхо прошлого в настоящем. Все эти воспоминания вызывают у героя чувство утраты, которую он не может преодолеть из-за разрыва: «Я начинаю рыдать, а в зале тишина. Гейгер бросается ко мне (его стул с грохотом опрокидывается), берет меня за плечи и выводит черным ходом во двор. Там нас ждет машина. Меня бьет озноб – так я промерз за все эти годы. И никогда уже не согреюсь» [Водолазкин, 2021].

«Читаю Повесть временных лет. Летописец перечисляет год за годом. Он говорит: в год от сотворения мира такой-то было то-то, в год следующий – то-то. А в год такой-то – “не бысть ничтоже”. Такие годы называются пустыми. Годы, в которые не было ничего. Я сначала ломал голову – зачем о таких годах упоминать?» [Водолазкин, 2021]. Вновь на примере видно, что литература, которая является «основой» культурной памяти, связывает прошлое и настоящее главного героя. «Потом понял: эти люди боялись потерять даже небольшую частицу времени. Те, кто жил вечностью, особо ценили время. И даже не столько время, сколько его непрерывность, отсутствие дыр. Думали, может быть, что настоящая вечность только и наступает, что после внимательно прожитого времени. И ведь я это тоже чувствовал! Знал, что нельзя выпускать из жизни десятилетия заморозки. И не ошибся» [Водолазкин, 2021]. Сам герой также чувствует это, понимая, что нельзя выпускать из жизни десятилетия заморозки, и убеждается в правильности этого убеждения. В этом фрагменте проявляется осмысление ценности времени, преемственности опыта и важности каждого момента жизни, даже кажущегося незначительным, в контексте стремления к вечности.

Таким образом, культура выступает как универсальный язык памяти, который существует вне биографии и времени. Особенно важна в этом контексте христианская составляющая: тема воскресения, вечной жизни, существования Бога. Все это структурирует мировоззрение героя и определяет его моральный выбор. Культурная память у Водолазкина – не просто память о текстах и символах, а форма глубокой духовной ориентации, способ пережить травму времени и исторического краха.

Наконец, в «Авиаторе» ярко присутствует политическая память, связанная с репрессиями, лагерями, насилием и забвением тоталитарного прошлого. Этот тип в романе выполняет функцию критического осмысления истории XX века. Через судьбу Платонова, ставшего жертвой научного эксперимента в условиях сталинского террора, Водолазкин затрагивает тему репрессий, лагерей, насилия власти над личностью и памяти как жертвы забвения. В произведении показаны все ужасы, которые происходили в период того времени: «Я боюсь, что мы никогда не сойдемся, потому что мой опыт – я уже говорил об этом – меня не формировал. Он убивал. Я сейчас много читаю о советском времени и вот, кажется, у Шаламова наткнулся на мысль о том, что, пережив страшные события в лагере, нельзя о них рассказывать: они за пределами человеческого опыта, и после них, может быть, лучше вообще не жить» [Водолазкин, 2021]. Эти воспоминания оставляют глубокую рану в его душе, но также делают его сильнее и мудрее: «В связи с отцом думал о природе исторических бедствий – революций там, войн и прочего. Главный их ужас не в стрельбе. И даже не в голоде. Он в том, что освобождаются самые низменные человеческие страсти. То, что в человеке прежде подавлялось законами, выходит наружу. Потому что для многих существуют только внешние законы. А внутренних у них нет» [Водолазкин, 2021].

Он на протяжении всего произведения вспоминает фрагменты, которые запечатлелись в его памяти, связанные с политикой: «А соловецкие звуки были – удар головой о нары, когда заходил вертухай и хватал з/к за волосы, и бил, бил его о стойку нар, пока не уставал; или щелканье гнид, когда их прижимали ногтем. Были и запахи. Раздавленными клопами пахло» [Водолазкин, 2021].

Современное общество, в которое попадает герой, практически не вспоминает о репрессиях, не ведет открытого диалога с травматическим прошлым своей страны. Это коллективное забвение преподносится автором как вторая форма репрессий: не физическая, а морально-психологическая: «И приход ее не случаен был – я ведь его хорошо помню. Большевиков сейчас называют “кучкой заговорщиков”. А как же “кучка заговорщиков” смогла свалить тысячелетнюю империю? Значит, большевизм по отношению к нам – не что-то внешнее» [Водолазкин, 2021]. Платонов – «воскресший мертвец», он становится живым свидетелем, который возвращает в современность вытесненное прошлое.

Иннокентию Платонову, внезапно оказавшемуся в современном мире после «заморозки», память помогает ориентироваться в новой реальности и восстанавливать связь с прошлым: «Я ведь только тем и занимаюсь, что ищу дорогу к прошлому: то через свидетелей (их со смертью Анастасии больше нет), то через воспоминания, то через кладбище, куда переместились все мои спутники. Я пытаюсь приблизиться к прошлому разными путями, чтобы понять, что оно такое. Что-то отдельное от меня или про-

живаемое мной до сих пор?» [Водолазкин, 2021]. Воспоминания об общих для его поколения культурных символах, исторических событиях, традициях и обычаях служат ему мостиком к пониманию окружающего мира.

Роман «Авиатор» демонстрирует необычный метод восстановления утраченной истории. Иннокентий, словно архитектор памяти, настойчиво побуждает Настю и Гейгера фиксировать мельчайшие обрывки воспоминаний. Этот процесс превращается в своеобразную археологическую экспедицию в прошлое, где каждый записанный фрагмент – это драгоценный артефакт. Иннокентий осознает, что индивидуальные воспоминания, сложенные вместе, формируют мозаику коллективной памяти, способную воссоздать картину ушедшей эпохи. Его настойчивость подчеркивает важность сохранения и передачи опыта, а также то, как личные истории, тщательно задокументированные, становятся кирпичиками, из которых строится общее понимание прошлого. Он видит в этом не просто упражнение в восстановлении утраченного, но и способ укоренения в настоящем, обретения смысла и идентичности через связь с ушедшими поколениями. Записывая воспоминания, Настя и Гейгер не просто восстанавливают прошлое, они активно участвуют в формировании коллективной памяти, делая ее более полной, живой и достоверной: «Наше совместное писание – это, если угодно, попытка передать опыт потомкам». Платонов говорит, что он перемещает свое «я» в память своей семьи: «Не исключено, что [...] наше я станет общим» [Скотницкая, 2019, с. 47].

Таким образом, каждый тип памяти в «Авиаторе» выполняет художественную и философскую функцию, а их взаимодействие формирует сложную модель идентичности героя в ситуации исторического «разрыва». Нейронная память показывает уязвимость и устойчивость личности, социальная – отчуждение и кризис общения, культурная – глубину традиции и возможность духовного воскрешения, политическая – необходимость помнить ради спасения общества от повторения катастроф. Е. Водолазкин не просто использует память как мотив, он делает ее основным средством конструирования смысла – личного, исторического, метафизического. Роман «Авиатор» становится в этом контексте не только художественным произведением, но и актом культурного и нравственного свидетельства, в котором память – единственный способ остаться человеком в мире, охваченном забвением.

4. Заключение

Центральной темой романа Е. Водолазкина «Авиатор» выступает проблематика памяти, открывающая пути к осмыслению как индивидуального опыта персонажа, так и коллективной исторической судьбы. Через образ Иннокентия Платонова, лишённого привычного контекста времени и вынужденного собирать свое прошлое по фрагментам, писатель исследует не только границы личной идентичности, но и взаимодействие

различных видов памяти: личной, культурной, политической и социальной, в формировании нашего восприятия мира и самих себя. В «Авиаторе» память предстает не статичным архивом, а активной структурой, влияющей на настоящее и потенциально определяющей будущее.

В романе акцентирована роль культурной памяти. Ссылки на классическую русскую литературу, библейские и мифологические сюжеты демонстрируют неразрывность индивидуальной памяти и культурного контекста. Герой воспринимает мир через призму литературы, культуры и языка, словно его личная история резонирует с многослойным культурным сознанием. При этом в романе можно обнаружить и политическую память, отражающую исторические события и идеологические установки эпохи, а также социальную память, хранящую нормы и ценности, определяющие взаимодействие людей в обществе.

Таким образом, тема памяти в «Авиаторе» охватывает все уровни – от интимных воспоминаний до масштабных исторических нарративов, включая личную, культурную, политическую и социальную память. Память здесь – не просто содержание, а структурный принцип, способ организации текста, рефлексия о природе времени, идентичности и смысла. «Авиатор» – значимый вклад в современную литературу, осмысляющую роль памяти в формировании человеческого бытия и исторического сознания.

Список литературы

Ассман, А. Длинная тень прошлого : Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с. – Текст : непосредственный.

Ассман, Я. Культурная память : Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с. – Текст : непосредственный.

Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1975. – 504 с. – Текст : непосредственный.

Брагина, Н. Г. Память в языке и культуре / Н. Г. Брагина. – Москва : Языки славянских культур, 2007. – 520 с. – Текст : непосредственный.

Водолазкин, Е. Г. Авиатор / Е. Г. Водолазкин. – Текст : электронный. – Москва : Издательство АСТ, 2021. – Режим доступа: <https://rus.bookmate.com/books/gOHtj3v>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 20.05.2025).

Кьюсак, К. М. Художественная литература и память о "ритуальном насилии": харизма, власть и гендер в "храме народов" и "семье" Мэнсона

/ К. М. Кьюсак. – Текст : непосредственный // Новое литературное обозрение. – 2020. – № 3 (163). – С. 38–50.

Переходцева, О. В. Концепции памяти в современном западном литературоведении / О. В. Переходцева. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2012. – №1. – С. 157–164.

Петухова, Е. Н. Литературный контекст романа Евгения Водолазкина «Авиатор» / Е. Н. Петухова. – Текст : непосредственный // Ученые записки НовГУ. – 2021. – № S1 (34). – С. 49–55.

Свахина, О. В. Функции культурной памяти в повестях И. С. Тургенева 1850–1870–х годов : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Свахина Ольга Викторовна ; Уральский государственный университет им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2008. – 210 с. – Текст : непосредственный.

Скотницкая, А. Знаковые имена современной русской литературы : Евгений Водолазкин / А. Скотницкая, Я. Свежий. – Краков : Издательство Ягеллонского Университета, 2019. – 625 с. – Текст : непосредственный.

Султанов, К. К. "Человек вспоминающий" в литературе: историческая память как регулятив национальной идентичности / К. К. Султанов. – Текст : непосредственный // Диалог со временем. – 2016. – № 54. – С. 54–82.

Сундукова, К. А. Память как поэтологический принцип в искусстве романа (на материале творчества Г. И. Газданова, В. В. Набокова, Ю. В. Трифонова) : специальность 10.01.08 «Теория литературы. Текстология» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Сундукова Ксения Алексеевна ; Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва. – Самара, 2018. – 217 с. – Текст : непосредственный.

Фенчук, О. Н. Структура и функции памяти в поэзии И. А. Бунина : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Фенчук Олег Николаевич ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2012. – 185 с. – Текст : непосредственный.

Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – Москва : Новое издательство, 2007. – 348 с. – Текст : непосредственный.

Cobel-Tokarska, M. Literature and memory: the last generation of the polish people's republic / M. Cobel-Tokarska. – Текст : непосредственный // International Journal of Cultural Research. – 2019. – № 3 (36). – С. 66–87.

Kamberi, N. The places of kadare: literature and collective memory / N. Kamberi. – Текст : непосредственный // Russian Linguistic Bulletin. – 2019. – № 4 (20). – С. 15–18.

Статья получена: 20.05.2025

Статья принята: 29.06.2025

THE THEME OF MEMORY IN E. G. VODOLAZKIN'S NOVEL "AVIATOR"

G. A. Avdeeva

Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute
(Branch) of the Ural State Vocational Pedagogical University
g_avdeeva_64@mail.ru

E. A. Naimushina

Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute
(Branch) of the Ural State Vocational Pedagogical University
knaymushina@inbox.ru

Abstract: This article explores the theme of memory in Evgeny Vodolazkin's novel «Aviator». The significance of researching the theme of memory in this work lies in the opportunity to deepen the understanding of the novel's semantic core and reveal the specific characteristics of contemporary strategies for comprehending the past and constructing identity. The aim of this article is to identify the types of memory presented in the novel and analyze their role in creating the fictional world of the work and revealing the author's intent. The research results demonstrate that memory in the novel acts not only as a means of restoring the past, but also as an active process of constructing the present and future. Vodolazkin uses the protagonist's amnesia as a device to explore the nature of time, the interrelationship of personal and collective memory, and the significance of memory for the formation of human personality. The novel «Aviator» emerges as a reflection on the role of historical memory in contemporary culture and the necessity of maintaining a connection with the past for a fulfilling existence in the present.

Key words: Evgeny Vodolazkin, «Aviator», memory, collective memory, types of memory, identity, time, memory in literature.

References

Assmann, A. (2014). *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Assmann, J. (2004). *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: Writing, remembrance of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Bakhtin, M. M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Bragina, N. G. (2007). *Pamyat' v yazyke i kul'ture* [Memory in language and culture]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

Cobel-Tokarska, M. (2019). Literature and memory: The last generation of the Polish People's Republic. *International Journal of Cultural Research*, (3), 66–87.

Cusack, C. M. (2020). Khudozhestvennaya literatura i pamyat' o "ritual'nom nasilii": kharizma, vlast' i gender v "khrame narodov" i "sem'e" Menso-na [Fiction and memory of "ritual violence": Charisma, power and gender in the "People's Temple" and Manson's "Family"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, (3), 38–50.

Fenchuk, O. N. (2012). *Struktura i funktsii pamyati v poezii I. A. Bunina* [Structure and functions of memory in the poetry of I. A. Bunin] (Doctoral dissertation abstract). Voronezh: Voronezh State University.

Halbwachs, M. (2007). *Sotsial'nye ramki pamyati* [The social frameworks of memory]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

Kamberi, N. (2019). The places of Kadare: Literature and collective memory. *Russian Linguistic Bulletin*, (4), 15–18.

Perekhodtseva, O. V. (2012). Kontseptsii pamyati v sovremennom zapadnom literaturovedenii [Concepts of memory in contemporary Western literary studies]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, (1), 157–164.

Petukhova, E. N. (2021). Literaturnyy kontekst romana Evgeniya Vodolazkina "Aviator" [The literary context of Evgeny Vodolazkin's novel "The Aviator"]. *Uchyonyye zapiski NovGU*, (S1), 49–55.

Skotnitskaya, A., & Svezhiy, Ya. (2019). *Znakovye imena sovremennoy russkoy literatury: Evgeniy Vodolazkin* [Significant figures of contemporary Russian literature: Evgeny Vodolazkin]. Krakow: Izdatel'stvo Yagellonskogo Universiteta.

Sultanov, K. K. (2016). "Chelovek vspominayushchiy" v literature: istoricheskaya pamyat' kak regulyativ natsional'noy identichnosti ["The remembering person" in literature: Historical memory as a regulator of national identity]. *Dialog so vremenem*, (54), 54–82.

Sundukova, K. A. (2018). *Pamyat' kak poetologicheskiy printsip v iskusstve romana (na materiale tvorchestva G. I. Gazdanova, V. V. Nabokova, Yu. V. Trifonova)* [Memory as a poetological principle in the art of the novel (based on the works of G. I. Gazdanov, V. V. Nabokov, Yu. V. Trifonov)] (Doctoral dissertation abstract). Samara: Samara National Research University.

Svakhina, O. V. (2008). *Funktsii kul'turnoy pamyati v povestyakh I. S. Turgeneva 1850–1870-kh godov* [Functions of cultural memory in the stories of I. S. Turgenev in the 1850s–1870s] (Doctoral dissertation abstract). Ekaterinburg: Ural State University.

Vodolazkin, E. G. (2021). *Aviator* [The Aviator]. Moscow: Izdatel'stvo AST. <https://rus.bookmate.com/books/gOHIjt3v>

Submitted: 20.05.2025

Accepted: 29.06.2025

УДК 81'373

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ COVID-19 В СМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В. Р. Мозжерина

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Уральского государственного педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
lizamozzherina@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению метафорической репрезентации COVID-19 в текстах СМИ Великобритании. В качестве материала исследования использованы метафорические контексты из СМИ Великобритании за период с 2020 г. по 2025 г. Исследование проведено в русле когнитивно-дискурсивного подхода, подразумевающего анализ метафоры как когнитивного феномена в экстралингвистическом контексте медиадискурса. В процессе исследования использовались следующие методы: описательный метод, выборка, систематизация, метод метафорического моделирования, дискурсивный подход к анализу метафор. Как показал анализ, среди самых частотных метафор, конструирующих образ миграции в СМИ Великобритании, стали образы, относящиеся к сферам-источникам «War» и «Nature». Милитарные метафоры характеризуют ситуацию борьбы с коронавирусом как жестокое сражение, в котором вирус представлен как враг, а медицинские и социальные меры – как военные действия. Природные метафоры, в свою очередь, создают представление о вирусе как о естественном природном явлении, которое обладает мощью, непредсказуемостью и способно влиять на жизнь человека.

Ключевые слова: концептуальная метафора, природоморфная метафора, милитарная метафора, COVID-19, коронавирус, СМИ Великобритании, концептуализация.

1. Введение

В последние годы человечество столкнулось с немалым количеством трудностей, и пандемия COVID-19 стала одной из них. Эта тема приобрела глобальный масштаб и оказалась в центре внимания мировых СМИ, в том числе и в Великобритании. Мировой кризис, вызванный пандемией, стал стимулом для масштабного и спонтанного процесса осмысления новой эпидемии, а «метафорическая концептуализация стала важным инструментом описания этой болезни и ее влияния на общество» [Будаев, Аникина, 2024, с. 28].

В настоящее время существует широкий спектр исследований, посвящённых концептуальной метафоре [Балашова, 2020; Баранов, 2014; Будаев, Тихонов, 2016; Чудинов, 2001; Spellman, 1993], что свидетельствует о растущем внимании к теории концептуальной метафоры, предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [2004]. Повышенный интерес лингвистов к метафоре объясняется ее двойственной природой: с одной стороны, она отражает глубинные когнитивные процессы, а с другой –

служит мощным средством для формирования общественного мнения и тенденций в понимании конкретных явлений, особенно в СМИ [Musolff, 2004; Ritchie, 2003].

В настоящем исследовании исследуются особенности метафорической концептуализации COVID-19 в СМИ Великобритании (2020-2025 гг.). Исследование метафор, используемых для осмысления ковида на пике эпидемии, уже проводилось [Балашова, 2020], в том числе и на примере британских СМИ [Будаев, Ковалева, Щербинина, 2022]. Вместе с тем отдельный интерес представляет общая метафорическая картина с учетом постэпидемической ситуации, когда опасность инфекции стала сходить на нет.

2. Материал и методика исследования

Материалом для настоящей работы послужил корпус из 50 метафор, использованных в СМИ Великобритании («The Guardian», «The Daily Telegraph», «The Independent», «Daily Mirror», «The Sunday Times») за период 2020–2025 гг.

Методология настоящего исследования основывается на постулатах когнитивно-дискурсивной парадигмы (Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова) и когнитивной теории метафоры (А. Н. Баранов, М. Джонсон, Дж. Лакофф, А. П. Чудинов и др.).

В процессе исследования использовались такие методы как: описательный метод, метод выборки, систематизация, метод метафорического моделирования, дискурсивный анализ.

Метод концептуального анализа метафор включает в себя инвентаризацию концептуальных признаков, актуализованных в СМИ, с последующим их изучением с точки зрения когнитивных процессов и дискурсивных особенностей.

3. Когнитивная теория метафоры

В 1980 г. Дж. Лакофф и М. Джонсон представили книгу «Метафоры, которыми мы живем», которая стала основой для большинства современных работ по теории и практике изучения концептуальной метафоры. «Термин “концептуальная метафора” позволяет дифференцировать языковые средства выражения и лежащий в их основе когнитивный процесс, то есть понимание одного явления в терминах другого» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 162]. Ученые объясняли, что процесс метафоризации возникает в результате взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов - источника и мишени. Сфера-источник (source domain) – это сфера концептов, откуда берется информация, в то время как сфера-мишень (target domain) – то, на что информация переносится. Сфера источника представляет собой более конкретную концепцию – знание, основанное на опыте, полученном напрямую из реальности; а сфера мишени отражает знание, которое является менее конкретным и ясным. В сфере источнике знания организованы в виде схем образов –

простых и устойчивых паттернов, постоянно формирующихся в ходе физического взаимодействия с окружающей средой [Федосеева, 2017, с. 309].

Сформировавшиеся элементы источника, полученные в результате опыта человека с окружающим миром, структурируют концептуальную сферу-мишень через однонаправленный метафорический процесс, что составляет когнитивный потенциал метафоры. Физический опыт, который организует категоризацию реальности в виде простых когнитивных структур – «образ-схем», является первоначальным источником знаний, составляющих концептуальные домены. «Метафорическая проекция происходит не только между отдельными элементами двух структур знаний, но и между целыми концептуальными доменами» [Чудинов, Будаев, 2007, с. 54].

У людей нет необходимости придумывать новую лексику: они задействуют уже существующие языковые средства. Метафора помогает распознать знакомое в новом, очевидное – в менее очевидном. Сфера-источник, в отличие от сферы-мишени, обладает большей ясностью и конкретностью, а также доступна для физического восприятия (считается, что зрение и осязание играют ключевую роль в нашем восприятии). Наши знания о сфере-источнике более детальны и легко передаются другим.

Ученые приводят множество примеров, таких как «Love is a journey», «Argument is war», «Time is money». Эти примеры показывают, как мы используем метафоры для описания абстрактных понятий через более осязаемые и понятные сравнения [Lakoff, 1980, с. 7].

Существуют различные типологии когнитивных метафор. Лакофф и Джонсон выделяют три их типа:

1. Структурные метафоры
2. Онтологические метафоры
3. Ориентационные метафоры.

В структурных метафорах сфера источника используется для осмысления сферы мишени («спор – это война»). Онтологические метафоры классифицируют абстрактные понятия, приписывая им личностные черты или определяя их местоположение. Ориентационные метафоры базируются на пространственной ориентации, проецируя ее на более абстрактные уровни восприятия («быть в приподнятом настроении»). Именно телесный опыт является основой ориентационных и онтологических метафор. Сфера источника всегда связаны с более конкретным, телесным опытом, что позволяет нам структурировать более расплывчатые концепции, не имеющие прямого отражения в физическом мире.

На текущем этапе существует несколько подходов к исследованию метафоры, которые взаимодействуют, дополняют и развивают друг друга, образуя сложный научный прототип когнитивного подхода. Эти подходы объединяются по принципу «типичного сходства» и включают в себя

классическую теорию концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson 1980], теорию первичных метафор [Grady et al. 1996], коннективную теорию метафорической интерпретации [Ritchie 2004], дескрипторную теорию метафоры [Баранов, 2014] и другие.

Одним из основных элементов когнитивной теории метафор является понятие «метафорического фрейма», который является моделью абстрактного образа, минимально возможным описанием сущности какого-либо объекта, явления, события, ситуации, процесса. Фреймы могут быть связаны с определенными областями знаний, такими как здоровье, политика или спорт, или с более общими концептуальными категориями, такими как временные рамки, пространственные ориентиры или социальная иерархия [Назаретян, 2011].

Метафорические фреймы помогают нам организовать и понимать сложные абстрактные понятия через более знакомые и осязаемые сравнения. Например, «Argument is war» позволяет нам использовать военные метафоры (например, «атаковать аргумент» или «защищать позицию») для описания процессов обсуждения.

Каждый фрейм основан на концептуальной метафоре, где одно понятие связано с другим. Например, «Time is money» позволяет нам видеть время как ограниченный ресурс, который можно тратить или экономить.

В общем пространстве присутствуют роли, фреймы и схемы, характерные для каждого исходного пространства, которые являются основой для метафоризации на абстрактном уровне. При смешивании деталей исходных пространств в бленде формируется новая качественная концептуальная структура, которая уже не зависит от исходных пространств и обладает своими собственными потенциальными возможностями для дальнейшего развития.

Такой подход можно продемонстрировать на примере метафорического контекста “*That hurricane is coming*”: *expert warns US to brace for virulent Covid strain* («Надвигается ураган»: эксперт предупреждает нас о необходимости готовиться к появлению опасного штамма Covid-19) (The Guardian. 2021).

В рассматриваемом бленде коронавирус соотносится с катастрофой, а последствия с разрушительным природным элементом. Этот пример метафоры иллюстрирует, как сочетание различных концептуальных пространств может привести к созданию новых смыслов и представлений.

Обобщая все вышесказанное можно сделать вывод о том, что когнитивный подход к анализу метафоры занимает важное место в современной метафорологии, но многие аспекты когнитивной теории все еще затронуты дискуссией. Теория, предложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, широко признана в мировой науке и практических исследованиях, но ее продвижение и интерпретация продолжают в различных научных школах и направлениях, приобретая новые импульсы и эволюционируя в рамках различных методологических подходов.

4. Анализ метафор из сферы-источника «War»

Исследование медийных текстов в Великобритании демонстрирует активное использование военной лексики в период пандемии. Данный факт обусловлен внезапностью и летальностью вируса, что ассоциируется с нападением вражеских войск. Следовательно, описание пандемии Covid-19 нередко осуществляется посредством военных метафор, подразумевающих решительные и силовые методы разрешения возникшего конфликта.

В периоды беспокойства, паники и страха наиболее распространенным и бросающимся в глаза стало использование военной терминологии. Вирус представляется как противник, а противостоянии пандемии – как военные действия. Это не только создает ясные образы, позволяющие легче понять сложные концепции и динамику борьбы с инфекцией, но и вызывает у людей чувство единства и общего фронта.

Метафора «*a war zone*» (военная зона) используется для описания экстремальной и подавляющей атмосферы, царящей в отделениях, борющихся с коронавирусом. Ср.:

«The heat, the noise, the smell, the panic... it was like a war zone»: Life on the Covid wards (The Daily Telegraph. 22.02.2024). – *Жара, шум, вонь, паника... это было похоже на зону боевых действий*: *Жизнь в отделениях по борьбе с Covid.*

Такие лексемы как «*heat*», «*noise*», «*smell*» и «*panic*» напоминают о хаосе на поле боя, где все чувствуют себя под давлением и сталкиваются с угрозой, и это напрямую переключается с состоянием медиков и пациентов в условиях пандемии.

Следующий пример метафоры «*explosion*». Ср.:

LA's Covid-19 «explosion»: overwhelmed hospitals, struggling workers, shuttered restaurants (The Guardian. 03.07.2020). – *«Взрыв» Covid-19 в Лос-Анджелесе: переполненные больницы, рабочие, испытывающие трудности, закрытые рестораны.*

Covid-19 outbreak like a nuclear explosion, says archbishop of Canterbury – as it happened (The Guardian. 18.03.2020). – *Вспышка Covid-19 подобна ядерному взрыву, говорит архиепископ Кентерберийский – как это произошло.*

В двух примерах метафора подразумевает внезапное и стремительное разрастание проблемы. Вместо постепенного роста, вирус словно «взорвался», поразив огромную территорию или число людей за короткий промежуток времени.

В публикациях, посвященных коронавирусной инфекции, особое внимание уделяется ее влиянию на социум. Представляя Covid-19 как противника, с которым необходимо бороться, авторы изображают последствия его распространения как некие активные «действия». Это подчеркивается использованием слов «вирус» и «пандемия» в роли подлежащего в предложениях. Ср.:

Long Covid might strike half a million people during current wave, Neil Ferguson warns (The Daily Telegraph. 18.07.2021). – Нил Фергюсон предупреждает, что во время нынешней волны, Covid может поразить пол-миллиона человек.

Coronavirus: New study explains how Covid-19 attacks the brain (The Independent. 10.09.2020). – Коронавирус: Новое исследование объясняет, как Covid-19 поражает мозг.

В первом примере лексема «strike» (удар, поразить) подразумевает мгновенное вмешательство. Это создает впечатление, что вирус может в любой момент «ударить» по людям, и внезапность этого удара может вызвать страх и тревогу.

Во втором примере метафора «Covid-19 attacks» усиливает образ вируса как агрессивного агента, который осуществляет нападение на организм человека. Это подчеркивает не только физическое воздействие, но и потенциальные долгосрочные последствия.

По мере накопления новых научных данных, разработки вакцин и лекарств против вируса, меняется и образ войны в общественном сознании. Если раньше человечество воспринималось как проигравшая сторона, то с конца 2021 года ситуация изменилась: человечество перешло к активному противодействию. В этом контексте используется метафора «*a war against Covid*». Ср.:

The war against Covid is over – if we want it to be (The Guardian. 22.09.2021). – Война с Covid окончена – если мы этого хотим.

Анализ метафоры «*a battle*» (битва, война) показывает, что нация принимает активное участие в сопротивлении пандемии. Битва говорит о конкретных действиях, которые предпринимаются для преодоления кризиса: разработка вакцин, введение локдаунов, организация медицинских служб и т.д. Ср.:

The Great British Battle: how the fight against coronavirus spread a new nationalism (The Guardian. 16.05.2020). – Великая британская битва: как борьба с коронавирусом распространила новый национализм.

В этом случае метафора «*war*» (война) акцентируется на масштабности и серьезности вызовов, связанных с пандемией. Война означает длительное и изнурительное противостояние, касающееся не только здоровья, но и социальных, экономических, психологических аспектов жизни. Ср.:

We were in a war: behind 2021's most devastating Covid-19 documentary (The Guardian. 18.11.2021). – «Мы были на войне»: самый разрушительный документальный фильм о Covid-19 2021 года.

Далее рассмотрим метафору «*Covid-19 killed*» (коронавирус унес жизни). Ср.:

Covid-19 has killed at least 17,000 frontline health workers globally, figures show (The Daily Telegraph. 05.05.2021). – Согласно статистическим

данным, Covid-19 унес жизни по меньшей мере 17 000 работников здравоохранения во всем мире.

В данном случае отображается ощущение абсолютной, необратимой опасности. Это не просто упоминание о том, что коронавирус вызывает болезни, это акцент на том, что вирус приводит к смерти, что серьезность ситуации явной и недвусмысленной.

Похожая метафора «*job-killer*» (убийца рабочих мест). Ср.:

«*Job-killer of the century*»: *economies of Pacific islands face collapse over Covid-19* (The Guardian. 10.07.2020). – «Убийца рабочих мест века: экономике тихоокеанских островов грозит крах из-за Covid-19.

Помимо того, что коронавирус угрожает миллионам человеческим жизням, он также затрагивает гораздо более широкие социальные и экономические сферы. Коронавирус описывается как причина массовых увольнений и потери рабочих мест, что может привести к долгосрочным последствиям для целых стран и регионов.

Метафора «*coronavirus victim*» (жертва коронавируса) является эмоционально заряженным образом, который передает глубокую личную утрату, связанную с пандемией. Ср.:

I think about one special coronavirus victim as I cry myself to sleep (The Guardian. 19.05.2020). – Я думаю об одной особенной жертве коронавируса, когда плачу перед сном.

Использование метафоры акцентирует внимание на том, что жертва – это не просто статистика или абстрактное понятие, а конкретный человек с именем, историей и близкими. Это может вызвать чувства бессилия и утраты контроля, поскольку вирус угрожает самым уязвимым, и часто никто не может предотвратить эти последствия.

Рассмотрим такой фрейм как «*protect against the virus*» (защитить от вируса). Ср.:

Covid: How well do face masks protect us against the virus? (The Independent. 20.01.2022). – Covid: Насколько хорошо маски для лица защищают нас от вируса?

Воспринимая вирус как внешний враг, использование лексики «*protect*» создает образ барьера или щита, которые необходимо возводить, чтобы предотвратить атаку. Метафора также метко отражает мысль о социальной ответственности. Защита от вируса предполагает не только личные усилия, но и заботу о других. Ношение масок, как часть этой защиты, становится символом общественной солидарности и взаимопомощи.

Метафора «*double whammy*» (двойной удар) указывает на то, что человек одновременно сталкивается с двумя болезнями – Covid-19 и обычной простудой. Это создает образ неожиданных, но связанных между собой угроз, которые оказывают серьезное воздействие на здоровье, вызывая такие симптомы как заложенность носа и кашель. Ср.:

«*Double whammy*» of Covid and cold infections wreaks havoc with blocked noses and coughs (Daily Mirror. 03.10.2024). – «*Двойной удар*» Covid и протудных инфекций приводит к заложенности носа и кашлю.

В медиапространстве Великобритании фрейм по метафорам «*victory over Covid-19*» (победа над коронавирусом) является самым запоминающимся и распространенным. СМИ Великобритании активно используют эту метафору, чтобы подчеркнуть позитивные события, связанные с выздоровлением людей. Ср.:

Boris Johnson's refusal to admit victory over Covid comes at a high cost (The Daily Telegraph. 21.04.2021). – *Отказ Бориса Джонсона признать победу над Covid обходится дорого.*

Метафора «*victory*» (победа) в этом случае используется для передачи успеха и достижения общества в борьбе с опасным вирусом. Это подчеркивает идею о том, что борьба с коронавирусом может быть выиграна, если приложить к этому достаточно усилий.

Однако используемая в контексте отказа Бориса Джонсона признать победу, метафора описывает сложность процесса и политику. Это намекает на то, что «победа» может быть более сложной, чем кажется, и включает не только контроль над вирусом, но и социальные, экономические и политические последствия.

Рассмотрим метафору «*winners and losers*» (победители и проигравшие). Ср.:

Coronavirus: who will be winners and losers in new world order? (The Guardian. 11.04.2020). – *Коронавирус: кто будет победителями и проигравшими в новом мировом порядке?*

В борьбе с коронавирусом, как и в любой другой битве, есть те, кто добился успеха, и те, кто потерпел поражение. Пандемия Covid-19 привела к значительным изменениям в мировой экономике. Некоторые отрасли, такие как технологии и здравоохранение, стали «победителями», тогда как другие, например, авиация и туризм, столкнулись с колоссальными потерями.

Обобщая вышесказанное можно сказать, что милитарные метафоры служат для усиления сообщения и придачи происходящему более серьезного и драматичного контекста. Они помогают ярче передать суть проблемы и объединить людей для борьбы с общей угрозой. Однако важно помнить, что милитарные метафоры являются хоть и мощным инструментом воздействия, но также требуют осторожного использования, чтобы избежать негативных последствий.

5. Анализ метафор из сферы-источника «Nature»

Из анализа языкового материала следует, что во время пандемии в СМИ резко выросло количество метафор, связанных с природой, особенно со стихийными бедствиями. Этот факт объясняется тем, что появление ви-

руса было неожиданным и смертоносным, подобно природному катаклизму, обрушившемуся на человечество.

В СМИ Великобритании метафоры природы представлены следующими лексическими единицами – «*a wave*» (волна), «*fire*» (огонь, пламя), «*a cloud*» (облако), «*an avalanche*» (лавина), «*a tsunami*» (цунами), «*a storm*» (шторм), «*a disaster*» (стихийное бедствие), «*shadow*» (тень), «*fog*» (туман), «*lightning*» (молния). Изучение представленных примеров позволяет выделить несколько фреймов. Один из них связан с концептом коронавируса, который репрезентируется лексической единицей «*la vague*» (волна).

В англоязычных медийных текстах на первый план выходит понятие цикличности распространения вируса, которое осмысляется через лексическую единицу *wave* (волна). Основанием для аналогии между эпидемией и волной послужил «волнообразный» характер пандемии, который отражает цикличность всплеск заболевания, где каждая «волна» представляет собой период увеличения числа случаев инфицирования, за которым может последовать спад. Тем самым, данная метафора показывает, что пандемия воспринимается как динамичный процесс, который имеет свои подъемы и спады. Ср.:

«*A ton of Covid out there*»: *US summer wave not taken seriously enough – experts* (The Guardian. 04.09.2024). – «Там тонна Covid»: летнюю волну в США не восприняли достаточно серьезно – эксперты.

Метафора «*second wave*» описывает повторный подъем заболеваемости после периода относительного спада, акцентируя важность постоянного контроля и подготовленности к дальнейшей борьбе с распространением инфекции. Данная аналогия также намекает на возможность усугубления ситуации и ее более продолжительный характер по сравнению с первоначальными прогнозами. Ср.:

«*One big wave*» – *why the Covid-19 second wave may not exist* (The Guardian. 29.07.2020). – «Одна большая волна» – почему второй волны Covid-19 может и не быть.

Быстрое распространение коронавируса, а также его разрушительные последствия часто сравнивают с таким стихийным бедствием как «*a tsunami*». Как «цунами», которое внезапно и с огромной силой обрушивается на побережье, оставляя после себя опустошение, так и пандемия нанесла удар по уязвимым слоям населения, обострив существующие проблемы, такие как бедность и недостаток ресурсов. Ср.:

«*It's a tsunami*»: *pandemic leaves vulnerable Latin America reeling* (The Guardian. 05.07.2020). – «Это цунами»: пандемия сотрясает уязвимую Латинскую Америку.

Как и стихийное бедствие, инфекция вызывает страх и беспокойство. Ср.:

Warning of Covid «disaster» in Japan as cases explode (The Guardian. 13.08.2021). – *Предупреждение о «катастрофе», вызванной Covid, в Японии, поскольку число случаев заболевания растет.*

В данном примере метафора «disaster» подчеркивает, что рост числа случаев заражения может привести к перегрузке медицинских систем, увеличению числа смертей и ухудшению условий жизни.

Коронавирус также сравнивают с таким природным явлением как «storm» (буря, шторм). Ср.:

«Perfect storm»: how Covid is compounding New Zealand's existing social crises (The Guardian. 05.10.2021). – *«Идеальный шторм»: как Covid усугубляет существующие социальные кризисы в Новой Зеландии.*

В данном примере языковая единица «шторм» является метафорой, которая используется для того, чтобы подчеркнуть усугубление различных социальных кризисов в Новой Зеландии (такие как дорогое жилье, проблемы в системе здравоохранения, рост преступности и т. д.) из-за пандемии Covid.

Далее рассмотрим пример фрейма «a cloud» (облако). Ср.:

«Storm clouds» over Europe – but UK Covid rates remain high (The Guardian. 19.11.2021). – *«Грозовые тучи» над Европой, но уровень заболеваемости Covid в Великобритании остается высоким.*

Метафора «штормовые облака» символизирует угрозу, которая повисла над Европой. Штормовые облака ассоциируются с плохой погодой, бурей и неопределенностью. Использование этой метафоры указывает на потенциальные проблемы или новые случаи заражения, которые могут обострить текущую ситуацию.

В этом случае, лексема «a cloud» выступает как символ тяжелого бремени или тяжести, связанной с пандемией. Оно может передавать ощущение подавленности и страха, остающиеся даже после улучшения ситуации (когда «облако» начнет рассеиваться). Ср.:

The Covid cloud is starting to lift – but two years on, its legacy of grief lingers (The Guardian. 12.03.2022). – *Облако Covid начинает рассеиваться, но спустя два года его печальное наследие остается.*

Метафоры, используемые в СМИ Великобритании для описания коронавируса, часто связаны с терминами, связанными с силой и мощью природных явлений. Так, слово «an avalanche» (лавины) символизирует необратимый и разрушительный процесс, который начинается с небольшого количества событий (например, первых случаев заражения) и затем стремительно нарастает, вызывая серьезные последствия. Ср.:

The Omicron variant has caused an avalanche of Covid-19 cases in Australia in the past months (The Guardian. 16.02.2022). – *Вариант Омикрона вызвал лавину случаев заражения Covid-19 в Австралии за последние месяцы.*

В этом контексте метафора «лавина» передает чувство внезапности и масштабности проблемы: как лавина, которая способна сносить все на своем пути, новый вариант вируса «завалил» систему здравоохранения, обострив ситуацию и создав новые вызовы для общества.

Коронавирус представляет собой потенциально разрушительную угрозу и может быть определен как «*lightning*» (молния). Ср.:

Long Covid felt like bolts of lightning going through my lungs – and my recovery could take two years (The Daily Telegraph. 18.07.2021). – *Затяжной Covid ощущался как удары молнии, пронзающие мои легкие, и мое восстановление от него могло занять два года.*

В статье в журнале «*The Daily Telegraph*» от 18 июля 2021 года под заголовком «*Long Covid felt like bolts of lightning going through my lungs – and my recovery could take two years*» используется метафора «*bolts of lightning*» (вспышки молнии) для отражения ощущения резкой, сильной боли или дискомфорта в легких, подобной стремительным и неожиданным ударам молнии. Это сравнение иллюстрирует интенсивность и внезапность симптомов коронавируса, которые могут быть настолько мощными, что их трудно игнорировать.

Долгосрочные последствия коронавируса сравнивают с «*shadow*» (тень). Ср.:

Long Covid is the pandemic's dark shadow. Why does no one in power in Britain want to talk about it? (The Guardian. 17.03.2025). – *Долгое время Covid оставался мрачной тенью пандемии. Почему никто из представителей власти в Британии не хочет говорить об этом?*

Метафора «*shadow*» в этом контексте символизирует что-то опасное, скрытое и подавляющее, что продолжает существовать даже после того, как основная угроза (пандемия) уменьшилась.

«Тень» также может подразумевать, что долгий Covid-19 остается вне поле зрения, не получает должного внимания со стороны властей и общества. Это приводит к ощущению игнорирования проблемы и создает вопрос о том, почему власти не хотят открыто обсуждать эту важную тему.

Далее рассмотрим пример фрейма «*fire*» (огонь, пламя). Ср.:

«*We're playing with fire*»: *US Covid cases may be 30 times higher than reported* (The Guardian. 02.06.2022). – «*Мы играем с огнем*»: *число случаев заболевания Covid в США может быть в 30 раз выше, чем сообщалось ранее.*

Метафора «огонь» подразумевает, что мы рискуем столкнуться с серьезными последствиями из-за халатности или недостаточной бдительности. В контексте Covid-19 это означает, что игнорирование реальных масштабов заболевания (которые могут быть в 30 раз выше официальных данных) может привести к ухудшению ситуации и большим последствиям для здоровья людей.

Распространение вируса подобно распространению огня. Ср.:

«*Do not let this fire burn*»: WHO warns Europe over Covid-19 (The Guardian. 13.03.2020). – «*Не дайте этому огню разгореться*»: ВОЗ предупреждает Европу о Covid-19.

Предостережение ВОЗ указывает на необходимость активных действий для контроля пандемии, чтобы не позволить ей развиваться и причинять ущерб. Этот образ подчеркивает важность раннего вмешательства.

Метафора «*fire drill*» (пожарная тревога) употребляется для обозначения Covid-19 как предупреждения или репетиции перед более серьезной угрозой, связанной с климатическими изменениями. Она подразумевает, что пандемия служит уроком о том, что человечество может быть не готово к более серьезным кризисам, связанными с климатом, подчеркивая, что действия должны быть предприняты сейчас, чтобы предотвратить более разрушительные последствия в будущем. Ср.:

Covid-19 pandemic is «fire drill» for effects of climate crisis, says UN official (The Guardian. 15.06.2020). – *Пандемия Covid-19 - это «пожарная тревога» по поводу последствий климатического кризиса, заявил официальный представитель ООН.*

Коронавирус также сравнивают с таким природным явлением как «*fog*» (туман). Ср.:

«*Brain fog*»: *the people struggling to think clearly months after Covid* (The Guardian. 09.10.2020). – «*Туман в мозгу*»: *люди, которые пытаются ясно мыслить спустя месяцы после Covid.*

Метафора «*brain fog*» (туман в голове) используется для описания состояния, когда человек испытывает трудности с ясным мышлением, концентрацией и памятью. В контексте последствий Covid-19 это состояние символизирует нечто неопределенное и заслоняющее ясность – словно туман, который окутывает мозг, затрудняя восприятие информации и принятие решений.

Таким образом, метафоры, связанные с коронавирусом, подчеркивают различные аспекты пандемии, включая ее динамику, масштабы распространения и влияние на жизнь общества. Они не только помогают визуализировать абстрактные и сложные процессы, такие как распространение вируса, но и передают эмоциональное напряжение и серьезность ситуации.

Природные метафоры, используемые для описания коронавируса, являются особенно распространенными и мощными. Они черпают аналогии из мира природы, чтобы помочь нам осмыслить и выразить различные аспекты пандемии.

5. Заключение

В настоящей статье были проанализированы метафоры, входящие в концептосферы NATURE и WAR. Самыми востребованными оказались метафоры из сферы-источника «War», характеризующие ситуацию борьбы с коронавирусом как жестокое сражение, в котором вирус представлен как враг, а медицинские и социальные меры – как военные действия. Это со-

здает образ эпидемии как войны, в которой задействованы не только врачи и медицинский персонал, но и вся общественность.

Столь же востребованным источником метафор оказалась сфера-источник «Nature». Метафоры данной группы создают представление о вирусе как о естественном природном явлении, которое обладает мощью, непредсказуемостью и способно влиять на жизнь человека. Как показал анализ, среди метафор природы самой востребованной оказалась метафора волны, которая описывает многочисленные возвращения эпидемии после кратковременных затиший. Также востребованными оказались образы стихийных бедствий (цунами, ураган, шторм, гроза), что обусловлено внезапностью начала пандемии и ее разрушительными последствиями для многих сфер жизни общества. Эти метафоры подчеркивают не только физическую угрозу, но и эмоциональное воздействие, которое пандемия оказала на людей.

Таким образом, использование метафор о COVID-19 в англоязычных СМИ помогает обществу осознать сложность ситуации, в которой мы находимся, и подчеркивает важность готовности к изменениям.

Список литературы

1. Балашова Л. В. Милитарная метафора как способ формирования концепта ковид-19 в речи В. В. Путина / Л. В. Балашова. – Текст : непосредственный // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7. – № 4. – С. 777–800.
2. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. – Москва : ЯСК, 2014. – 632 с. – Текст : непосредственный.
3. Будаев, Э. В. Метафоры природы как средство концептуализации COVID-19 в СМИ Великобритании и США / Э. В. Будаев, С. О Ковалева, П. П. Щербинина // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. – 2022. – № 2. – С. 26–38.
4. Будаев, Э. В. Неживая природа как сфера-источник метафорической концептуализации пандемии COVID-19 в СМИ Франции / Э. В. Будаев, Т. В. Аникина. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2024. – № 2. – С. 27–34.
5. Будаев, Э. В. Зооморфные метафоры как инструмент концептуализации сирийского конфликта в СМИ России и США / Э. В. Будаев, В. В. Тихонов. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2016. – № 2 (56). – С. 43–49.
6. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с. – Текст : непосредственный.
7. Федосеева, Д. А. Когнитивная теория метафоры и обзор имбодимент-подхода к познанию / Д. А. Федосеева. – Текст : непосредственный //

МЕТОД: Московский ежегодник трудов из общественных дисциплин. – 2017. – № 7. – С. 306–314.

8. Чудинов, А. П. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 5. – С. 54–57.

9. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с. – Текст : непосредственный.

10. Grady, J. Primitive and compound metaphors / J. Grady, S. Taub, S. Morgan : Conceptual structure, discourse and language / Ed. A. Goldberg. – Stanford, CA : Center for the study of Language and Information, 1996. – 504 p. – Текст : непосредственный.

11. Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 237 p. – Текст : непосредственный.

12. Musolff, A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe / A. Musolff. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004. – 224 p. – Текст : непосредственный.

13. Ritchie, D. “ARGUMENT IS WAR” – Or is it a Game of Chess? Multiple Meanings in the Analysis of Implicit Metaphors / D. Ritchie. – Текст : непосредственный // Metaphor and Symbol. – 2003. – Vol. 18. – № 2. – P. 125–146.

14. Ritchie, D. Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the Conversation / D. Ritchie. – Текст : непосредственный // Metaphor and Symbol. – 2004. – Vol. 19. – № 3. – P. 233–244.

15. Spellman, B. A Coherence Model of Cognitive Consistency: Dynamics of Attitude Change During The Persian Gulf War / B. Spellman, J. Ullman, K. Holyoak – Текст : непосредственный // Journal of Social Issues. – 1993. – Vol. 49. – № 3. – P. 147–165.

Получена: 17.05.2025

Принята: 28.06.2025

THE METAPHORICAL IMAGE OF COVID-19 IN THE UK MEDIA

E. A. Mozzherina

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
lizamozzherina@gmail.com

Abstract. The article deals with the nature metaphors as a means of conceptualization COVID-19 in the English media. Metaphorical contexts from the media of Great Britain for the period from March 2020 to March 2025 were used as the material of the study. The research was carried out within the framework of the cognitive-discursive approach, which implies the analysis of metaphor as a cognitive phenomenon in the extralinguistic context of media discourse. The following methods were used during the research: descriptive method, sampling, systematization, metaphorical modeling method, discursive approach to the analysis of metaphors. As the analysis showed, among the most frequent metaphors constructing the image of migration in the French media are images related to the source domains «War» and «Nature». Military metaphors characterize the situation of the fight against coronavirus as a fierce battle, in which the virus is presented as an enemy, and medical and social measures are presented as military actions. Natural metaphors, in turn, create an idea of the virus as a natural phenomenon that has power, unpredictability and it is capable of influencing human life.

Key words: conceptual metaphor, nature metaphor, military metaphor COVID-19, coronavirus, English media, conceptualization.

References

Baranov, A. N. (2014). *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptive Theory of Metaphor]. Moscow: YaSK.

Budaev, E. V., & Anikina, T. V. (2024). *Nezhivaya priroda kak sfero-istochnik metaforicheskoy kontseptualizatsii pandemii COVID-19 v SMI Frantsii* [Inanimate Nature as a Source Domain of Metaphorical Conceptualization of the COVID-19 Pandemic in French Media]. *Politicheskaya lingvistika*, 2, 27–34.

Lakoff, G., & Johnsen, M. (2004). *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live by]. Moscow: Editorial URSS.

Nazaretyan, N. V. (2011). The concept of "frame" in cognitive linguistics. *Linguistics*, 2. Available at: <https://pandia.ru/text/77/270/76611.php> (Accessed 14 april` 2023) (in Russian)

Smirnova, M. A. (2014). *Opreделение metafory i podxody k ee izucheniyu* [The definition of "metaphor" and approaches to its study]. *Philology and literary studies*, 9. Available at: <https://philology.snauka.ru> (Accessed 14 maj 2023) (in Russian)

Fedoseeva, D. A. (2017). *Kognitivnaya teoriya metafory i obzor imbodiment-podkhoda k poznaniyu* [Cognitive theory of metaphor and an overview of the imbodiment approach to cognition]. *METHOD: Moskovskiy ezhegodnik trudov iz obshchestvennykh distsiplin*, 7, 306–314.

Chudinov, A. P., & Budaev, E. V. (2017). *Kognitivnaya teoriya metafory na sovremennoy etape razvitiya* [Cognitive theory of metaphor at the present stage of development]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 5, 54–57.

Chudinov, A. P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory* [Russia in a metaphorical mirror: cognitive study of political metaphor]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t.

Grady, J., Taub, S., & Morgan, S. (1996). *Primitive and compound metaphors: Conceptual structure, discourse and language*. Stanford, CA: Center for the study of Language and Information.

Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press.

Musolff, A. (2004). *Metaphor and Political Discourse: Analogical Reasoning in Debates about Europe*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Ritchie, D. (2003). "ARGUMENT IS WAR" – Or is it a Game of Chess? Multiple Meanings in the Analysis of Implicit Metaphors. *Metaphor and Symbol*, 18, 125–146.

Ritchie, D. (2004). Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the Conversation. *Metaphor and Symbol*, 19, 233–244.

Spellman, B., Ullman, J., & Holyoak, K. (1993). Coherence Model of Cognitive Consistency: Dynamics of Attitude Change During The Persian Gulf War. *Journal of Social Issues*, 49, 147–165.

Submitted: 17.05.2025

Accepted: 28.06.2025

УДК 821.111

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ПОСТАПОКАЛИПТИКИ В РОМАНЕ Д. А. ГЛУХОВСКОГО¹ «МЕТРО 2033»

Ю. В. Несынова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Уральского государственного педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
nt-neca@mail.ru

В. С. Шитов

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Уральского государственного педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
vslav13613@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается история развития и основные черты постапокалиптической литературы, описывается теоретическая модель жанра постапокалиптики. Проведен анализ особенностей воплощения жанра постапокалиптики в романе Д. А. Глуховского «Метро 2033». В работе применяются историко-литературный, сравнительно-исторический, культурно-исторический и жанровый анализ, а также элементы структурного и интертекстуального анализа. Сделан вывод о том, роман представляет собой сложное и многослойное произведение, в полной мере соответствующее ключевым характеристикам жанра постапокалиптики, но при этом обогащающее его новыми смысловыми и структурными измерениями. Полученный выводы позволяют рассматривать «Метро 2033» как роман, внесший значимый вклад в развитие отечественной постапокалиптической литературы и важный культурный феномен, отражающий тревоги и надежды современного человека.

Ключевые слова: жанровая модель; жанр постапокалиптики; Д. А. Глуховский; роман «Метро 2033»; тематика; проблематика; пространственно-временная организация; внутренний и внешний конфликт; система персонажей.

1. Введение

Становление постапокалиптической литературы как самостоятельного жанра датируется XIX веком, когда на фоне научно-технического прогресса, индустриализации и первых мировых войн произошло радикальное переосмысление будущего цивилизации. В этот период возникла «школа катастроф», целью которой было показать беззащитность человека перед лицом необратимых стихийных или технологических сил. Ранние произведения представляли собой экспериментальные попытки описания конца све-

---

¹ внесен Минюстом в реестр физлиц-иноагентов.

та, где смешивались элементы антиутопии, мистики и романтического идеализма. Например, роман Мэри Шелли «Последний человек» – это попытка представить гибель человечества как результат загадочной пандемии; роман Ричарда Джеффериса «После Лондона, или Дикая Англия» отражает личные переживания автора, пережившего кризис индустриального общества, и демонстрирует попытку возврата к примитивным, сельским формам существования после глобального коллапса. Несмотря на то что данные произведения не получили массового признания, они заложили основу для формирования устойчивых канонов, на которых впоследствии строились дальнейшие произведения постапокалиптики.

С началом XX века, особенно в условиях холодной войны, когда реальная угроза ядерного конфликта стала частью повседневной жизни, произошел второй этап развития постапокалиптической фантастики [Воробьева, 2009]. Этот период характеризуется формированием устойчивых жанровых признаков, таких как масштабные катастрофы, разрушенные города, борьба за ресурсы и глубокая моральная деградация. Произведения Герберта Джорджа Уэллса, Айзека Азимова, Станислава Лема и других авторов стали эталонами, в которых на первый план вышли не только физические разрушения, но и внутренний мир персонажей, отражающий кризис моральных устоев. Эти произведения становятся зеркалом эпохи [Желтикова, 2014], отражая страхи перед тотальным уничтожением, но и пробуждая надежду на возможность возрождения и обновления.

Примечательно, что в советской культуре постапокалиптические образы проявлялись в зашифрованной форме – через фантастические и философские аллегории. Примером может служить роман братьев Стругацких «Обитаемый остров», где исследуются последствия ядерной войны и тоталитаризма.

В современном мире, который характеризуется массовой культурой, технологической зависимостью и виртуальной реальностью, постапокалиптическая фантастика претерпевает новую стадию развития. Общество сегодня сталкивается с информационной перенасыщенностью, что вынуждает человека искать альтернативные формы восприятия реальности [Готфрид, 2021]. Люди стремятся уйти от одиночества, погружаясь в миры, наполненные знаковым смыслом, мифами и символами. Постапокалиптический жанр становится не только способом художественного выражения, но и инструментом осмысления конца развитых форм цивилизации, предсказания будущего и критического анализа современных социальных процессов.

2. Материал и методика исследования

Материалом для исследования послужил роман Д. А. Глуховского «Метро 2033». В работе применяются следующие методы: историко-литературный (изучение произведения в контексте развития жанра, влияния исторических событий и предшественников), сравнительно-

исторический (сопоставление произведений одного жанра), культурно-исторический (выявление связи произведения с социокультурными тенденциями времени). Также применялись жанровый анализ, элементы структурного и интертекстуального анализа.

3. Анализ

Современные авторы активно заимствуют традиционные мотивы разрушения, борьбы за ресурсы и деградации общества, интегрируя их с элементами компьютерных игр, интерактивного повествования и киберпанка. Циклы романов «Метро 2033», «Эпоха мертвых», «Зона 31» и многочисленные киноленты, такие как «Ходячие мертвецы», «28 дней спустя», «Безумный Макс: Дорога ярости», становятся яркими примерами того, как постапокалиптическая фантастика адаптируется к реалиям XXI века [Санданов, 2013]. В условиях глобальных экологических кризисов, пандемий и геополитических конфликтов жанр обретает новую актуальность, становясь платформой для дискуссий о будущем человечества, его страхах и возможностях. Постапокалиптика становится зеркалом, отражающим последствия безудержного технократического развития, социального неравенства и экологических катастроф. Авторские образы и метафоры не только передают физическое разрушение, но и выражают внутренний кризис, сопровождающий гибель прежних культурных и моральных установок.

Постапокалиптика, благодаря своей многогранности, остается одним из самых актуальных и востребованных направлений современной культуры, предлагая не только эстетическое переживание, но и практические выводы для будущего развития человечества.

В любом художественном жанре моделирование мира базируется на ряде ключевых содержательных компонентов. Как правило, к ним относят тематику, проблематику, интенсивность и экстенсивность миромоделирования, эстетический пафос, а также сферу отношений человека с миром. Эти семь компонентов формируют содержательный план произведения и позволяют выстраивать целостную картину художественной реальности. Жанр постапокалиптики наделяет каждый из этих компонентов собственной жанровой спецификой.

В центре произведений постапокалиптики, как правило, катастрофа, разрушившая привычный уклад жизни человечества, и осмысление жизни после нее. Центральным тематическим элементом становится само событие глобального коллапса, которое может принимать разные формы: ядерная война, экологическая катастрофа, пандемия, техногенный кризис. Однако важнейшим становится не столько момент разрушения, сколько длительное существование в измененной реальности, в которой прежняя цивилизация осталась в прошлом.

В постапокалиптических произведениях нередко используется обращение к древним мифам и религиозным образам [Березовская, 2016], что

придает разрушению особый символический вес, – это позволяет воспринимать катастрофу не просто как случайное событие, а как этап, заложенный в мировой порядок и историю человечества. Мифологические мотивы создают символическую систему, в которой разрушение приобретает сакральное значение, – оно становится необходимым и неизбежным переходом к обновлению мира [Павлич, 2023]. Такая связь с глубинными культурными архетипами подчеркивает универсальность и вечность темы конца света, которую люди переосмысливают из поколения в поколение в зависимости от своих исторических и социальных страхов.

Особое внимание уделяется тому, как утрата привычной реальности влияет на человека. Одним из ключевых тематических направлений постапокалиптической литературы становится разрушение прежних ценностных систем. Катастрофа ставит под сомнение традиционные жизненные ориентиры, такие как семья, дом, государство, религия [Сомова, 2018]. Герои сталкиваются с необходимостью заново осмыслить свое существование, определить новые ориентиры и цели. Авторы показывают, что после исчезновения привычных институтов и норм возникает новый порядок, часто основанный на принципах выживания, силы, иерархии и утилитаризма. Новый порядок, возникающий после катастрофы, часто оказывается зеркалом человеческой природы – с ее страхами, жадной властью, но и способностью к состраданию.

Несмотря на разрушительные последствия катастрофы, постапокалиптические и антиутопические произведения часто обращаются к теме возрождения, как коллективного, так и индивидуального. Утрата прежнего порядка создает условия для формирования альтернативных моделей социальной жизни. Эти модели могут быть как утопическими, основанными на солидарности и сотрудничестве, так и антиутопическими – жесткими, авторитарными, лишенными человеческого лица [Хабибуллина, 2025]. Писатели, создавая такие сценарии, исследуют вопрос: способен ли человек построить новый мир после разрушения старого и каким будет этот мир?

Физическая борьба за выживание становится центральной темой постапокалиптических произведений. Ограниченные ресурсы (вода, еда и безопасные убежища) превращаются в предмет ожесточенного соперничества, а окружающая среда, наполненная радиацией, экстремальными климатическими явлениями и природными аномалиями, становится еще одним врагом. Разрушенные города, обломки зданий, мостов и других элементов инфраструктуры служат напоминанием о прошлом величии цивилизации и одновременно подчеркивают ее крах. В таких условиях хаос и насилие становятся неизбежными: угрозы нападения со стороны бандитов, мутантов или других агрессивных групп делают борьбу за жизнь ежедневной необходимостью, определяя динамику сюжета.

Социальный конфликт в постапокалиптических произведениях проявляется в распаде привычных институтов и появлении новых моделей взаи-

модействия между людьми. Общество утрачивает прежнюю целостность, разделяясь на противоборствующие группы, где границы между «своими» и «чужими» становятся критически важными. В таких условиях борьба за ресурсы, власть и влияние приводит к жестоким столкновениям, восстаниям и внутренним распрям, где моральные ориентиры постоянно пересматриваются. Кроме того, разрушение старого порядка вызывает культурную трансформацию, когда традиционные ценности уступают место новым нормам коллективного поведения, отражая глубинные изменения в социальной структуре и создавая основу для построения альтернативного общества.

Внутренний конфликт героев строится вокруг столкновения моральных принципов с суровой реальностью нового мира. Персонажи оказываются перед выбором между сохранением человечности и необходимостью приспособиться к жестоким условиям выживания, что приводит к глубоким психологическим переживаниям. Их внутренний кризис проявляется через борьбу с отчаянием, утрату веры в будущее и стремление сохранить достоинство, несмотря на тотальный коллапс. Эти переживания нередко сопровождаются эмоциональным поиском смысла существования, когда привычные ценности утрачены, а новые еще не сформированы. Через внутренние монологи, воспоминания и рефлексию автор раскрывает сложность самоопределения, показывая, как герои переосмысливают саму суть человечности в условиях разрушенного мира.

В совокупности проблематика постапокалиптики представляет собой сложный комплекс внешних, внутренних и социальных конфликтов, взаимодействие которых задает динамику повествования и углубляет художественное восприятие мира.

Стоит отметить и следующий компонент теоретической модели жанра – характеристика экстенсивности и интенсивности миромоделирования, именно она определяет, насколько полно автор способен изобразить многообразие нового мира, его масштаб и глубину проработки деталей.

Постапокалиптические произведения часто выделяются своей пространственной широтой, внимание автора сосредоточено на детальном изображении глобального разрушения. Читатель сталкивается с масштабными картинами опустошенных городов, безжизненных пустошей, руин промышленной цивилизации и гигантских территорий, которые служат постоянным напоминанием о некогда существовавшем мире. Авторы детально описывают способы добычи еды и воды, создание укрытий, защиту от опасностей и приспособление к новым реалиям. Внимание уделяется даже самым незначительным аспектам: как герои организуют быт, какие импровизированные технологии используют и как справляются с нехваткой привычных ресурсов. Важной особенностью становится временная динамизация: авторы отслеживают изменения окружающей среды, архитектуры и социальных структур с момента катастрофы до формирова-

ния нового порядка. Это позволяет показать не только сам факт разрушения, но и его последствия в долгосрочной перспективе. Помимо этого, детализированность изображения играет ключевую роль: каждое упоминание о брошенных вещах, разрушенных зданиях и забытых артефактах приобретает символическое значение. Эти элементы создают сложную и многослойную картину постапокалиптического мира, в котором глобальные процессы тесно переплетены с локальными деталями, формируя целостное восприятие разрушенной цивилизации.

Важнейшим элементом миромоделирования становится психологический анализ. Герои переживают не только физические, но и внутренние испытания, адаптируются к новому миру, сталкиваются с моральными дилеммами и ищут смысл жизни после катастрофы. Такое сочетание детализированной реальности, технических аспектов и психологического анализа создает эффект полного погружения в постапокалиптическую вселенную, делая ее живой и убедительной [Изволенская, 2023].

Пафос постапокалиптической литературы тяготеет к трагическому и романтическому началам, сочетая в себе «мировую скорбь», пессимистическое восприятие реальности и страстное стремление к утопическому идеалу, который представляется недостижимым. Часто он включает элементы героического пафоса.

Сфера отношений человека с миром является центральным компонентом плана содержания постапокалиптической литературы. Родовой смысл художественного произведения определяет характер этих отношений и способы их художественного воплощения. Эпическое событие здесь приобретает символическое значение, олицетворяя не только борьбу за выживание, но и более широкую, универсальную тему – соучастие человека в общем бытии мира, даже в его разрушенной форме. Эпическое начало постапокалиптического произведения формирует восприятие разрушенного мира как объективной, всеобъемлющей реальности, существующей независимо от отдельного человека. Оно олицетворяет судьбоносное столкновение человека с миром, где сама жизнь оказывается поставленной под сомнение, а каждый поступок приобретает архетипическое значение.

Одним из ключевых структурных компонентов постапокалиптического жанра является система персонажей. В условиях разрушенного мира герои выполняют не только сюжетную, но и символическую функцию, отражая ключевые идеи жанра – выживание, утрату, надежду и деградацию. Чаще всего центральной фигурой становится одинокий герой, оказавшийся в изоляции от общества. Такой персонаж представляет собой не просто выжившего, а носителя памяти о прошлом, носителя человеческого в мире, лишенном человечности. Рядом с центральным персонажем часто находится спутник героя – ребенок, партнер, или иной персонаж, с которым у главного героя возникает эмоциональная связь. Противостоящие фигуры обычно представлены в виде антагонистов-систем (тоталитарные режимы,

новые формы власти) или враждебных существ, олицетворяющих деградацию мира и человека.

В постапокалиптике доминируют мотивы пути, руин, тьмы, света, памяти и забвения. Эти элементы приобретают символическое значение: дорога – путь к спасению или утопии, руины – образ гибели цивилизации, тьма – аллегория безысходности и утраты гуманизма.

Таким образом, анализ теоретической модели жанра постапокалиптики позволяет выявить сложную и многоплановую систему жанровых признаков, отличающих постапокалиптическое повествование от других литературных форм. Каждый из рассмотренных элементов – от тематики и проблематики до символической мифологизации разрушения и представлений о возрождении – приобретает в рамках постапокалиптики особую глубину и напряженность.

Роман Дмитрия Глуховского «Метро 2033» был впервые опубликован в 2005 году и быстро приобрел популярность как в России, так и за ее пределами [Гольская, 2021]. Произведение стало заметным вкладом в жанр постапокалиптики благодаря оригинальной концепции мира: московский метрополитен, в подземных туннелях которого после катастрофы укрылись выжившие люди, в условиях которого образовалось новое общество со своей политикой, религией и культурой. Разнообразие фракций, идеологий и угроз внутри метро делает этот мир замкнутым, но насыщенным, а потому особенно выразительным с точки зрения жанровой модели постапокалиптики.

Катастрофа, лежащая в основе повествования, – это глобальная ядерная война, в результате которой поверхность Земли оказалась зараженной радиацией, покрыта пеплом и населена опасными мутировавшими существами. Воздух стал ядовитым, солнечный свет – недостижимым, привычные города – мертвыми. Наверху царит смерть: на поверхность можно выйти лишь в защитном костюме, с кислородной маской, и лишь ненадолго. Все это сделало дальнейшее существование на земле невозможным.

Катастрофа разрушила не только физическое пространство города, но и привычную иерархию смыслов. Метро становится не просто укрытием, а единственно возможной средой обитания для выживших. В нем сосредоточен весь остаточный социум – разрозненные группы людей, пытающиеся сохранить хотя бы иллюзию порядка и цивилизации. В этих подземных условиях рождается новая форма общественного устройства, лишенная прежнего централизованного управления. Каждая станция или группа станций превращается в самостоятельную социальную единицу с собственной системой власти, укладом и законами. Некоторые из них опираются на военную силу, например «Ганза», контролирующая выгодные торговые маршруты и действующая по принципам капиталистического государства. Другие выбирают путь идеологического давления: так, «Красная линия» представляет собой некоммунистическое сообщество,

где доминирует культ власти и ценностей коллективизма. Противоположностью ей становится «Четвертый рейх» – неонацистское образование, построенное на идее расового превосходства.

Эти режимы иллюстрируют то, как прежние политические и идеологические концепции переосмыслены в условиях постапокалипсиса. Они существуют скорее как карикатуры на прежние системы, не столько возрождая порядок, сколько подчеркивая его утрату. Право, мораль и культура больше не являются универсальными: вместо них действуют законы выживания, основанные на страхе, насилии и взаимном недоверии. Судебные процессы, образования, медицина – все это стало исключением, а не правилом. Нарушение внутреннего порядка может караться смертной казнью, а за проступки человек может быть изгнан в туннель, что означает верную смерть. Мир «Метро 2033» – это мир, где власть принадлежит тем, у кого есть оружие.

Разрушение привычного мира в «Метро 2033» охватывает все уровни существования человека – от телесного до духовного. Оно начинается с самой биологической природы: в результате ядерной катастрофы радиация изменила не только среду обитания, но и самих людей. На поверхности появились мутанты – искаженные формы жизни, в которых трудно узнать прежнее человечество. Эти существа становятся символом глубокой мутации, не просто внешней, но и смысловой: нарушена сама основа человеческого вида. Это первое, базовое звено в иерархии разрушения – физиологическое, на уровне тела и природы.

Следующий уровень – бытовой. Обыденная жизнь, к которой привыкло человечество, разрушена до основания. Все, что ранее казалось само собой разумеющимся: еда, питье, комфорт, – теперь существует лишь как память. Люди живут аналогиями, подменяя прежние смыслы тем, что возможно получить в новых условиях: чай варится из грибов, вместо хлеба – споры, вместо лекарств – травы и самодельные снадобья. Обычные бытовые мелочи становятся роскошью, а иногда – и символом прошлого мира. Предметы, некогда повседневные, теперь обретают мифологический статус.

Третий уровень разрушения – социальный. Прежние формы общественной организации исчезли: нет государства, нет целостной системы образования, науки, здравоохранения. Вместо единой социальной структуры появляются локальные сообщества, часто изолированные и враждующие между собой. Это способствует усилению страха, агрессии и недоверия между людьми, разрушает горизонтальные связи.

В условиях постоянной опасности и ограниченных ресурсов доверие уступает место подозрительности, а стремление к сотрудничеству – инстинкту самосохранения. Даже внутри станций, где, казалось бы, должна сохраняться некоторая солидарность, доминирует атмосфера тревоги

и отчуждения. Люди все чаще видят друг в друге потенциальную угрозу, а не соратников.

Контакты между станциями минимальны и зачастую опасны: каждое сообщество живет обособленно, охраняя свои границы с оружием. Передвижение по туннелям сопряжено с риском быть убитым, захваченным, обвиненным в шпионаже. Это создает замкнутую, фрагментированную картину мира, в которой прежнее ощущение общечеловечности исчезает.

Даже внутри семьи связи ослабли или вовсе разрушились. Сами понятия родства и близости становятся условными: важнее, с кем ты делишь пищу и кто прикроет тебя в бою, чем формальная родственная связь. Эмоциональные отношения вытесняются прагматичными: осталась лишь та теплота, которая помогает выжить.

На самом высоком уровне – духовном и идеологическом – происходит обрушение моральных устоев. Прежние ценности, такие как гуманизм, солидарность, сострадание, вытесняются логикой выживания. Станции разобщены, каждая живет по своим идеологическим принципам, зачастую враждует с соседями. Идеология становится инструментом манипуляции и власти, а не способом объединения. Столкновение между «Красной линией» и «Четвертым рейхом» показывает, как идеологические разногласия в условиях выживания приводят к ожесточенной борьбе, где идеи служат лишь прикрытием для стремления к контролю.

Таким образом, в романе выстраивается целая иерархия разрушения – от тела к быту, от быта к обществу, от общества к духу. Этот постепенный слом отражает глубину постапокалиптической травмы и делает мир «Метро 2033» не просто декорацией, а самостоятельным персонажем, живым и враждебным.

Однако в этом мраке изоляции и недоверия все же сохраняются редкие, но значимые проявления человечности. Сцены, в которых люди помогают друг другу в опасных ситуациях, напоминают, что искра человеческого сострадания не угасла окончательно. Например, эпизод с нападением на станцию крыс, уничтожающих все на своем пути, в котором мать просит солдата спасти ее ребенка. Убегая от смертельной опасности, военный останавливается, услышав слова: «солдат, спаси!». Рискуя собственной жизнью, он забирает с собой мальчика. Это демонстрирует наличие у героя сохранившихся практически на бессознательном уровне общечеловеческих ценностей, что делает картину разрушения еще более трагичной, ведь таких проявлений доброты в бесчеловечном мире остались единицы.

Сам образ метро как «власти тьмы» [Глуховский, 2023, с. 46] – не только буквальное описание условий подземной жизни, но и метафора нового мировоззрения [Нехорошкова, 2022]. Здесь нет универсального закона – существует лишь адаптация к разрушенному миру, где каннибализм, эксплуатация и культ силы становятся нормой, оправданной контекстом. Однако на фоне этого появляются реликты старой системы – книги, вос-

принимаемые как «святыни» и «напоминание о канувшем в небытие прекрасном мире» [Глуховский, 2023, с. 53]. Такое отношение демонстрирует ностальгическое стремление сохранить культурную память, хотя сама культура теперь функционирует скорее как миф, нежели как живая система смыслов [Григоровская, 2010].

Показательным является и психологическое состояние героев. Осознание глубины падения цивилизации становится ключевым в трансформации личности: «С какой высоты человечество обрушилось... его вера в прекрасное будущее испарилась окончательно» [Глуховский, 2023, с. 343]. Это высказывание фиксирует утрату утопического горизонта: человека теперь не ведет надежда – он движим страхом и инерцией. Путь от станции «Рождение» до станции «Смерть» является метафорой человеческого существования, как туннель без смысла, в котором попытки найти веру выглядят как поиск боковых ответвлений – отклонений от прямого и пустого маршрута.

Среди обитателей метро ходят легенды об особом подземелье – Метро-2 и «избранных», обитающих в нем, сохранивших прежнюю культуру, «жизни в мире с природой» [Глуховский, 2023, с. 420]. Эти рассказы выполняют важную функцию: они формируют мифологический слой мира метро, служат архетипическим отражением утраченного рая. Метро-2 – это своего рода островок надежды и утешения, где коллективное бессознательное пытается сохранить представление о мире, где жизнь была гармоничной и целостной. Культ «жизни в мире с природой» – это попытка возродить гармонию между человеком и окружающей средой, которая была нарушена на поверхности Земли. Но в постапокалиптических условиях эта гармония – не более чем мифологический идеал, символ утраченной целостности и баланса. Упомянутые легенды – не реальные решения проблем повседневности или планы спасения, а скорее ритуальные образы, помогающие социуму справиться с травмой утраты. Они напоминают о том, что человеческое сознание не может принять полное разрушение и хаос, поэтому создает символические компенсаторы – пространства для избранных и идеализированные культурные практики. Эти мифы выполняют роль некой духовной якорной точки, хотя и не способны вернуть быллой порядок или остановить падение.

В «Метро 2033» мифологизация разрушения реализуется через системное включение библейских, языческих и архаических представлений, которые герои используют для осмысления произошедшего апокалипсиса [Орлова, 2022]. Сама структура мира напоминает миф о нисхождении в подземный мир, а образ метро как замкнутого пространства становится аналогом загробного мира или чистилища, в котором душа человека вынуждена пройти путь искупления и преображения.

Выжившие формируют собственные интерпретации произошедшего. Каждая фракция наделяет разрушение особым смыслом: одни считают его

божественным наказанием, другие – финалом Армагеддона, третьи – началом новой эры. Такое разнообразие трактовок указывает на переход к мифологическому мышлению, характерному для людей, пытающихся восстановить целостную картину мира после краха прежней цивилизации. Так, на одной станции верят, что метро – это ворота в ад («если глубоко копать, можно докопаться до ада...») [Глуховский, 2023, с. 420], – говорит один из героев; на другой – что это преддверие Царства Божьего. Эти полярные взгляды иллюстрируют попытку описать хаос через мифологические шаблоны.

Роль ритуала и веры также важна: для героев вера в высшую справедливость и искупление грехов становится формой психологической защиты от абсурда разрушения. Сама катастрофа осмысливается не как случайность, а как следствие коллективного греха, который требует искупления – элемент, типичный для мифологического сознания: «И только когда мы искупим свой страшный грех, они [высшие силы] обратят на нас благосклонный взор...» [Глуховский, 2023, с. 270]. Правда, как именно можно его искупить, остается неизвестным: «Но как люди могут искупить свою вину? – спросил Артем. – Это неизвестно никому, кроме самих Невидимых Наблюдателей. Людям этого не понять, потому что они не разумеют промысла Наблюдателей» [Глуховский, 2023, с. 270].

Одной из ключевых тем, которая реализуется в постапокалиптической литературе, является идея возрождения – не только физического, но и культурного, морального, духовного, выражающаяся в попытках восстановить или трансформировать цивилизацию. В «Метро 2033» социальное и культурное возрождение приобретает фрагментарный, но значимый характер. В условиях подземного мира, где жизнь сведена к борьбе за выживание, отдельные персонажи и общности демонстрируют стремление не просто сохранить физическое существование, но и возродить культурные, моральные и социальные основы утраченного мира. Это проявляется в функционировании Полиса как центра знаний: «Чтобы брамины разгуливали в своих халатах по Полису и шуршали книжными страницами, постигая древние знания и передавая их следующим поколениям» [Глуховский, 2023, с. 503]. Здесь знание становится символом преемственности и возможного будущего, а не просто хрупким остатком прошлого.

Подобные проявления не носят массового характера, напротив, статистически сцены, связанные с культурным или моральным возрождением, единичны и локальны. Однако именно такая редкость подчеркивает их значимость, они становятся символами надежды.

Центральным для понимания концепции возрождения в романе становится стремление к продолжению человеческой жизни вопреки абсурдности и тяжести существования. Артем, чувствуя внутреннюю мотивацию двигаться вперед, переживает этот импульс как проявление глубинной силы жизни: «в его спине как будто проворачивался огромный заводной

ключ, который подталкивал его к тому, чтобы сделать еще шаг...» [Глуховский, 2023, с. 504]. Это движение – не просто физическое, но экзистенциальное, означающее участие в общем процессе восстановления человечности.

Однако эти хрупкие очаги культурного и нравственного возрождения существуют в постоянном напряжении, ведь подземный мир метро далек от стабильности и безопасности. Сохранение памяти и формирование новых моральных ориентиров происходит на фоне непрекращающейся угрозы извне.

В романе внешний конфликт занимает центральное место, так как физическая борьба за выживание является одним из главных двигателей сюжета. Автор подробно описывает множество опасностей – от мутантов, являющихся продуктом радиации и мутаций, до агрессивных человеческих группировок, борющихся за контроль над станциями метро [Дученко, 2023]. Эта многогранная угроза отражает не только враждебность постапокалиптического мира, но и сложность взаимодействия человека с новыми реалиями.

Можно отметить, что сцены столкновений с мутантами появляются регулярно, что подчеркивает их постоянное влияние на жизнь выживших. Они не просто внешние враги – они символизируют разрушительные последствия человеческой деятельности и хрупкость естественного порядка. «Всем тем странным, уродливым и опасным созданиям, каждое из которых вполне могло бы привести Дарвина в отчаяние своим явным несоответствием законам эволюционного развития» [Глуховский, 2023, с. 10], – эта цитата подчеркивает, что мутанты – это не просто опасные существа, а признак «искривления» природы. Особое место в этом пространстве занимает нашествие мутировавших крыс – символ не только физической угрозы, но и разложения, которое подстерегает человечество на каждом шагу: «Много народу погибло в тот день, когда живым потоком гигантские крысы, такие большие, каких никогда не видели ни на станции, ни в туннелях, затопили и выставленные кордоны, и станцию, погребая под собой ее защитников и население, заглушая массой своих тел их предсмертные вопли» [Глуховский, 2023, с. 7]. Крысы, заполонившие тоннели метро, олицетворяют неизбежность столкновения с последствиями катастрофы и необходимость постоянной борьбы за выживание.

Борьба с мутантами дополняется постоянными войнами между станциями. Социальные конфликты выступают еще одной основополагающей характеристикой постапокалиптического мира, отражая глубокий процесс разрушения прежних социальных структур. Каждая станция метро функционирует как самостоятельное государство: «Станции стали независимыми и самостоятельными, своеобразными карликовыми государствами, со своими идеологиями и режимами, лидерами и армиями» [Глуховский, 2023, с. 9]. Станции постоянно воюют между собой, прекращая вражду

только для того, чтобы отразить нападения «нечеловеческих» врагов и обстоятельств: «Они заключали краткосрочные союзы против общей угрозы, чтобы, когда она миновала, вновь вцепиться друг другу в глотки» [Глуховский, 2023, с. 9]. Вражда внутри человеческого сообщества показывает, что люди в условиях катастрофы могут потерять моральные ориентиры и превратиться в угрожающих дикарей. Жесткие и бесчеловечные методы правления не просто описаны в тексте, а повторяются, создавая устойчивый образ мира, где гуманизм уступает место жестокости: «...строила свой рейх, отлавливая расовых врагов и запытывая их до смерти» [Глуховский, 2023, с. 504], «...женщина на Маяковской и дальше могла торговать своим маленьким сыном» [Глуховский, 2023, с. 504]. Этот моральный кризис не единичен, а является частью общей картины деградации, подкрепляющей конфликт между выжившими.

Идеологический аспект конфликта проявляется в противостоянии коммунистических и антикоммунистических сил, что обостряет внутренние разногласия. «Коалиция антикоммунистических станций, ведомая Ганзой, разрубленной пополам Красной Линией и жаждущей замкнуть кольцо, приняла вызов» [Глуховский, 2023, с. 16], – эта цитата иллюстрирует глубокую политическую поляризацию, которая сохраняется и усиливается, несмотря на общие угрозы. Войны здесь не только за ресурсы, но и за мировоззрение, что усложняет попытки объединения.

Особое внимание уделено феномену ксенофобии и жесткого деления на «своих» и «чужих». Риторика «МЕТРО – ДЛЯ РУССКИХ, ЧЕРНОМАЗЫХ – НА ПОВЕРХНОСТЬ!», «СМЕРТЬ КРЫСОЕДАМ!» [Глуховский, 2023, с. 197] демонстрирует, что этническая и социальная сегрегация стала нормой, дополнительно разжигая конфликты и препятствуя установлению мирного сосуществования. Такая практика способствует усилению социальной напряженности и разрушению любого потенциала для диалога между группами.

Борьба за территорию и ресурсы представлена через героическую, но трагичную оборону станций: «Защитники благополучных станций, организованные в боеспособные соединения бывшими профессиональными военными, до последней капли крови отражали нападения вандалов» [Глуховский, 2023, с. 10]. Эта цитата отражает не только постоянную угрозу со стороны врагов, но и жесткость условий выживания, где конфликт становится неотъемлемой частью существования.

Социальный конфликт в «Метро 2033» представлен не как случайное явление, а как системный процесс, объединяющий политическую раздробленность, идеологические и этнические противоречия, моральную деградацию и борьбу за выживание в экстремальных условиях.

В свою очередь, внутренний конфликт в постапокалиптическом мире выражается через глубокое противоречие между стремлением сохранить человечность и вынужденной адаптацией к экстремальным условиям. Ге-

рои «Метро 2033» постоянно балансируют на грани между отчаянием и надеждой, между сохранением моральных ценностей и необходимостью выживать любой ценой. Тема внутреннего конфликта в романе реализована через мотив туннеля как метафоры жизненного пути и состояния души персонажа. Туннель – это пространство, в котором разворачивается не только внешнее действие, но и внутренняя психологическая драма героя. Туннель, который повторяется в тексте многократно, символизирует и неизбежность судьбы, и ограниченность выбора, и ощущение замкнутости.

Внутренний конфликт в романе развивается на фоне постоянного ощущения героем безысходности и одновременно необходимости продолжать движение вперед, что означает не только физический путь, но и психологическое состояние: герои пребывают в состоянии замкнутости и изоляции, где каждая следующая станция – это шаг в неизвестность и одновременно шанс на спасение. Главный герой Артем переживает борьбу между страхом погибнуть в этом темном мире и желанием сохранить человечность, надежду и веру в лучшее. Он пытается сохранить ценности прошлого, сопротивляясь отчаянию и равнодушию, которые царят в новом постапокалиптическом обществе. В сцене, когда Артем сталкивается с культом «власти тьмы», он не поддается искушению принять насилие и страх как норму, несмотря на жестокость и угрозы. Он проявляет сострадание к раненым, когда спасает мальчика на станции, показывая, что человечность еще можно сохранить даже в этом мире.

Однако не всегда герой выдерживает внутреннее давление. В эпизоде с мутантами, человеческое сострадание в Артеме сталкивается с суровой необходимостью выживания. Герой видит мучения мутанта, но не может помочь ему из-за опасности для себя и группы. Образ туннеля в такие моменты становится символом бесконечного узкого пути, где нет альтернатив и выбор ограничен.

Психологическое состояние Артема раскрывается через повторяющиеся размышления о бессмысленности существования и сомнениях в спасении. Его внутренний монолог – это своего рода поле битвы между отчаянием и стремлением к свету, к прошлому, к миру вне метро. В кризисный момент персонаж испытывает экзистенциальный вакуум: «Он почувствовал, как все потеряло смысл...» [Глуховский, 2023, с. 440].

Артем тоскует по утерянному миру, что характерно для постапокалипсиса как жанра, где прошлое часто идеализируется как утраченный «рай». Его мечты – «...чтобы снова жить как прежде, не щурясь смотреть на восходящее солнце, дышать воздухом без фильтров» [Глуховский, 2023, с. 495]. Контраст между реальностью и желаемым будущим подкрепляет внутренний конфликт как напряженное поле между надеждой и жестокой действительностью.

Важно отметить, что внутренний конфликт сопровождается не только экзистенциальной пустотой, но и страхом: «давящая тревога» [Глуховский, 2023, с. 82], «психологическая травма» [Глуховский, 2023, с. 191] становятся повторяющимися элементами текста, которые показывают глубину эмоциональных переживаний. Такой повтор служит для усиления эффекта погружения читателя в состояние героя, а также отражает системность проблемы, а не единичные испытания, выпавшие на долю героя.

Это эмоциональное напряжение развивается и усиливается на фоне тщательно прописанного и детализированного мира романа. В романе «Метро 2033» экстенсивность миромоделирования выражается через широкое и подробное изображение постапокалиптического пространства как на поверхности, так и в глубинах московского метро. Уже с первых глав читатель погружается в мрачный, но логично выстроенный подземный мир, прописанный крайне подробно: читатель узнает об архитектурных особенностях станций, о быте жителей, их страхах, мифах и ритуалах. Станции описываются как своеобразные укрепленные пункты: где-то остались «тяжелые чеканные двери» [Глуховский, 2023, с. 271], где-то – «стены, напоминающие гармошку» [Глуховский, 2023, с. 165], а в одном из эпизодов герой попадает в место, где «по стенам текла вода, капли падали в лужи, и воздух был пропитан плесенью» [Глуховский, 2023, с. 124]. Все это создает ощущение замкнутости и клаустрофобии, которое органично сочетается с общей атмосферой тревоги и неизвестности.

Много внимания уделяется изменению быта. В одном из эпизодов герой впервые оказывается в настоящем доме с мебелью, книгами, кухней – то, что раньше было обыденным, теперь стало редкостью. Это подчеркивает, насколько изменилась система ценностей: то, что раньше было повседневным, теперь воспринимается как чудо. Люди варят супы из крыс, меняют патроны на еду, рассказывают легенды у костров – все это формирует новый культурный ландшафт.

Таким образом, экстенсивность миромоделирования в «Метро 2033» проявляется не только в пространственной разветвленности описаний, но и в многоуровневом изображении повседневной жизни, общественных структур, мифологии и психологии выживших. Автор дает читателю возможность погрузиться в мир, который одновременно чужд и узнаваем и в котором разрушение прежнего мира стало основой для формирования нового – опасного, но цельного и внутренне логичного.

Описанные картины мира в романе «Метро 2033» пронизаны особым эстетическим пафосом, сочетающим в себе трагизм, романтическую устремленность и героизм. Именно эти компоненты формируют эмоциональную основу произведения, придавая изображаемой действительности глубину и философское измерение. Во-первых, трагизм и скорбь, свойственные эстетическому пафосу постапокалиптики, в «Метро 2033» не раз проявляются через описания опустошенного мира и психологического со-

стояния героя. Во-вторых, романтическое стремление к недостижимому идеалу становится одним из главных двигателей сюжета и мотивации персонажей. Желание Артема «восстановить величественные здания» [Глуховский, 2023, с. 495] и «дышать воздухом, напоенным ароматами растений» [Глуховский, 2023, с. 495], – это не просто мечта о комфортной жизни, а символическое выражение ностальгии по утраченной гармонии и природе, которые до катастрофы воспринимались как само собой разумеющееся благо.

Третий аспект эстетического пафоса – героические поступки персонажей, которые проявляются не в стремлении к славе, а в борьбе за жизнь и сохранение человеческого достоинства. Наиболее ярко это выражено в образе сталкеров – людей, «отваживающихся подняться на поверхность в защитных костюмах» [Глуховский, 2023, с. 33]. Их действия подчеркивают особый тип героизма, встроеного в повседневность постапокалиптического мира. Героизм сталкеров заключается не только в физической смелости перед лицом опасности, но и в том, что они создают иллюзию «мостика» между разрушенным, но все еще памятным миром поверхности и замкнутым пространством метро [Григоровская, 2012]. В их миссии прослеживается символическая функция: сталкеры воплощают надежду на возвращение к нормальности, к довоенному, привычному миру. Их существование поддерживает иллюзию возможности восстановления прежней цивилизации, а значит – сохраняет веру в будущее.

Таким образом, эстетический пафос «Метро 2033» формируется через системное чередование и переплетение трагических и романтических мотивов, героизма и внутренней борьбы.

Система персонажей романа выполняет важную не только сюжетную, но и символическую функцию, отражая ключевые темы постапокалиптического жанра – одиночество, утрату, надежду и конфликт между человеком и хаосом нового мира. Главный герой, Артем, является воплощением внутреннего кризиса человеческой сущности в условиях разрушенного мира [Мелехина, 2023]. Его образ олицетворяет не просто физическое выживание в условиях катастрофы, но и моральную, духовную и экзистенциальную борьбу. Артем – одинокий странник в разрушенном мире, лишенный устойчивых социальных связей, семьи и четкого понимания собственного будущего. Его одиночество носит не эпизодический, а сквозной характер и сопровождает героя на протяжении всего пути: он перемещается от станции к станции, встречая разных людей, но нигде не находит подлинной близости или ощущения принадлежности. Даже среди попутчиков Артем чувствует себя изолированным, внутренне отделенным от остальных. В один из моментов эта отрешенность обретает выразительное воплощение: «Артем ощутил, как щеке стало холодно – в том месте, где дыхание туннелей прошло по следу от ползущей вниз слезы... то ли от

пронзительного чувства одиночества и пустоты» [Глуховский, 2023, с. 440].

Смерть близких Артема произошла во время нападения крыс-мутантов, которые прорвались на станцию, где он жил. Многие погибли, но Артем оказался спасенным, хотя и ценой утраты семьи. Сам факт, что именно он выжил, заставляет героя испытывать тяжелое чувство вины и постоянные сомнения: заслуживает ли он этого права на жизнь в таком безжалостном мире? Его размышления о случайности собственного спасения: «Почему сам Артем выжил? Что дало ему эту возможность, это право?» [Глуховский, 2023, с. 482] – подчеркивают, что выживание ставит перед героем моральные вопросы, делает его носителем вины, ответственности и памяти о прошлом. Таким образом, Артем предстает как типичный герой постапокалиптической литературы – выживший, но одинокий, отчужденный, страдающий от потери прежней идентичности, но сохраняющий человеческие ценности в бесчеловечном мире.

Несмотря на отчужденность, Артем тянется к людям, нуждается в эмоциональных связях и коллективных отношениях. Ему повезло не только выжить, но и вырасти среди военных на станции, где «...всех их связывали теплые, почти братские отношения» [Глуховский, 2023, с. 6]. Особую роль в этом играет образ Хантера – таинственного сталкера, который поначалу кажется Артему надежным союзником и даже наставником. Однако со временем Хантер раскрывается как человек, готовый прибегнуть к крайним и жестоким мерам ради спасения метро. Его идея уничтожить разумных существ Черных, даже не пытаясь разобраться в их природе, противопоставляется внутренним сомнениям Артема. В какой-то момент Артем переживает внутреннее прозрение: фигура союзника оказывается символом опасной односторонности, лишенной сострадания. Такая амбивалентность отражает внутренние противоречия постапокалиптического мира, где границы между другом и врагом размыты, а героизм может оборачиваться фанатизмом.

Также важным спутником Артема становится Хан – загадочный и философски настроенный персонаж, чьи размышления и поведение оказывают глубокое влияние на героя. В отличие от прагматичных и порой жестоких обитателей метро, Хан воспринимает происходящее не только как борьбу за выживание, но и как метафизическое испытание, в котором человек сталкивается с тайнами бытия. Его слова: «Метро – это не просто туннели, это зеркало души человечества» [Глуховский, 2023, с. 321], – побуждают Артема задуматься о сути страха, вины и надежды, сопровождающих людей в постапокалиптической реальности. Хан направляет Артема не столько физически, сколько духовно, открывая для него иной взгляд на природу того, что творится вокруг. Он становится своеобразным проводником между рациональным и иррациональным, между разрушенным внешним миром и внутренним, экзистенциальным опытом героя. Именно

благодаря встрече с Ханом внутренний мир Артема начинает усложняться: в нем пробуждаются сомнения, философские размышления и потребность осознать собственную миссию. Таким образом, образ спутника в лице Хана играет ключевую роль в развитии героя и формировании смысловой глубины повествования.

Антагонисты в Метро 2033 – это не только конкретные персонажи или существа, но и системные проявления зла, хаоса и деградации, противопоставленные стремлению сохранить остатки человеческой цивилизации. Их функция выходит за рамки простого конфликта с героем: они представляют разные формы упадка, в который погружается человечество после катастрофы. Сам роман устроен как модель идеологического и экзистенциального конфликта, где на одной чаше весов – свобода, мораль, надежда, а на другой – страх, контроль, насилие и инстинкт выживания.

Центральным антагонистом становится «власть тьмы» – собирательный образ тоталитарной, деспотической власти, формирующейся на обломках прежней системы. Эта власть часто имитирует порядок, но фактически основана на насилии, манипуляции и эксплуатации страха. Она проявляется в режиме «Черной станции», фашистских и коммунистических объединениях, диктаторских порядках на отдельных участках метро. Эти образования стремятся не просто выжить, а утвердить контроль и подчинить себе остальные станции, навязывая единственно «верную» идеологию. Именно такие формы власти Глуховский описывает как наиболее опасные: они притягательны обещаниями порядка, но на деле отрицают свободу и гуманизм.

Однако враги Артема – не только политические системы. Среди антагонистов особое место занимают внешние угрозы, прежде всего мутанты и крысы. Мутанты, особенно Черные, выступают символом непонятого и чуждого, вызывающего у человека первобытный страх. При этом в отношении Черных Глуховский делает важный идеологический поворот: к финалу романа выясняется, что они – не враги, а потенциальные союзники, новая ступень эволюции, стремящаяся к контакту. Их враждебность – иллюзия, проекция человеческой агрессии и страха перед иным. Таким образом, одним из главных конфликтов романа становится не борьба с внешним врагом, а преодоление собственного невежества и предвзятости.

Таким образом, у Артема нет одного четко очерченного врага. Его противники – хаос, страх, невежество, деспотизм, будь то в форме мутантов, власти или идеологии. Каждый из них по-своему угрожает человечности. Артем сталкивается с ними в разных формах и принимает разные решения: где-то сражается, где-то бежит, а где-то – начинает понимать. В финале, уже после уничтожения «муравейника» Черных, к нему приходит важнейшее осознание: главный враг – не Черные, а наша собственная склонность к уничтожению непонятого.

Эта развязка делает конфликт Артема не внешне, а внутренне драматичным: он проходит путь от воина, слепо борющегося с «врагами», к человеку, способному осознать свою ошибку, взять за нее ответственность и сделать нравственный выбор, даже если он разрушает собственные иллюзии. Конфликт в романе – это не просто борьба за выживание, но борьба за право остаться человеком в нечеловеческих условиях.

4. Заключение.

Таким образом, «Метро 2033» демонстрирует устойчивые черты постапокалиптического дискурса. В романе выстраивается многоуровневое художественное пространство, в котором каждый элемент (психология, хронотоп, социальная структура) работает на активизацию жанровой памяти. Это превращает произведение в сложный культурный феномен, усиливающий эмоциональное восприятие и побуждающий читателя к рефлексии, выходящей за пределы текста. Полученный вывод позволяет рассматривать «Метро 2033» как роман, внесший значимый вклад в развитие отечественной постапокалиптической литературы и важный культурный феномен, отражающий тревоги и надежды современного человека.

Список литературы

Березовская, Л. С. Мифологические истоки сюжета о перерождении мира в трилогии Д. Глуховского «Метро 2033» / Л. С. Березовская. – Текст : непосредственный // Молодежь третьего тысячелетия. Сборник научных статей / Под ред. А. Б. Лесной. – Омск : Издательство ОГУ, 2016. – С. 587–589.

Воробьева, А. Н. Русская антиутопия XX века в контексте мировой антиутопии : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Воробьева Александра Николаевна ; Самарская государственная академия культуры и искусств. – Саратов, 2009. – 528 с. – Текст : непосредственный.

Глуховский, Д. А. Метро 2033 / Д. А. Глуховский. – Москва : Издательство АСТ, 2021. – 384 с. – Текст : непосредственный.

Гольская, Т. В. Феномен романа «Метро 2033» Дмитрия Глуховского / Т. В. Гольская. – Текст : непосредственный // Русская литература в полилингвальном мире: вопросы аксиологии, поэтики и методики. – 2021. – № 7. – С. 317–322.

Готфрид, В. А. Сравнительный анализ современных и классических антиутопий / В. А. Готфрид. – Текст : непосредственный // Этнопространство западной сибирии: современная языковая ситуация. Сборник тезисов докладов участников Международного научного форума / Под ред. В. Г. Турникова. – Киров : Издательство Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2021. – С. 128–131.

Григоровская, А. В. Пространственно-временная организация и мотивная структура в антиутопии 2000-х годов («ЖД» Д. Быкова и «Метро 2033» Д. Глуховского) : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Григоровская Анастасия Васильевна ; Тюменский государственный университет. – Тюмень, 2012. – 198 с. – Текст : непосредственный.

Дученко, Н. В. Роман «Метро 2033» Д. Глуховского: станции метро как культурные и политические центры в постапокалиптическом пространстве / Н. В. Дученко. – Текст : непосредственный // Текст в языковом, историческом, культурном пространстве. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции ; под ред. В. В. Никульцева. – Москва : Издательство МФЮА, 2023. – С. 111–115.

Желтикова, И. В. Будущее: страх или надежда на примере представлений о будущем в России начала XX века / И. В. Желтикова. – Текст : непосредственный // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2014. – № 5. – С. 109–114.

Изволенская, А. С. Фантастическое, совсем как реальное: эволюция роли пищи в антиутопиях XX-XXI веков / А. С. Изволенская. – Текст : непосредственный // Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира. Материалы VI Международного научно-практического симпозиума ; под ред. Н. Я. Ясных. – Москва : Издательство Новое Время, 2023. – С. 344–350.

Кабилова, А. А. Модель мира в западных и российских современных антиутопиях / А. А. Кабилова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии. – 2018. – № 17. – С. 53–57.

Мелехина, Е. В. Протагонист в системе антиутопии и утопии Дмитрия Глуховского / Е. В. Мелехина. – Текст : непосредственный // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. Сборник научных трудов / Под ред. Е. Ж. Зитников. – Киров : Издательство Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2023. – С. 319–324.

Нехорошкова, А. К. Концепт метро в романе д. глуховского «Метро 2033» / А. К. Нехорошкова. – Текст : непосредственный // Молодежь и наука 2022: к вершинам познания. Сборник статей II Международной научно-практической конференции / Под ред. Л. М. Салимова. – Петрозаводск : Издательство Новая Наука, 2022. – С. 284–291.

Орлова, Н. А. Диалог антиутопических тенденций в «Метро 2033» и «Метро – 2035» / Н. А. Орлова. – Текст : непосредственный // Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты ; под ред. К. А. Калинина. – Пятигорск : Издательство ПГУ, 2022. – С. 98–103.

Павлич, Д. И. Эсхатологический миф в пространстве медиакультуры : специальность 5.10.01 «Теория и история культуры, искусства» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Павлич Динара Ильдаровна ; Мордовский государственный университет. – Саранск, 2023. – 170 с. – Текст : непосредственный.

Санданов, А. Б. Постапокалиптический сюжет в американском кино: история развития и место в современном кинематографе : специальность 17.00.03 «Кино-, теле- и другие экранные искусства» : диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения / Санданов Аюр Барасович ; Российский государственный гуманитарный университет. – Москва, 2013. – 166 с. – Текст : непосредственный.

Сомова, Е. В. Традиция «школы катастроф» в историческом романе Дж. Уайт-Мелвилла «Гладиаторы» / Е. В. Сомова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 15. – С. 167–180.

Хабибуллина, Е. А. Постапокалипсис как визуальная стратегия и эстетический прием / Е. А. Хабибуллина – Текст: непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 32. – С. 25-35.

Статья получена: 20.05.2025

Статья принята: 29.06.2025

FEATURES OF THE POST-APOCALYPTIC GENRE IN D. A. GLUKHOVSKY'S NOVEL "METRO 2033"

Y. V. Nesynova

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Ural State Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
nt-neca@mail.ru

V. S. Shitov

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
vslav13613@gmail.com

Abstract. The article examines the history of development and main features of post-apocalyptic literature, describes a theoretical model of the post-apocalyptic genre. The analysis of the features of the embodiment of the post-apocalyptic genre in the novel by D. A. Glukhovsky "Metro 2033" is carried out. The work uses historical-literary, comparative-

historical, cultural-historical and genre analysis, as well as elements of structural and intertextual analysis. It is concluded that the novel is a complex and multi-layered work that fully meets the key characteristics of the post-apocalyptic genre, but at the same time enriches it with new semantic and structural dimensions. The findings allow us to consider "Metro 2033" as a novel that has made a significant contribution to the development of Russian post-apocalyptic literature and an important cultural phenomenon reflecting the anxieties and hopes of modern man.

Key words: genre model; post-apocalyptic genre; D. A. Glukhovskiy; novel "Metro 2033"; subject matter; problematic; spatio-temporal organization; internal and external conflict; character system.

References

Berezovskaya, L. S. (2016). Mifologicheskie istoki syuzheta o pererozhdenii mira v trilogii D. Glukhovskogo "Metro 2033" [Mythological origins of the plot about the rebirth of the world in D. Glukhovskiy's trilogy *Metro 2033*]. In A. B. Lesnaya (Ed.), *Molodezh' tret'ego tysyacheletiya* [Youth of the third millennium]: Collection of scientific articles (pp. 587–589). Omsk: OGU Publishing.

Duchenko, N. V. (2023). Roman "Metro 2033" D. Glukhovskogo: stantsii metro kak kul'turnye i politicheskie tsentry v postapokalipticheskom prostranstve [The novel *Metro 2033* by D. Glukhovskiy: Metro stations as cultural and political centers in a post-apocalyptic space]. In V. V. Nikul'tsev (Ed.), *Tekst v yazykovom, istoricheskom, kul'turnom prostranstve* [Text in linguistic, historical, and cultural space] (pp. 111–115). Moscow: MFUA Publishing.

Glukhovskiy, D. A. (2021). *Metro 2033*. Moscow: AST Publishing.

Gol'skaya, T. V. (2021). Fenomen romana "Metro 2033" Dmitriya Glukhovskogo [The phenomenon of D. Glukhovskiy's novel *Metro 2033*]. *Russkaya literatura v polilingval'nom mire: voprosy aksiologii, poetiki i metodiki* [Russian literature in the multilingual world: Issues of axiology, poetics, and methodology], (7), 317–322.

Gotfrid, V. A. (2021). Sravnitel'nyi analiz sovremennykh i klassicheskikh antiutopii [Comparative analysis of modern and classical anti-utopias]. In V. G. Turnikov (Ed.), *Etnoprostranstvo Zapadnoi Sibiri: sovremennaya yazykovaya situatsiya* [Ethno-space of Western Siberia: The modern language situation] (pp. 128–131). Kirov: Interregional Center for Innovative Technologies in Education.

Grigorovskaya, A. V. (2012). *Prostranstvenno-vremennaya organizatsiya i motivnaya struktura v antiutopii 2000-kh godov ("ZhD" D. Bykova i "Metro 2033" D. Glukhovskogo)* [Spatial-temporal organization and motif structure in the anti-utopia of the 2000s (*ZhD* by D. Bykov and *Metro 2033* by D. Glukhovskiy)] (Candidate dissertation). Tyumen State University, Tyumen.

Izvolenskaya, A. S. (2023). Fantasticheskoe, sovsem kak real'noe: evolyutsiya roli pishchi v antiutopiyakh XX–XXI vekov [The fantastic as real: The

evolution of the role of food in the anti-utopias of the 20th–21st centuries]. In N. Ya. Yasnykh (Ed.), *Traditsionnaya kul'tura v sovremennom mire. Istoriya edy i traditsii pitaniya narodov mira* [Traditional culture in the modern world. The history of food and dietary traditions of the peoples of the world] (pp. 344–350). Moscow: Novoe Vremya Publishing.

Kabirova, A. A. (2018). Model' mira v zapadnykh i rossiyskikh sovremennykh antiutopiyakh [The model of the world in modern Western and Russian anti-utopias]. *Aktual'nye problemy filologii* [Current Issues in Philology], (17), 53–57.

Khabibullina, E. A. (2020). Postapokalipsis kak vizual'naya strategiya i esteticheskii priem [Post-apocalypse as a visual strategy and aesthetic device]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities], (32), 25–35.

Melekhina, E. V. (2023). Protagonist v sisteme antiutopii i utopii Dmitriya Glukhovskogo [The protagonist in the system of anti-utopia and utopia of Dmitry Glukhovsky]. In E. Zh. Zitnikov (Ed.), *Problemy kontseptualizatsii deystvitel'nosti i modelirovaniya yazykovoï kartiny mira* [Problems of conceptualizing reality and modeling the linguistic picture of the world] (pp. 319–324). Kirov: Interregional Center for Innovative Technologies in Education.

Nekhoroshkova, A. K. (2022). Kontsept metro v romane D. Glukhovskogo “Metro 2033” [The concept of the metro in D. Glukhovsky's novel *Metro 2033*]. In L. M. Salimov (Ed.), *Molodezh' i nauka 2022: k vershinam poznaniya* [Youth and science 2022: Towards the peaks of knowledge] (pp. 284–291). Petrozavodsk: Novaya Nauka Publishing.

Orlova, N. A. (2022). Dialog antiutopicheskikh tendentsiy v “Metro 2033” i “Metro 2035” [The dialogue of anti-utopian tendencies in *Metro 2033* and *Metro 2035*]. In K. A. Kalinin (Ed.), *Russkoyazychie i bi(poli)lingvizm v mezhkul'turnoi kommunikatsii XXI veka: kognitivno-kontseptual'nye aspekty* [Russian-speaking and bi(poli)linguism in intercultural communication of the 21st century: Cognitive-conceptual aspects] (pp. 98–103). Pyatigorsk: PSU Publishing.

Pavlich, D. I. (2023). *Eskhatologicheskii mif v prostranstve mediakul'tury* [The eschatological myth in media culture] (Candidate dissertation). Mordovia State University, Saransk.

Sandanov, A. B. (2013). *Postapokalipticheskiy syuzhet v amerikanskom kino: istoriya razvitiya i mesto v sovremennom kinematografe* [The post-apocalyptic plot in American cinema: Development history and place in modern cinematography] (Candidate dissertation). Russian State University for the Humanities, Moscow.

Somova, E. V. (2018). Traditsiya “shkoly katastrof” v istoricheskom romane Dzh. Uait-Melvill'a “Gladiatory” [The “catastrophe school” tradition in J. White-Melville's historical novel *The Gladiators*]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities], (32), 25–35.

darstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities], (15), 167–180.

Vorob'eva, A. N. (2009). *Russkaya antiutopiya XX veka v kontekste mirovoy antiutopii* [Russian anti-utopia of the 20th century in the context of world anti-utopia] (Doctoral dissertation). Samara State Academy of Culture and Arts, Saratov.

Zheltikova, I. V. (2014). *Budushchee: strakh ili nadezhda na primere predstavleniy o budushchem v Rossii nachala XX veka* [The future: Fear or hope on the example of perceptions of the future in Russia at the beginning of the 20th century]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scholarly Notes of Orel State University], (5), 109–114.

Submitted: 20.05.2025

Accepted: 29.06.2025

УДК 81'373.612.2

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ МИГРАЦИИ В СМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Д. В. Стрелкова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Уральского государственного педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
strelkova110702@gmail.com

Аннотация. Цель данного исследования – выявление особенностей метафорической концептуализации миграции в британском медиадискурсе. Объектом работы является образ миграции в британских СМИ. Предметом исследования являются особенности метафорической концептуализации миграции в британском медиадискурсе. В качестве материала исследования использовались метафорические контексты из британских СМИ (The Guardian, The Daily Mail, BBC). Хронологические рамки охватывают период 2000-2025 гг. Методология настоящего исследования основывается на постулатах когнитивно-дискурсивного подхода к анализу метафоры. В процессе исследования использовались следующие методы: описательный метод, выборка, систематизация, метод метафорического моделирования, дискурсивный подход к анализу метафор. Как показал анализ, среди самых частотных метафор, конструирующих образ миграции в СМИ Великобритании, стали образы, относящиеся к сферам-источникам «Война» и «Природа». Представление о миграции в британских СМИ строится, в основном, на негативных оценках, что свидетельствует о том, что отношение к мигрантам и миграционной политике среди британцев довольно напряжённое, несмотря на значительные попытки государства продолжать политику мультикультурализма.

Ключевые слова: метафора; миграция; СМИ Великобритании; беженцы; дискурсивный анализ; когнитивный анализ.

1. Введение

В начале XXI века массовые перемещения людей, вызванные военными конфликтами или экономическими проблемами, стали характерной чертой социально-демографической ситуации в мире. Жители стран, принимающих мигрантов, например, Великобритании, наблюдают увеличение этнокультурного разнообразия, что заставляет их пересматривать собственные представления о национальной идентичности и способах взаимодействия с представителями иных культур. В связи со своей интенсивностью и масштабностью, современные межкультурные процессы представляют собой междисциплинарную область исследований, затрагивающую вопросы демографии, экономики, политологии, культурологии и лингвистики. В связи с этим, актуальным представляется изучение образа миграции, формируемого в британских СМИ, чтобы понять, как жители Великобритании воспринимают мигрантов.

Актуальность данного исследования дополняется пристальным вниманием средств массовой информации и общественности к теме миграции, а также растущим интересом ученых к проблемам осмысления миграции в СМИ [Веснина, 2010; Замотина, Дубровская, 2015; Онал, 2022; Сергеева, 2008; Хисматуллина, Гараева, Ахметзянов, 2017; Charteris-Black, 2014; Wodak, 2011].

Объектом настоящего исследования является образ миграции в британских СМИ. В качестве предмета выступают особенности концептуализации миграции с помощью метафор в британском медиадискурсе. Соответственно цель данного исследования – выявление особенностей концептуализации миграции с помощью метафор в британском медиадискурсе.

Научная новизна исследования состоит в том, что в данном исследовании впервые были изучены особенности метафорической концептуализации миграции в британском медиадискурсе.

2. Материал и методика исследования

В качестве материала исследования использовались метафорические контексты из британских СМИ (The Guardian, The Daily Mail, BBC). Хронологические рамки охватывают период 2000-2025 гг.

Методология настоящего исследования основывается на когнитивном анализе метафоры [Баранов, 2014; Будаев, 2020; Кубрякова, 2004; Чудинов, 2001; Lakoff, 1993] и критическом дискурс-анализе. Как показывает специальный обзор, миграция относится к наиболее актуальным и востребованным темам критического дискурс-анализа [Будаев, 2016].

В процессе исследования использовались следующие методы: описательный метод, выборка, систематизация, метод метафорического моделирования, дискурсивный подход к анализу метафор.

3. Современные исследования метафорического образа миграции

В современном мире вопрос миграционной политики относится к глобальным проблемам. Информационные ленты традиционных медиа и онлайн-платформ заполнены новостями, касающимися миграции. В этих сообщениях фигурируют различные образы: просители убежища, депортируемые лица, мигранты, представляющие вызов для государственной безопасности, гибнущие в дороге в надежде на лучшую жизнь, инвесторы, приобретающие активы, и нарушители общественного порядка, усугубляющие культурные противоречия. Вопросы иммиграции занимают центральное место в предвыборных кампаниях в Европе и Северной Америке, поскольку население мигрантов представляет собой значительный сегмент недорогой рабочей силы, при этом многие из них обладают правом голоса, способным повлиять на исход выборов. Внимание политиков к иммиграции достигло небывалого уровня, однако параллельно усилилась и неприязнь к приезжим. Трансформация иммиграционной политики

в начале XXI века закономерно привлекла интерес лингвистов к исследованию репрезентации миграции в медиапространстве.

При анализе политических метафор лингвисты не всегда начинают с изучения конкретной концептуальной метафоры, сферы-мишени или сферы-источника. Зачастую отправной точкой является политический дискурс, включающий все встречающиеся метафоры, независимо от их сферы-мишени и сферы-источника. Субъектами такого дискурса могут быть отдельные политические деятели, организации, СМИ, партии и другие группы, объединенные общими политическими убеждениями. Этот подход используется, когда исследователя интересует не концептуализация конкретной части политической реальности или моделирующая сила определенной исходной области, а специфика применения концептуальных метафор в рамках конкретной идеологии, выраженной в индивидуальных или коллективных политических выступлениях.

Обычно в качестве субъекта политического дискурса выступают конкретные политики (идиолекты); представители определенного политического института (например, парламентский дискурс); средство массовой информации (массмедийный дискурс); сторонники определенных взглядов (либеральный дискурс, националистический дискурс и др.). Среди распространенных ракурсов исследования – анализ метафорических образов в идиолектах, который позволяет высветить различия в картинах мира конкретных политиков [Будаев, 2020]. К примеру, в дискурсе британского премьер-министра Д. Кэмерона доминируют метафоры движения [Зиновьев, Нахимова, 2019], а в выступлениях испанских королей Хуана Карлоса I и Филиппа VI регулярно востребованы милитарные метафоры [Селиванова, 2019].

Хотя дискурсивные исследования обнаруживают идиолектные особенности использования метафор политиками, предпочтения в выборе сфер-источников метафорической экспансии могут меняться со временем в зависимости от экстралингвистических условий [Anikin et al., 2015]. Это справедливо даже для речей одного и того же политика. Например, О. Н. Кондратьева и К. А. Ковалева [Кондратьева, Ковалёва, 2016] исследовали эволюцию метафорического выбора в выступлениях Ю. Тимошенко. В течение значительной части своей политической деятельности Ю. Тимошенко активно противостояла оппонентам, что объясняет частое и эффективное использование военной метафоры в ее публичных выступлениях. Тем не менее, в период судебного преследования во время правления В. Януковича, в речах Ю. Тимошенко преобладали театральные метафоры, призванные подчеркнуть незаконность уголовного преследования и сфабрикованный характер судебного процесса.

Достойную внимания информацию даёт возможность получить объединение дискурсивного анализа с контент-анализом. Исследование 86 000 политических и социально-экономических текстов из 314 федераль-

ных и региональных российских СМИ 2000–2010 гг. позволило обнаружить корреляцию количества метафор и экономических кризисов [Budaev, 2017]. Еще одна закономерность при изучении данного корпуса текстов была обнаружена при сопоставлении метафор болезни по сезонам – частотность метафор болезни снижается в летние периоды [Будаев, 2020].

Начиная дискурсивное исследование политических метафор, учёные выбирают в качестве отправной точки конкретный политический дискурс, в котором фиксируется каждая метафора, без ограничения круга сфер-мишеней и сфер-источников метафорической экспансии. Предметом обсуждения могут быть конкретные политические деятели, политические организации, некоторые средства массовой информации, политические партии и другие сообщества, объединенные общими политическими взглядами.

Одним из наиболее часто используемых ракурсов исследования является анализ метафорических образов в идиолектах, позволяющий выделить несоответствия в мировоззрении определённых политиков. К примеру, П. Друлак и В. Бенеш провели сравнение образного представления о Европе среди речей двух президентов Чехии – В. Гавела и В. Клауса. Так В. Гавел видел Европу как нечто неразделимое, единое (метафоры семьи, контейнера, клуба), в то время как В. Клаус воспринимал Европу как баланс враждующих государств (метафоры экономики, спорта, игры) [Drulák, Beneš, 2015]. Исследователями регулярно регистрируются предпочтительные для тех или иных политиков сферы-источники. Таким образом, М. Л. Кинг часто прибегал к использованию в своих выступлениях религиозные метафоры, У. Черчилль предпочитал использовать образы природы, а М. Тэтчер любила метафоры войны [Charteris- Black, 2014].

Ещё одним значимым направлением коммуникативного анализа является изучение метафор в дискурсе представителей тех или иных политических институтов. Данный подход использовался при исследовании метафор в дискурсе депутатов Европарламента, президентов США и др.

Наконец, третьим «углом обзора» такого анализа можно назвать изучение метафор в дискурсах сторонников каких-либо политических воззрений или же их оппонентов. Дискурсы, которые демонстрируют те или иные политические убеждения, нередко отличаются схожим ассортиментом метафор.

В исследовании О. В. Киреевой [2019] проанализированы наиболее распространенные метафорические модели со сферой-мишенью «Миграция» СМИ России и Великобритании. Автор пришел к выводу, что миграция в дискурсах этих стран обычно сравнивается со стихией, которая носит внезапный и непредсказуемый характер. Историческое наследие России отражается в артефактных и милитарных метафорах отечественного дискурса, тогда как в британских СМИ чаще встречаются экономические

и морбиальные метафоры. Примечательно наблюдение автора о том, что российские СМИ создают положительный образ миграции и отрицательный образ мигранта. Миграция в данном случае рассматривается в качестве решения экономических проблем, в то время как сами мигранты, особенно не желающие аккультурироваться, вызывают неприятие местного населения. Метафоры в британских СМИ свидетельствуют о том, что отношение к миграции постепенно смягчается, хотя в целом остается негативным. СМИ Великобритании положительно относятся к миграции квалифицированных иностранных специалистов, также приветствуется увеличение количества иностранных студентов в британских университетах. В то же время к мигрантам с низким уровнем образования или к нелегальным мигрантам складывается однозначно негативное отношение.

Метафорический образ миграции в российских СМИ был изучен Л. Е. Весниной [2010], показавшей, что в отечественном медиадискурсе доминируют метафорические модели с негативным прагматическим потенциалом (милитарная, криминальная, этническая и гидронимная метафорические модели). Вместе с тем это доминирование, по мнению автора, не обязательно является отражением негативного отношения россиян к мигрантам в действительности. Об этом свидетельствуют результаты, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента: только 31,3 % от общего количества реакций, данных на слово-стимул «мигрант», имели отрицательные коннотации.

В работе [Arcimavičienė, Bağlama, 2018] рассматривалась дихотомическая метафоризация и создание мифов в средствах массовой информации США и Европейского Союза. Исследователи, применяя теорию концептуальной метафоры и критический анализ дискурса, изучили материалы, опубликованные в 2015-2016 годах. Было выявлено, что преобладающая часть медиа-сообщений поддерживала развитие образа миграции через метафорическую дискредитацию, формируемую в рамках противопоставления «мы» и «они». Метафорические образы были объединены в две идеологически обусловленные сюжетные линии: миф о лишении человечности, выраженный посредством метафор вещей и товаров, и миф о моральном превосходстве, реализованный через метафоры стихийных бедствий, преступлений и террористических актов. Результаты продемонстрировали, что значительная часть материалов СМИ не только дискредитирует, но и стигматизирует положение мигрантов, усугубляя стереотип «чужака» и тем самым усиливая чувство нестабильности и нетерпимости в социуме.

Современные научные исследования в области миграционных процессов подчеркивают важность метафор как инструмента для осмысления различных социальных, политических и культурных аспектов, связанных с миграцией. В этом контексте исследователи акцентируют внимание на необходимости переосмысления и трансформации существующих мета-

форических представлений о миграции. Новый метафорический образ миграции должен не только отходить от негативных коннотаций, которые часто ассоциируются с такими терминами, как нашествие или поток, но и стремиться к созданию более позитивного и конструктивного восприятия. Вместо этого, он должен акцентировать внимание на положительных аспектах миграции, таких как культурное многообразие, плюрализм и возможности для взаимного обогащения культур. Это позволит создать более гармоничное и позитивное представление о миграционных процессах, способствуя лучшему пониманию и принятию мигрантов в обществе.

Как показал обзор, исследователи фокусируют внимание на метафорах в англоязычных СМИ, в то время как образы миграции в СМИ Великобритании остаются практически неизученными.

Метафорический образ миграции в СМИ Великобритании

Как показал анализ материала, наиболее востребованными сферами-источниками метафорической экспансии в СМИ Великобритании стали сферы «Война» и «Природа».

Сфера-источник «Война»

Один из видов политических метафор, который играет центральную роль для политического дискурса любой страны, — это военная (милитарная) метафора. Анализ британских средств массовой информации показывает, что в новостях на сайтах различных британских газет при описании миграции и мигрантов довольно часто используется военная метафора.

Рассмотрим примеры цитат, касающихся сферы-источника «Война» из электронной версии газеты The Guardian. Так, в своей статье один из журналистов The Guardian пишет:

«Marauding» migrants threaten standard of living, says foreign secretary (The Guardian, 10.08.2015) — Министр иностранных дел заявил, что «мародёрствующие» мигранты угрожают уровню жизни.

Мародёрство — противоправные действия, совершённые с корыстной целью в период военного положения (грабёж, воровство). В этой статье с помощью данной метафоры образ миграции представлен с явно негативной стороны, а мигранты сравниваются с мародёрами.

Over the weekend, defence secretary Michael Fallon claimed British towns are being «swamped» by immigrants and their residents are «under siege [with] large numbers of migrant workers and people claiming benefits» (The Guardian, 27.10.2014) — В выходные министр обороны Майкл Фэллон заявил, что британские города «наводнены» иммигрантами, а их жители «находятся в осаде [со стороны] большого количества рабочих-мигрантов и людей, требующих пособий».

Be under siege — быть в осаде, соответственно, таким резким высказыванием министр обороны Великобритании Майкл Фэллон явно дал понять, как негативно министерство обороны относится к мигрантам в сво-

ей стране. Мигранты проиллюстрированы здесь совсем не слабым меньшинством, а целой армией, словно наравне с вооружёнными силами какой-нибудь зарубежной страны.

В следующей статье критикуется высказывание лидера Лейбористской партии Кира Стармера, чья позиция в отношении миграции автором статьи описывается следующим образом:

This position is a reformulation of what politicians have been saying for years: that «migration undermines opportunities for people in the UK», and the country only wants the «best and the brightest» (The Guardian, 29.12.2022) — Эта позиция представляет собой переформулировку того, что политики говорили на протяжении многих лет: «миграция подрывает возможности для людей в Великобритании», а стране нужны только «самые лучшие и талантливые».

Упоминание метафоры о «подрыве возможностей», на наш взгляд, подчеркивает страх, что миграция способна привести к конкуренции за рабочие места и ресурсы и указывает на существующие стереотипы о мигрантах как о «конкурентах», что, несомненно, способствует формированию негативного общественного мнения.

Также приведём пару примеров употребления метафор со словами «war» и «warfare» — «война». Ср.:

A lawyer for one of the Venezuelan immigrants sent from the US to a notorious mega prison in El Salvador has accused the Trump administration of waging a «sickening» campaign of psychological warfare against asylum seekers and migrants (The Guardian, 18.03.2025) — Адвокат одного из венесуэльских иммигрантов, отправленных из США в печально известную мегатюрьму в Сальвадоре, обвинил администрацию Трампа в ведении «отвратительной» кампании психологической войны против просителей убежища и мигрантов.

Thousands protest against Trump's war on immigrants after Ice raids: «Fight for our neighbors» (The Guardian, 09.02.2025) — Тысячи людей протестуют против войны Трампа с иммигрантами после рейдов Айс: «Боритесь за наших соседей».

Метафоры «warfare against asylum seekers and migrants» и «war on immigrants» направлены здесь на критику уже американской миграционной политики Дональда Трампа. В контексте этих цитат, действия правительства, направленные в сторону мигрантов и просителей убежища, расцениваются не иначе как агрессивные и конфронтационные. Обе эти метафоры создают образ конфликта, в котором мигранты воспринимаются как враги, а действия американского правительства — как военные операции, направленные на подавление и уничтожение прав и возможностей мигрантов.

Как показал анализ, сфера-источник «Война» является одной из самых используемых среди британских СМИ при описании миграции и ми-

грантов. Наиболее востребованы при описании миграции образы подрыва, ответного удара, борьбы и, непосредственно, войны.

Сфера-источник «Природа»

Так, в статье издания The Guardian представлено высказывание одной из жительниц Нуэва-Виргия на тему миграции:

It's something that we did not expect, as the migration took off from one day to the next and suddenly we found ourselves flooded with trash (The Guardian, 10.09.2024) — *Это то, чего мы не ожидали, поскольку миграция происходила изо дня в день, и внезапно мы оказались завалены мусором.*

Flooded — затопленный, наводнённый. В тексте статьи жители Нуэва-Виргия, деревни, находящейся недалеко от северной границы Дарьена, где проживает около 1400 человек из племени Эмбера, начали замечать негативные последствия от огромного количества пришедших в их местность мигрантов.

Метафора наводнения (затопления) очень часто встречается в статьях британских журналистов, причём как с явным негативным подтекстом, так и с достаточно нейтральным. Приведём несколько примеров, где метафора наводнения никак не очерняет образ миграции:

How tide turned on «flood of migrants» (The Guardian, 07.07.2004) — *Как отразился «приток мигрантов».*

The dreaded flood of Romanian migrants isn't going to happen (The Guardian, 10.11.2013) — *Страшного наплыва румынских мигрантов не произойдет.*

Britain unlikely to face flood of Balkan migrants (The Guardian, 25.09.2006) — *Британия вряд ли столкнется с притоком мигрантов с Балкан.*

Также, образ наводнения может быть использован журналистами или политиками для того, чтобы выразить своё негативное отношение к мигрантам и/или вызвать это негативное отношение у читателей. Ср.:

Cuban migrants flood to US by taking advantage of lax passport rules (The Guardian, 10.10.2014) — *Кубинские мигранты наводняют США, пользуясь послаблениями в паспортных правилах.*

Advocates warn that Trump's promised deportations will flood Mexico with migrants and spur organized crime (The Guardian, 20.01.2025) — *Адвокаты предупреждают, что обещанные Трампом депортации наводняют Мексику мигрантами и подстегнут организованную преступность.*

Migrants flood trains in desperate bid to leave Italy (BBC, 20.06.2015) — *Мигранты наводняют поезда в отчаянной попытке покинуть Италию.*

В этих трёх примерах метафорическое использование слова «flood» отражает восприятие миграции как опасности, грозящей «захлестнуть» государство. Миграционные «потoki» изображаются как мощный, не поддающийся контролю природный феномен, способный легко разрушить устоявшийся порядок вещей.

Выступая во время визита во Вьетнам, Британский политик Дэвид Кэмерон сказал ITV News, что попытки въехать в Великобританию участились, потому что:

«... you have got a swarm of people coming across the Mediterranean, seeking a better life, wanting to come to Britain because Britain has got jobs, it's got a growing economy, it's an incredible place to live» (The Guardian, 30.07.2015) — «...это рой людей, пересекающих Средиземное море в поисках лучшей жизни, желающих приехать в Британию, потому что в Британии есть рабочие места, растущая экономика, это невероятное место для жизни».

A *swarm* — пчелиный рой. И в данном контексте метафора «a swarm of people» звучала достаточно грубо из уст политика и вызвала резонанс среди британской аудитории. Такое резкое выражение показывает истинное отношение Кэмерона к беженцам, а именно — презрение. Никак иначе не объяснить его сравнение людей с пчёлами в данном контексте.

И ещё одна природная метафора в нашем списке — *human tsunami* — «человеческое цунами; цунами из людей»:

Indonesia «could release human tsunami of 10,000 asylum seekers on Australia» (The Guardian, 10.03.2015) — *Индонезия «может вызвать цунами в 10 000 человек, ищущих убежища, в Австралии».*

В 2015 году власти Австралии испытывали сильное беспокойство по поводу нелегальной миграции и увеличения числа просителей убежища, прибывающих морем. Использование метафоры «цунами» призвано создать впечатление кризисной ситуации, требующей немедленных и жестких мер. Эта метафора могла быть использована для усиления политического давления на Индонезию, чтобы предотвратить отправку просителей убежища в Австралию.

Таким образом, наиболее востребованы из сферы-источника «Природа» образы стихий, преимущественно связанных с водой (наводнение, затопление, наплыв и др.).

Заключение

В последнее время наблюдается изменчивое отношение к миграции и беженцам, оказывающее влияние на то, как британское общество воспринимает приезжих. С одной стороны, из-за демографических сложностей в стране правительство вынуждено искать способы восполнить трудовые ресурсы, желательно недорогими работниками. С другой стороны, существуют трудности с интеграцией мигрантов в британское общество. Значительное число людей, прибывших из бывших британских колоний, не спешат адаптироваться к культуре метрополии, рассматривая социальную поддержку от государства как своего рода компенсацию за историческую эксплуатацию азиатских и африканских стран европейскими державами. Это приводит к очевидным противоречиям между мигрантами и местным

населением, что находит свое выражение в метафорическом представлении в средствах массовой информации.

Среди самых частотных метафор, конструирующих образ миграции в СМИ Великобритании, стали метафоры, относящиеся к сферам-источникам «Война» и «Природа». Самыми востребованными оказались метафоры из сферы-источника «Война», отражающие враждебные настроения к мигрантам, сравниваемым с вражеской армией. Столь же востребованным источником метафор оказалась сфера-источник «Природа», отражающая осмысление миграции как стихийного бедствия, поразившего британское государство. При этом власть предержащие просят не преувеличивать последствия «стихийного бедствия», в то время как оппозиционно настроенные авторы текстов рисуют картины мрачного и опасного будущего Великобритании.

Таким образом, представление о миграции в британских СМИ строится, в основном, на негативных оценках, что даёт нам понять, что отношение к мигрантам среди британцев довольно напряжённое, несмотря на значительные попытки государства продолжать политику мультикультурализма.

К перспективам исследования можно отнести сопоставительное исследование метафор, конструирующих образ миграции в медиадискурсе Великобритании и других государств.

Список литературы

Будаев, Э. В. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований / Э. В. Будаев. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2016. – № 6 (60). – С. 12–17.

Будаев, Э. В. Онтологические метафоры как способ репрезентации концепта ZORN в немецком языке / Э. В. Будаев, Е. В. Южанинова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2020. – № 2. – С. 70–79.

Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология / Э. В. Будаев. – Санкт-Петербург : Научные технологии, 2020. – 464 с. – Текст : непосредственный.

Веснина, Л. Е. Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента) : специальность 10.02.01 – русский язык : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Веснина Людмила Евгеньевна ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2010. – 250 с. – Текст : непосредственный.

Замотина, Е. И. Ретрансляция юридического дискурса в текстах СМИ о миграции / Е. И. Замотина, Т. В. Дубровская. – Текст : непосредственный // Казанский педагогический журнал. – 2015. – № 6-2 (113). – С. 449–456.

Зиновьев, Н. В. Доминантная метафорическая модель «Движение» в дискурсе премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона: методика исследования темпоральной динамики / Н. В. Зиновьев, Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2019. – № 1 (73). – С. 57–64.

Киреева, О. В. Метафорическое моделирование миграции в дискурсе российских и британских СМИ / О. В. Киреева. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2019. – № 4 (76). – С. 31–38.

Кондратьева, О. Н. Динамика метафорических моделей в политической коммуникации (на примере выступлений Ю. Тимошенко) / О. Н. Кондратьева, К. А. Ковалева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 4 (58). — С. 34–47.

Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – Текст : непосредственный.

Онал, И. О. Метафорическая репрезентация миграции в турецких СМИ / И. О. Онал. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 4 (51). – С. 753–757.

Селиванова, И. В. Военные метафоры в рождественских обращениях короля Испании / И. В. Селиванова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2019. – № 4 (76). – С. 61–66.

Сергеева, З. Х. Феномен миграции в российских СМИ и оценках экспертов / З. Х. Сергеева. – Текст : непосредственный / Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2008. – Т. 4. – № 3. – С. 177–190.

Хисматуллина, Л. Г. Метафорическая репрезентация миграции в британских, американских и российских СМИ / Л. Г. Хисматуллина, А. К. Гараева, И. Г. Ахметзянов. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2017. – № 2. – С. 170–176.

Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2001. – 238 с. – Текст : непосредственный.

Anikin, E. E. Historical dynamics of metaphoric systems in Russian political communication / E. E. Anikin, E. V. Budaev, A. P. Chudinov. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 3. – С. 26– 32.

Arcimaviciene, L. Migration, Metaphor and Myth in Media Representations: The Ideological Dichotomy of «Them» and «Us» / L. Arcimaviciene, S. H. Baglama // Sage Open. – 2018. – Vol 8(2). – P. 1–13.

Budaev, E. Metaphors of disease in the Russian press. In *XLinguae. A European Scientific Language Journal*. — 2017. — Vol. 10. No. 2, pp. 30–37.

Charteris-Black, J. *Analysing Political Speeches: Rhetoric, Discourse and Metaphor* / J. Charteris-Black. – Basingstoke : Palgrave-MacMillan, 2014. – 318 p. – Текст : непосредственный.

Drulák, P. Czech Metaphors about Europe: Havel vs Klaus / P. Drulák, V. Beneš. – Текст : непосредственный // *Journal of International Relations and Development*, 2015. P. 1–24.

Lakoff, G. *The Contemporary Theory of Metaphor* / G. A Lakoff. – Текст : непосредственный // *Metaphor and Thought* Ortony / Ed. by A. Ortony. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – P. 202–251.

Wodak, R. *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual* / R. Wodak. – New York: Palgrave Macmillan, 2011. – 270 p. – Текст : непосредственный.

Получена: 29.05.2025

Принята: 10.07.2025

METAPHORICAL IMAGE OF MIGRATION IN THE BRITISH MEDIA

D. V. Strelkova

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Ural State Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
strelkova110702@gmail.com

Abstract. The purpose of this study is to identify the features of the metaphorical conceptualization of migration in the British media discourse. The object of the work is the image of migration in the British media. The subject of the research is the features of the metaphorical conceptualization of migration in the British media discourse. Metaphorical contexts from British media (The Guardian, The Daily Mail, BBC) were used as research material. The chronological framework covers the period of 2000-2025. The methodology of this study is based on the postulates of the cognitive-discursive approach to the metaphor analysis. The following methods were used during the research: descriptive method, sampling, systematization, metaphorical modeling method, discursive approach to the analysis of metaphors. As the analysis showed, among the most frequent metaphors constructing the image of migration in the British media are images related to the source domains «War» and «Nature». The image of migration in the British media is based mainly on negative assessments, which indicates that the attitude towards migrants and migration politics among the British is rather tense, despite significant attempts by the state to continue the policy of multiculturalism.

Key words: metaphor; migration; British media; refugees; discursive analysis; cognitive analysis.

References

Anikin, E. E., Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2015). Historical dynamics of metaphoric systems in Russian political communication. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 3, 26–32.

Arcimaviciene, L., & Baglama, S. H. (2018). Migration, Metaphor and Myth in Media Representations: The Ideological Dichotomy of «Them» and «Us». *Sage Open*, 8(2), 1–13.

Baranov, A. N. (2014). Deskriptornaya teoriya metafory [Descriptive Theory of Metaphor]. Moscow: YaSK.

Budaev, E. (2017). Metaphors of disease in the Russian press. In *XLinguae. A European Scientific Language Journal*, 10(2), 30–37.

Budaev, E. V. & Yuzhaninova, E. V. (2020). *Ontologicheskie metafory kak sposob reprezentatsii kontsepta ZORN v nemetskom yazyke* [Ontological metaphors as a way of representing the ZORN concept in German]. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 2, 70–79.

Budaev, E. V. (2016). Kriticheskiy analiz politicheskogo diskursa: osnovnye napravleniya sovremennykh zarubezhnykh issledovaniy [Critical analysis of political discourse: Main directions of modern foreign research]. *Politicheskaya lingvistika*, 6(60), 12–17.

Budaev, E. V. (2020). *Sopostavitel'naja politicheskaja metaforologiya* [Comparative political metaphorology]. Saint Petersburg: Naukoemkie tehnologii.

Charteris-Black, J. (2014). *Analyzing Political Speeches: Rhetorical, Discourse and Metaphor*. Basingstoke: Palgrave-MacMillan.

Chudinov, A. P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg: UrGPU.

Drulák, P. & Beneš, V. (2015). Czech Metaphors about Europe: Havel vs Klaus. *Journal of International Relations and Development*, 1–24.

Khismatullina, L. G., Garaeva, A. K. & Akhmetzyanov, I. G. (2017). [Metaphorical representation of migration in the British, American and Russian media]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2, 170–176.

Kireeva, O. V. (2019). Metaforicheskoe modelirovanie migratsii v diskurse rossiyskikh i britanskikh SMI [Metaphorical modeling of migration in the discourse of Russian and British media]. *Politicheskaya lingvistika*, 4 (76), 31–38.

Kondratieva, O. N. & Kovaleva, K. A. (2016). The dynamics of metaphorical models in political communication (using the example of Yulia Tymoshenko's speeches). *Politicheskaya lingvistika*, 4 (58), 34–47.

Kubryakova, E. S. (2004). *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya. Rol` yazyka v poznanii mira*

[Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury.

Lakoff, G. (1993). The Contemporary Theory of Metaphor. In Ortony, A. (Ed.), *Metaphor and Thought* (pp. 202–251). Cambridge: Cambridge University Press.

Onal, I. O. (2022). Metaforicheseskaya reprezentatsiya migratsii v turetskikh SMI [Metaphorical representation of migration in the Turkish media]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 4 (51), 753–757.

Selivanova, I. V. (2019). Military metaphors in the Christmas addresses of the King of Spain. *Politicheskaya lingvistika*, 4 (76), 61–66.

Sergeeva, Z. Kh. (2008). Fenomen migratsii v rossiyskikh smi i otsenkakh ekspertov [The phenomenon of migration in the Russian media and expert assessments]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 4(3), 177–190.

Vesnina, L. E. (2010). *Metaforicheskoe modelirovanie migratsii (po materialam rossiyskikh pechatnykh SMI i dannym assotsiativnogo eksperimenta)* [Metaphorical modeling of migration (based on materials from Russian print media and data from an associative experiment)]. [Candidate Dissertation, Ural State Pedagogical University].

Wodak, R. (2011). *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*. New York: Palgrave Macmillan.

Zamotina, E. I. & Dubrovskaya, T. V. (2015). Retranslyatsiya yuridicheskogo diskursa v tekstakh SMI o migratsii [Retransmission of legal discourse in media texts about migration]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal*, 6-2 (113), 449–456.

Zinoviev, N. V. & Nakhimova, E. A. (2019). The dominant metaphorical model of «Movement» in the discourse of British Prime Minister David Cameron: a methodology for the study of temporal dynamics. *Politicheskaya lingvistika*, 1 (73), 57–64.

Submitted: 29.05.2025

Accepted: 10.07.2025

УДК 81'373.612.2

ПАНДЕМИЯ COVID-19 В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ЗЕРКАЛЕ СМИ ФРГ

В. С. Шетти

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Уральского государственного педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
rina@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению метафорической репрезентации COVID-19 в текстах СМИ ФРГ. В качестве материала исследования использованы метафорические контексты из СМИ ФРГ за период с декабря 2019 по декабрь 2020 года. Исследование проведено в русле когнитивно-дискурсивного подхода, подразумевающего анализ метафоры как ментального феномена в лингвистическом и экстралингвистическом контексте СМИ. Как показал анализ, в СМИ ФРГ доминируют три сферы-источника метафорической концептуализации пандемии: KRIEG, UNBELEBTE NATUR, TIERE. Активное использование военной метафоры при описании коронавируса объясняется сходством военных действий с борьбой человечества против COVID-19: коронавирус концептуализируется как враг, с которым человечество ведет войну и несет при этом большие потери. Метафоры природы оказались востребованы для отражения смыслов внезапности начала эпидемии, волнообразной природы появления новых штаммов и разрушительности последствий, сопоставимых с последствиями природных катаклизмов. Метафоры животных отражали страх перед пандемией, подобный стразу, испытываемому людьми перед агрессивными животными. Таким образом, среди метафор оказались востребованы те образы, которые позволили обнаружить аналогии между уже знакомыми феноменами и новой реальностью, в которой оказалось человечество. Именно метафоры войны, стихий и диких животных позволили актуализировать прагматические смыслы внезапности и разрушительности пандемии, а также необходимости сплотить усилия для противостояния инфекции.

Ключевые слова: концептуальная метафора, метафоры природы, милитарные метафоры, зооморфные метафоры, метафоры животных, COVID-19, коронавирус, СМИ ФРГ.

1. Введение

Пандемия COVID-19 стала одним из самых серьезных проблем, с которыми столкнулось человечество в последние годы. Пандемия затронула не только сферу охраны жизни и здоровья людей, но и вызвала потрясения во многих других областях общественной жизни. Эти потрясения, как в зеркале, отразились в коммуникации, о чем свидетельствуют многочисленные исследования лингвистов, отмечающих новообразования в языках по всему миру, вызванные эпидемией [Андропова, Будаев, 2023; Будникова, Иванова, 2021; Воскресенская, Гулик, Мальшева, 2022; Громенко, 2021; Пнджоян, Будаев, 2022; Сергеева, 2021; Amiruddin, Yassi, Sukmawaty, 2021; Holland, Lewis, 2021].

Так как COVID-19 является новым феноменом, не имевшем прецедентов за последние десятилетия, в массовом сознании формируются новые когнитивные структуры, направленные на концептуализацию пандемии. Важным инструментом для осмысления неизвестного на основе известного служит метафорическая концептуализация, что объясняет повышенную метафоричность дискурса СМИ в период пандемии [Piredda, 2023]. Метафоры в нарративе «COVID-19» вызывают широкий интерес современных исследователей, многие из которых фиксируют большую востребованность метафор войны. В частности, данная сфера-источник была обнаружена в СМИ России и многих европейских стран [Балашова, 2020; Мозжерина, Будаев, 2023; Чарыкова, Федотова, 2022; Fernández-Pedemonte, Casillo, Jorge-Artigau, 2020; Lukacovic, 2020; Sirait, Seva, Lingga, 2020]. Сопоставительное исследование метафор огня как средства осмысления пандемии в нидерландском, английском, немецком, греческом, итальянском и испанском было проведено Е. Семино [Semino, 2021]. Природоморфные метафоры как способ метафорического описания эпидемии изучены на примере русскоязычного [Сизых, 2023] и англоязычного медийного дискурса [Будаев, Ковалева, Щербинина, 2022]. Ведущие метафорические модели в пандемическом дискурсе СМИ ФРГ рассмотрены Н. А. Трофимовой [2022].

Как показывает обзор, исследователи уделяют значительное внимание изучению способов метафорической концептуализации пандемии в СМИ разных стран мира. Вместе с тем в этой проблеме остаётся много белых пятен. В настоящем исследовании изучаются ведущие метафорические модели, актуализированные в пандемическом дискурсе ФРГ.

2. Материал и методика исследования

Материалом для настоящей работы послужил корпус из 100 метафор, использованных в СМИ ФРГ («Der Spiegel», «Die Zeit», «Bild», «Focus», «Süddeutsche Zeitung»). Хронологические рамки исследования охватывают период 2019–2020 гг.

Методология настоящего исследования основывается на постулатах когнитивно-дискурсивной парадигмы (Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова) и когнитивной теории метафоры (А. Н. Баранов, М. Джонсон, Дж. Лакофф, А. П. Чудинов и др.). Помимо когнитивного метода использовались описательный метод, метод выборки, систематизация, метод метафорического моделирования, а также критический дискурсивный анализ.

3. Когнитивная метафора в дискурсе СМИ

Изучение концептуальных метафор в СМИ получило широкое распространение в современной лингвистике. Повышенный интерес к когнитивной метафоре, в первую очередь, обусловлен новым подходом к метафоре, заложенным в теории концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson, 1980]. Основная идея данной теории сводится к тому, что метафора рас-

сматривается не только как языковое явление, но и как механизм мышления, то есть как когнитивный феномен. Согласно теории концептуальной метафоры при метафорическом моделировании происходит взаимодействие двух структур знаний: сферы-источника и сферы-мишени. Элементы сферы-источника, включающие в себя базовый источник знаний, опыт взаимодействия человека с окружающей средой, структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень.

В современной метафорологии когнитивный подход к метафоре часто дополняется дискурсивным подходом. Суть дискурсивного подхода сводится к тому, что метафору необходимо рассматривать не только в лингвистическом, но и в экстралингвистическом контексте [Чудинов, Будаев, 2006]. Важность дискурсивного анализа в исследовании когнитивной метафоры связана с тем, что многое в смысле метафорических контекстов обусловлено политическими, экономическими, культурологическими и другими ситуативными факторами, а не только структурой когнитивной системы человека. Контекст может определять, какую роль метафора играет в высказывании и как она воспринимается реципиентами. Метафоры могут быть непонятыми не только без текстового, но и без внетекстового контекста. Этим определяется важность учета экстралингвистических факторов при анализе когнитивной метафоры. Целью дискурсивного анализа является выявление социального контекста, стоящего за устной или письменной речью, исследование взаимосвязи между языком и социальными процессами.

Взаимосвязь когнитивного и дискурсивного подходов получила широкое распространение в отечественной лингвистике, а сам синтезированный подход получил название когнитивно-дискурсивного подхода. В основе этого подхода лежит тезис о невозможности четкого разграничения когнитивного и дискурсивного измерения метафоры, которая одновременно описывается и как ментальный, и как лингвосоциальный феномен. Преимущество когнитивно-дискурсивного подхода в том, что дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний [Чудинов, Будаев, 2006].

Использование когнитивно-дискурсивного подхода к анализу метафор включает описание роли метафоры в концептуализации образов и рассмотрение особенностей её функционирования в реальной коммуникации с невозможностью разграничения когнитивного и дискурсивного измерения метафоры. Таким образом, когнитивно-дискурсивный подход к метафоре позволяет более глубоко понять, как метафоры создаются и применяются в речевой деятельности, а также анализируется их связь с нашими представлениями о мире и социокультурным контекстом.

Исследования дискурса способствуют нашему пониманию социальных реалий, существующих в области политики, экономики, здравоохранения и других сфер жизни. Дискурс создает широкий контекст, без которого смысл метафоры невозможно в полной мере описать. Лингвистический контекст позволяет отсортировать неактуальные значения рассматриваемой лексики, в то время как дискурсивный контекст наполняет метафору смыслами, формируемыми пониманием текущих общественных реалий. По этой причине изучение концептуализации коронавируса возможно только в конкретных дискурсивных условиях.

Важно различать дескриптивный и критический анализ дискурса. К особенностям последнего относится аксиологический характер. «Если на онтологическом уровне ученые акцентируют внимание на дискурсе как объекте действительности, то на аксиологическом уровне проявляется ценностное отношение субъекта исследования к экстралингвистическим факторам функционирования политической коммуникации» [Будаев, 2016, с. 12].

С началом эпидемии журналисты в СМИ ФРГ пытались осмыслить новую реальность, прибегая к метафорическим сравнениям, помогающим представить события в понятиях, хорошо знакомых читателям из предыдущего опыта, потому что когнитивная метафора предполагает, что наше понимание абстрактных и сложных концепций строится на основе более конкретных и знакомых, широко распространенных в конкретной культуре образах. Таким образом, роль метафоры может быть определена как механизм осмысления действительности. Вместе с тем выбор метафор влияет на наше восприятие и понимание информации, которую мы получаем через медиа, что в свою очередь может влиять на поведение людей, поэтому важно анализировать и осознавать, какие метафоры применяются и как они могут формировать наше понимание событий и явлений.

4. Ведущие сферы-источники метафорической экспансии в СМИ ФРГ

Как показал анализ, в СМИ ФРГ доминируют три сферы-источника метафорической концептуализации пандемии: KRIEG, UNBELEBTE NATUR, TIERE. Рассмотрим подробнее каждую из них.

4.1. Сфера-источник UNBELEBTE NATUR

СМИ ФРГ часто используют метафоры сферы-источника «Die Pandemie ist Naturkatastrophe». Прежде всего, следует выделить фрейм «Вода», поскольку прагматический потенциал его метафор позволяет интерпретировать распространение Covid-19 через образы водной стихии. Пандемия коронавируса накрыла мир, как сильные морские волны, перерастающие в цунами, затапливающие всё на своем пути, а люди стремятся найти защиту от угрожающих «волн» на тот момент плохо изученного вируса. В частности, осмысление заражения новым вирусом происходит через неблагопри-

ятные погодные условия, вызванные волнами в различных интерпретациях. Ср.:

Corona-Pandemie in Europa! Die zweite Welle rollt (Der Spiegel, 14.10.2020). – *Пандемия коронавируса в Европе! Грядет вторая волна.*

In Berlin wie auch bundesweit steigt die Zahl der Intensivpatienten aufgrund der zweiten Pandemie-Welle an (Focus, 19.11.2020). – *В Берлине, как и по всей стране, количество пациентов интенсивной терапии увеличивается из-за второй волны пандемии.*

По мере ухудшения эпидемиологической ситуации метафора «волны» становится «цунами». Ср.:

...*Tsunami der Infektionen* (Bild, 27.06.2020). – ...*Цунами* инфекции.

Haben wir den tatsächlichen Corona-Tsunami noch vor uns? (Bild, 27.06.2020). – *У нас впереди настоящее коронавирусное цунами?*

Im Omikron-Tsunami müssen wir die Quarantäne abschaffen (Focus, 19.01.2021). – *В связи с цунами Омикрона мы должны отменить карантин.*

Использование метафоры «цунами» подчеркивает масштаб угрозы и оправдывает жёсткие меры карантина.

СМИ ФРГ также воспринимали сопутствующие заражению события как морские явления. Ср.:

...*Ebbe der Impfstoffe* (Süddeutsche Zeitung, 07.12.2021). – ...*Омток* вакцин.

Die Virus-Flut steigt, die Kanzlerin kämpft um die Deiche, das Volk bangt um Weihnachten und Maischberger fragt: «Ist bald Land unter?» (Bild, 14.12.2020). – *Наводнение вируса усиливается, канцлер борется за дамбы, народ переживает Рождество, а Майшбергер спрашивает: «Скоро ли страна уйдет под воду?»*

Сандра Майшбергер, популярная журналистка, сравнивает масштабы пандемии с утоплением. При этом Ангела Меркель, на тот момент действующий канцлер ФРГ, «борется за дамбы», т.е. пытается сдержать инфицирование, которое, в свою очередь, сравнивается с наводнением. Это подчеркивает, что вирус распространяется неконтролируемо, как вода, захлестывающая берега, или, в данном случае, «захлестывающая» страну.

Иногда борьбу против коронавируса так же сравнивают с «волнорезом». Ср.:

Werden Sie Wellenbrecher! Vielleicht brauchen wir viele Wellenbrecher, vielleicht kann jede und jeder ein Wellenbrecher sein – durch weniger Kontakte, mehr Vorsicht, durch Mitdenken und schnelles Handeln (Der Spiegel, 03.12.2020). – *Становитесь волнорезом! Возможно, нам нужно много волнорезов, возможно, каждый может стать волнорезом за счет снижения количества контактов, большей осторожности, коллективного мышления и быстрых действий.*

Man brauche nun einen «echten Wellenbrecher» (Der Spiegel, 03.12.2020). – *Теперь нужен настоящий «волнорез».*

«Волнорез» в этом контексте выступает как человек, принимающее на себя силу «волн» и «защищающее берег». В метафорическом переносе это означает следование правилам социальной изоляции и стремлению обезопасить себя от «волн» Covid-19.

Кроме этого, коронавирус так же часто сравнивался с огнём. Ср.:

Corona-Herd West Wing (Der Spiegel, 11.05.2020). – *Очаг коронавируса на западе.*

Coronavirus könnte indigene Völker in Brasilien auslöschen (Der Spiegel, 24.03.2020). – *Коронавирус может уничтожить коренные народы в Бразилии.*

Здесь «auslöschen» означает «гасить», «тушить».

Vielmehr müsste man das Infektionsgeschehen eher mit zahlreichen Glutnestern unterschiedlicher Größe vergleichen, die überall aufflackern können, manchmal vor sich hinglimmen, manchmal von alleine erlöschen und sich – wenn es schlecht läuft – zu einem größeren Brand zusammenschließen (Süddeutsche Zeitung, 24.07.2020). – *Скорее, инфекционное заболевание следовало бы сравнить с многочисленными пожарными очагами разного размера, которые могут вспыхивать повсюду, иногда тлеют сами по себе, иногда гаснут сами по себе и, если дела идут плохо, объединяются в более крупный пожар.*

Wie ein Brand verläuft die Seuche in Phasen, mal flammt sie auf, mal lodert sie nur noch, mal taucht sie, schon besiegt geglaubt, in kleinen Glutnestern wieder auf. Abstand und Quarantäne wiederum entziehen dem Feuer die Nahrung, Masken bremsen die Viren, die von Menschen ausgeatmet werden und wie Funken neue Feuer entfachen (Der Spiegel, 13.08.2020). – *Подобно пожару, эпидемия протекает поэтапно, иногда вспыхивает, иногда только разгорается, иногда, уже почти побежденная, вновь появляется в небольших очагах. Дистанция и карантин, в свою очередь, лишают огонь пищи, маски сдерживают вирусы, которые выдыхаются людьми и, подобно искрам, разжигают новые пожары.*

Wenn wir Herdenimmunität erreichen, endet die Pandemie – wirklich? Ganz so einfach ist es nicht. Manche Experten bezweifeln, dass Herdenimmunität beim Coronavirus überhaupt erreichbar ist (Bild, 23.06.2020). – *Когда мы достигнем коллективного иммунитета, пандемия закончится – верно? Это не так просто, как кажется. Некоторые эксперты сомневаются, что коллективный иммунитет при коронавирусе вообще достигим.*

Перенос здесь основан на слове «очаг», что дословно можно перевести как «очаговый иммунитет». Скопление людей, противоположно примерам выше, здесь сравнивается с топкой, очагом, где люди – это языки пламени, или, в более позитивном значении, – тепло.

Метафора «огня» подчеркивает бедственное положение ФРГ в борьбе с коронавирусной инфекцией, но принципиально отличается от метафор водной стихии. Метафоры огня эффективно мобилизуют на борьбу с угрозой, а также подчеркивают возможность контроля ситуации в отличие от неуправляемой водной стихии. Они акцентируют необходимость локализации «возгорания» до его распространения, сравнивая их с лишь «искрами», а не полноценным пожаром, который можно предотвратить, надев маску и перчатки, и соблюдая правила социальной изоляции.

Таким образом, метафора стихийного бедствия описывает неотвратимость, опасность положения. Стихии бесполезно сопротивляться: пандемия сопровождалась «волнами» или «очагами» заражения, что подчеркивало её масштабы и массовость, а также голодом ресурсов. Например, «оттоком» вакцин. Особенно страшные периоды пандемии сравниваются с цунами, пожарами, поскольку они способны уничтожить целые поселения. Иногда в СМИ появлялись и воодушевляющие метафоры, где противовирусные меры сравнивались с дамбой, сдерживающей воду, а людей – с «волнорезами».

4.2. Сфера-источник KRIEG

Поскольку любая болезнь является неотъемлемой частью человеческой жизни, включающей сложный процесс борьбы с заболеванием, подобный сражению, концептуальная метафора «Die Pandemie ist Krieg» стала ключевым инструментом в освещении кризиса. Военная метафорическая модель осмысляет пандемию через призму боевых действий, где различные стороны ведут ожесточённое противостояние.

Несмотря на то, что динамика этого противостояния постоянно меняется в зависимости от эффективности принимаемых мер, врачи и медперсонал представлялись как «солдаты на передовой», что подчеркивало их самоотверженность. Так, в начале пандемии отмечалось, что вирус получил значительное преимущество из-за запоздалой реакции властей, но доктор и медсестры делали всё, что могли. Ср.:

...*Frontlinie der Intensivstationen* (Die Zeit, 12.03.2020). – ...*Передовая отделения интенсивной терапии.*

Seit Beginn der Corona-Krise kämpft die Bundeswehr an der Heimatfront (Bild, 05.12.2020). – *С начала коронавирусного кризиса Бундесвер сражается в тылу.*

Wir sind im Krieg mit Covid-19... (Bild, 05.12.2020). – *Мы воюем с Covid-19...*

Die ganze Welt im Krieg gegen das Virus (Die Zeit, 12.03.2020). – *Весь мир в воюет с вирусом.*

Wo sind die Menschen am besten vor Covid-19 geschützt? (Bild, 06.04.2020). – *Где люди лучше всего защищены от Covid-19?*

Nichts Neues von der Virus-Front (Die Zeit, 12.03.2020). – *На вирусном фронте без перемен.*

...Müssen wir uns etwa für immer mit Corona rumschlagen? (Bild, 23.06.2020). – *Неужели нам придется вечно бороться с короной?*

Ohne einen Frontalangriff gegen das Virus wird Corona im Jahr 2021 der einzige wahre Sieger sein (Bild, 23.06.2020). – *Без прямой атаки на вирус Коронавирус станет единственным победителем в 2021 году.*

Wir werden noch sehr lange mit der Pandemie zu tun haben werden (Bild, 23.06.2020). – *Мы еще очень долго будем бороться с пандемией.*

Такая концептуальная метафора особенно широко использовалась в немецких СМИ для лучшего понимания ситуации читателем. В рамках этой метафоры врачи изображались «солдатами на передовой», т.е. обладающими героизмом и самопожертвованием в «битве» за общее благо (здоровое общество).

Концептуальная метафора «Das Virus ist Feind» в немецких СМИ выполняет несколько ключевых функций, структурируя восприятие пандемии через военную парадигму, где Covid-19 – это общий враг, или «убийца», против которого нужно бороться не только врачам, но и всем миром. Данные метафоры наделяют вирус злыми помыслами, агрессией и даже стратегией, что подталкивает людей к гражданской солидарности с помощью визуализации абстрактной угрозы, т.е. делая её буквально осязаемой. Такая аналогия помогала сплотиться против врага, поскольку в «войне» важна поддержка «тыла». Ср.:

Der Erreger ist immer der «Feind von außen» (Der Spiegel, 15.04.2020). – *Возбудитель всегда является «внешним врагом».*

Die Corona-Pandemie spaltet die Menschen (Der Spiegel, 12.04.2020). – *Пандемия коронавируса разделяет людей.*

Einsatz gegen Corona – Hier kämpft die Bundeswehr gegen den unsichtbaren Feind (Bild, 06.04.2020). – *Операция против короны: здесь Бундесвер сражается против невидимого врага.*

Viruserkrankungen sind der größte Killer (Der Spiegel, 24.03.2020). – *Вирусные заболевания – самый большой убийца.*

...Der unheimliche Erreger 2019-nCoV (Bild, 06.04.2020). – *...Зловещий патоген 2019-nCoV.*

Auch wenn das Coronavirus tatsächlich ein „Feind“ unseres Organismus ist... (Der Spiegel, 15.04.2020). – *Даже если коронавирус на самом деле является «врагом» нашего организма...*

Локдауны и ограничения подаются как «вынужденные жертвы» ради победы. Метафора войны создавала ощущение общего врага, против которого нужно объединиться.

Военная метафора в немецких СМИ сыграла важную роль в формировании общественного восприятия пандемии, но ее применение было неоднозначным. Она помогала объяснять кризис, но также могла искажать реальность, упрощая концепты массовости смерти от Covid-19 и тяжелого труда в условиях пандемии до бинарной логики «войны», хотя и делала

особый акцент на героизме медицинских работников. Язык медицины тесно переплетается с языком войны, особенно когда речь идет о заболеваниях, которые несут неопределенность и угрозу для человечества.

4.3. Сфера-источник TIERE

Третьей распространенной сферой-источником метафорической экспансии стала сфера TIERE.

Несмотря на то, что сфера-источник метафорической экспансии «Tiere» оказалась не самой продуктивной среди СМИ ФРГ, зооморфные метафоры применялись для особенно ярких случаев, где требовалось доступно объяснить сложные биологические процессы или выразить крайне негативное отношение к Covid-19, а сам вирус представлен как некое живое существо.

Ограниченное использование такой метафоры в СМИ объясняется тем, что животные образы, в отличие от военных или стихийных, вызывают больше негативных эмоций и гораздо менее информативны. Ср.:

Das Virus kriecht im Slum (Süddeutsche Zeitung, 20.12.2020). – *Вирус заползает в трущобы.*

Allmählich kriecht das Coronatie immer näher ran. Selbst wenn es an mir vorbeikriecht, was macht es mit uns allen? – *Короназверь подползает всё ближе и ближе, даже если он проползёт мимо меня, что же он сделает с остальными?* (Süddeutsche Zeitung, 20.12.2020).

Здесь сравнение проходит на основе смежных со змеями характеристик. Covid-19, подобно ядовитой змее, заползает в самые отдаленные, скрытые и якобы безопасные места. Змеи передвигаются бесшумно, как и вирус – его приближение невозможно заметить, пока хищник не впрыснет яд, или, в данном случае, не появятся первые симптомы заражения коронавирусом.

Кроме этого, коронавирус иногда представляют, как абстрактного зверя. Объединяет такие метафоры мотивы укусов и «пожирания» здоровья людей. Ср.:

Das Virus beißt sich fest (Süddeutsche Zeitung, 27.08.2020). – *Вирус крепко кусается.*

Covid-19-Ausbreitung: Das Kreuzfahrtschiff – eine Brutstätte? (Der Spiegel, 19.02.2020). – *Распространение Covid-19: Круизный лайнер – это гнездовище?*

Метафорический перенос осуществляется на основе сходства функциональных характеристик устройства для искусственного вывода сельскохозяйственных животных и культур (т.к. более точный перевод – это «питательная среда», «плодоносная почва») и лайнером, где активно происходило заражение. Здесь Covid-19 представлен как животное, основное место пропитание которого – это крупные скопления людей.

Dem Virus auf der Spur (Süddeutsche Zeitung, 27.08.2020). – *По следу вируса.*

Das Virus verwischt die Spur (Der Spiegel, 31.01.2020). – Вирус заметает следы.

Die Genomsequenzierung ermöglicht es, mutierte Viren aufzuspüren (Süddeutsche Zeitung, 27.08.2020). – Секвенирование генома позволяет выследить мутировавшие вирусы.

Die Jagd nach den Viren (Der Spiegel, 31.01.2020). – Охота на вирусы.

Die Jagd nach dem Corona-Medikament: Deutsche Forscher sprechen von Durchbruch (Focus, 06.05.2020). – Охота на лекарство от короны: немецкие исследователи говорят о прорыве.

Охота подразумевает активные действия и стратегическое планирование. Это создает положительный образ исследователей и работников здравоохранения, которые не просто ждут, когда вирус проявит себя, а активно его ищут и пытаются его «изловить». Это также говорит о том, что борьба с вирусами – это не пассивный процесс, а интенсивная работа, где человечество имеет преимущество. Сама метафора охоты на самом деле отражает научные исследования и открытия в рамках борьбы с пандемией, где главная цель – уничтожение опасного «зверя», т.е. коронавируса.

Иногда лексема охоты в данных метафорических контекстах представлена и самим Covid-19. Однако люди также периодически представлены как охотники на вирус. Клетка символизирует ограниченное пространство и отсутствие свободы. В контексте пандемии это означает ограничения, введенные для сдерживания распространения вируса: локдауны, карантин, социальное дистанцирование и другие меры. Люди оказались запертыми в своих домах, лишены возможности свободно передвигаться и взаимодействовать друг с другом, а повлияла на это Covid-19, «загнавший» людей в «клетки». Ср.:

Die Pandemie hat die Welt in einen Käfig verwandelt (Süddeutsche Zeitung, 20.12.2020). – Пандемия превратила мир в клетку.

Der Babyelefanten-Abstand ist leider immer noch nicht zur Gewohnheit geworden (Süddeutsche Zeitung, 20.12.2020). – К сожалению, расстояние (размером со) слонёнка до сих пор не вошло в привычку.

Перенос здесь осуществлён на основе схожести рекомендованной социальной дистанции с размерами детёныша слонов. В Австрии, продолжая эту метафору, как сообщает портал Süddeutsche Zeitung, визуализировали дистанцию с буквальными изображениями слонов. Однако в ФРГ использовался просто текст.

Таким образом, зооморфная метафора представляет коронавирус через образы животных, наделяя его характеристиками хищника, паразита или ядовитого существа. Эти метафоры акцентируют внимание читателя на опасность, непредсказуемость и адаптивность вируса, уподобляя его дикому животному, которое прячется, нападает и «питается» людьми. Сравнение с животными делает абстрактный вирус более осязаемым и вызывает яркую эмоциональную реакцию.

В немецких СМИ такие метафоры встречались реже остальных, но применялись там, где нужно было подчеркнуть коварство и непредсказуемость вируса. Их главная ценность – эмоциональная убедительность, а не призыв к действию, что наблюдалось в случае со сферой-источником «война».

5. Заключение

Таким образом, наиболее частыми сферами-источниками метафорической экспансии при концептуализации эпидемии являются UNBELEBTE NATUR, KRIEG и TIERE.

Легко заметить, что все метафоры приписывают коронавирусной инфекции негативные коннотации. Вирус видится, как неукротимая стихия (цунами, лесной пожар), либо как враг, который атакует здоровье и жизнь людей, или как опасное и безжалостное животное.

Вместе с тем три рассмотренные модели привносят разные проекции концептуального видения пандемии. Так, метафоры стихий высвечивают разрушающие последствия инфекции, ее неожиданный характер и бедственное положение общества в разгар пандемии. Вместе с тем эти метафоры содержат имплицитную информацию о невозможности серьезно противостоять разбушевавшейся стихии, которую можно только переждать.

Важная особенность военной метафоры заключается в том, что в отличие от других сфер-источников, например, неживой природы, милитарная сфера-источник привносит перспективу возможности активного вмешательства в ход событий. Метафоры подчеркивает идею о том, что борьба с коронавирусом может быть выиграна, если приложить к этому усилия. Метафоры стихий, тоже достаточно частотные, такой перспективы не предлагают – человек бессилён перед лицом цунами или урагана. Также метафоры войны подразумевают возможность участия в борьбе героев, наносящих врагу поражение. Типичные концепты сферы-мишени для такого осмысления – медицинские работники.

Метафоры из сферы-источника TIERE актуализируют концептуальный вектор опасности, описывая вирус, как агрессивных зверей или насекомых, способных напасть и причинить боль в любой момент. Анималистические метафоры предлагают активную перспективу противодействия инфекции. Меры по предотвращению заражения и поиска вакцины – это охота на вирусы и зараженных людей.

Таким образом, среди метафор оказались востребованы те образы, которые позволили обнаружить аналогии между уже знакомыми феноменами и новой реальностью, в которой оказалось человечество. Именно метафоры войны, стихий и диких животных позволили актуализировать прагматические смыслы внезапности и разрушительности пандемии, а также необходимости сплотить усилия для противостояния инфекции. При этом динамика метафора отражает этапы осмысления пандемии. Если в начале

мировое сообщество было обескуражено происходящими событиями и только констатировало печальные последствия инфекции (метафоры стихий), то по мере развития пандемии и возникновения первых вакцин все большее значение приобретали метафоры военного противостояния.

Список литературы

Андропова, В. С. Пандемия Covid-19 в метафорическом зеркале СМИ США / В. С. Андропова, Э. В. Будаев. – Текст : непосредственный // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. – 2023. – № 2. – С. 38–52.

Балашова Л. В. Милитарная метафора как способ формирования концепта ковид-19 в речи В. В. Путина / Л. В. Балашова. – Текст : непосредственный // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7. – № 4. – С. 777–800.

Будаев, Э. В. Метафоры природы как средство концептуализации COVID-19 в СМИ Великобритании и ФРГ / Э. В. Будаев, С. О Ковалева, П. П. Щербинина // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. – 2022. – № 2. – С. 26–38.

Будаев, Э. В. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований / Э. В. Будаев. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2016. – № 6 (60). – С. 12–17.

Будникова, А. С. Неологизмы в английском языке, появившиеся во время пандемии ковид-19 / А. С. Будникова, Е. В. Иванова. – Текст : непосредственный // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2021. – № 3 (59). – С. 173–176.

Воскресенская, Н. А. Семантическая типология лексики пандемии: ковид-неологизмы в английском, французском и немецком языках / Н. А. Воскресенская, О. О. Гулик, Т. С. Малышева. – Текст : непосредственный // Научный диалог. – 2022. – Т. 11, № 3. – С. 44–61.

Громенко, Е. С. Новые сложные слова с компонентами корона- и ковид- в русском языке (словообразовательный и нормативный аспекты) / Е. С. Громенко. – Текст : непосредственный // Русская речь. – 2021. – № 5. – С. 40–54.

Пнджоян, С. А. Языковое манипулирование в СМИ ФРГ на материале нарратива «Коронавирус» / С. А. Пнджоян, Э. В. Будаев. – Текст : непосредственный // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. – 2022. – № 3. – С. 80–99.

Сергеева, Е. П. "Sprichst du coronisch?": немецкий язык в условиях пандемии Ковид-19 / Е. П. Сергеева. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 3 (46). – С. 238–242.

Сизых, М. М. Природная метафора как средство концептуализации пандемии COVID-19 в русскоязычных СМИ / М. М. Сизых. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2023. – № 1 (97). – С. 105–112.

Трофимова, Н. А. Метафоры пандемического дискурса (на материале СМИ Германии) / Н. А. Трофимова. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 483. – С. 57–71.

Чарыкова, О. Н. Коронавирусный дискурс как источник активизации военной метафоры / О. Н. Чарыкова, Н. В. Федотова. – Текст : непосредственный // Русская речь. – 2022. – № 1. – С. 50–60.

Чудинов, А. П. Дискурсивное направление в зарубежной медиалингвистике / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев. – Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2006. – № 45. – С. 167–175.

Amiruddin, N. COVID-19 blends: A new phenomenon in English Neologisms / N. Amiruddin, A. H. Yassi, S. Sukmawaty. – Текст : непосредственный // Journal of Language and Linguistic Studies. – 2021. – Vol. 17(3). – P. 1690–1710.

Fernández-Pedemonte, D. Communicating COVID-19: Metaphors We “Survive” By / D. Fernández-Pedemonte, F. Casillo, A. I. Jorge-Artigau. – Текст : непосредственный // Tripod. – 2020. – Vol. 47(2). – P. 145–159.

Holland, K. Mapping National News Reports on COVID-19 in Australia: Topics, Sources, and Imagined Audiences / K. Holland, M. Lewis. – Текст : непосредственный // Communicating COVID-19. Interdisciplinary Perspectives. – Cham : Palgrave Macmillan, 2021. – P. 59-81.

Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 248 с. – Текст : непосредственный.

Lukacovic, M. “KRIEGs” on COVID-19 in Slovakia, Russia, and the United States: Securitized Framing and Reframing of Political and Media Communication Around the Pandemic / M. Lukacovic. – Текст : непосредственный // FronTIEREs in Communication. – 2020. – Vol. 5. – P. 1–14.

Piredda, P. KRIEG Metaphors during the COVID-19 Pandemic: Persuasion and Manipulation / P. Piredda. – Текст : непосредственный // The Languages of COVID-19. Translational and Multilingual Perspectives on Global Healthcare / Ed. by P. Blumczynski, S. Wilson. – New York : Routledge, 2023. – P. 48–62.

Semino, E. “Not Soldiers but Fire-fighters” – Metaphors and Covid-19 / E. Semino. – Текст : непосредственный // Health Communication. – 2021. – Vol. 36(1). – P. 50–58.

Sirait, A. Conceptualizing Corona Virus Metaphor in Media Headlines: A Cognitive Semantic Approach / A. Sirait, K. Seva, Th. R. Lingga. – Текст :

непосредственный // English Journal Literacy Utama. – 2020. – Vol. 5(1). – P. 145–159.

Получена: 12.05.2025

Принята: 20.06.2025

COVID-19 PANDEMIC IN THE METAPHORICAL MIRROR OF GERMAN MEDIA

V. S. Shetty

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
rina@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the metaphorical representation of COVID-19 in German media texts. The material of the study was metaphorical contexts from the US media for the period from December 2019 to December 2020. The study was carried out in line with the cognitive-discursive approach, which implies the analysis of metaphor as a mental phenomenon in the linguistic and extralinguistic context of the media. As the analysis showed, three source domains of metaphorical conceptualization of the pandemic dominated in the US media: KRIEG, UNBELEBTE NATUR, TIERE. The active use of the military metaphor in describing the coronavirus is explained by the similarity of military operations with the struggle of humanity against COVID-19. The coronavirus was conceptualized as an enemy against which humanity is at KRIEG and suffers heavy losses. Metaphors of nature turned out to be in demand to reflect the meanings of the suddenness of the onset of the epidemic, the undulating nature of the emergence of new strains and the destructiveness of the consequences comparable to the consequences of natural disasters. The animal metaphors reflected the fear of the pandemic, similar to the fear humans have of aggressive TIERE. Thus, among the metaphors, those images were in demand that made it possible to discover analogies between already familiar phenomena and the new reality in which humanity found itself. It was the metaphors of KRIEG, the elements and wild TIERE that made it possible to actualize the pragmatic meanings of the suddenness and destructiveness of the pandemic, as well as the need to rally efforts to counter the infection.

Key words: conceptual metaphor, nature metaphors, military metaphors, zoomorphic metaphors, animal metaphors, COVID-19, coronavirus, US media.

References

Amiruddin, N., Yassi, H. & Sukmawaty, S. (2021). COVID-19 blends: A new phenomenon in English Neologisms. *Journal of Language and Linguistic Studies*, 17(3), 1690–1710.

Andronova, V. S., & Budaev, E. V. (2023). Pandemiya Covid-19 v metaforicheskom zerkale SMI SShA [The COVID-19 pandemic in the

metaphorical mirror of US mass media]. *Uchenye zapiski NTGSPi. Seriya: Istoriya i filologiya*, 2, 38–52.

Balashova, L. V. (2020). Militarnaja metafora kak sposob formirovaniya koncepta kovid-19 v rechi V. V. Putina [Military metaphor as a way of formation of the COVID-19 concept in Vladimir Putin's speech]. *Kommunikativnye issledovanija*, 7(4), 777–800.

Budaev, E. V. (2016). Kriticheskiy analiz politicheskogo diskursa: osnovnye napravleniya sovremennykh zarubezhnykh issledovaniy [Critical analysis of political discourse: Main directions of modern foreign research]. *Politicheskaya lingvistika*, 6(60), 12–17.

Budaev, E. V., Kovaleva, S. O. & Shcherbinina, P. P. (2022). Metafory prirody kak sredstvo konceptualizacii COVID-19 v SMI Velikobritanii i SShA [Metaphors of nature as a means of conceptualizing COVID-19 in the UK and US media]. *Scientific Notes of NTSSPI. Series: History & Philology*, 2, 26–38.

Budnikova, A. S. & Ivanova, E. V. (2021). Neologizmy v anglijskom yazyke, poyavivshiesya vo vremya pandemii kovid-19 [Neologisms in the English language that appeared during the covid-19 pandemic]. *Scientific Notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*, 3 (59), 173–176.

Voskresenskaya, N. A., Gulik, O. O., Malysheva, T. S. (2022). Semanticheskaya tipologiya leksiki pandemii: kovid-neologizmy v anglijskom, francuzskom i nemeckom yazykah [Semantic Typology Pandemic Vocabulary: Covid Neologisms in English, French and German]. *Nauchnyi dialog*, 11(3), 44–61.

Charykova, O. N. & Fedotova, N. V. (2022). Koronavirusnyj diskurs kak istochnik aktivizacii voennoj metafory [Coronaviral discourse as a source of increased military metaphorization]. *Russkaja rech'*, 1, 50–60.

Chudinov, A. P., & Budaev, E. V. (2006). Diskursivnoe napravlenie v zarubezhnoy medialingvistike [Discursive direction in foreign media linguistics]. *Proceedings of the Ural State University: Series I: Problems of Education, Science and Culture*, 45, 167–175.

Fernández-Pedemonte, D., Casillo, F. & Jorge-Artigau, A. I. (2020). Communicating COVID-19: Metaphors We “Survive” By. *Tripod*, 47(2), 145–159.

Gromenko, E. S. (2021). Novye slozhnye slova s komponentami korona- i kovid- v russkom yazyke (slovoobrazovatel'nyy i normativnyy aspekty) [New compound words with corona- and covid- components in the Russian language (word-formation and normative aspects)]. *Russkaya rech'*, 5, 40–54.

Holland, K., Lewis, M. (2021). Mapping National News Reports on COVID-19 in Australia: Topics, Sources, and Imagined Audiences. In *Communicating COVID-19. Interdisciplinary Perspectives* (pp. 59–81). Cham: Palgrave Macmillan.

Lakoff, G. & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press.

Lukacovic, M. (2020). “KRIEGs” on COVID-19 in Slovakia, Russia, and the United States: Securitized Framing and Reframing of Political and Media Communication Around the Pandemic, *FrontIEREs in Communication*, 5, 1–14.

Piredda, P. (2023). KRIEG Metaphors during the COVID-19 Pandemic: Persuasion and Manipulation. In Blumczynski, P. & Wilson, S. (eds.), *The Languages of COVID-19. Translational and Multilingual Perspectives on Global Healthcare* (pp. 48–62). New York: Routledge.

Pndzhoyan, S. A., Budaev E. V. (2022). Yazykovoe manipulirovanie v SMI SSHA na materiale narrativa "koronavirus" [Linguistic manipulation in the US media based on the coronavirus narrative]. *Scientific notes of NTSSPI. Series: History and Philology*, 3, 80–99.

Semino, E. (2021). “Not Soldiers but Fire-fighters” – Metaphors and Covid-19. *Health Communication*, 36(1), 50–58.

Sergeeva, E. P. (2021). "Sprichst du coronisch?": nemetskiy yazyk v usloviyakh pandemii Kovid-19 ["Sprichst du coronisch?": German language in the context of the Covid-19 pandemic]. *Cognitive studies of language*, 3 (46), 238–242.

Sirait, A., Seva, K. & Lingga, Th. R. (2020). Conceptualizing Corona Virus Metaphor in Media Headlines: A Cognitive Semantic Approach. *English Journal Literacy Utama*, 5(1), 145–159.

Sizyh, M. M. (2023). Prirodnaja metafora kak sredstvo konceptualizacii pandemii COVID-19 v russkojazychnyh SMI [Metaphors of nature as means of conceptualizing the COVID-19 pandemic in Russian-language media]. *Politicheskaja lingvistika*, 1 (97), 105–112.

Trofimova, N. A. (2022). Metafory pandemicheskogo diskursa (na materiale SMI Germanii) [Metaphors of pandemic discourse (on the material of german media)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 483, 57–71.

Submitted: 12.05.2025

Accepted: 20.06.2025

Информация для авторов

Правила предоставления рукописей

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов в области истории и филологии.

К рассмотрению принимаются статьи, представляемые к публикации впервые, не опубликованные ранее и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Статья должна содержать результаты выполненного авторами самостоятельно оригинального исследования, характеризующиеся отчетливой научной новизной, актуальностью, теоретической и практической значимостью.

Все статьи проходят проверку на плагиат.

Редакция принимает материалы объемом от 20 до 40 тыс. знаков с пробелами (1 авт. л.). Объем сообщений, рецензий и других подобных материалов — до 8 тыс. знаков. По согласованию с редакцией журнала объем текста может быть увеличен.

В редакцию высылаются:

1. Файл с текстом статьи (именуется «Фамилия_первые слова названия статьи»).

2. Файл «Фамилия_данные об авторе», в которой помещается следующая информация:

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Официальное наименование места работы, должность, учёная степень, учёное звание автора.
- Контактная информация (служебный адрес с почтовым индексом, номер телефона, электронная почта).
- Название статьи.

3. Подписанный текст согласия (сканированная копия) на опубликование в открытой печати текста статьи и индивидуальных сведений автора (авторов). Образец бланка согласия представлен в Приложении 2.

4. Для работ авторов, не имеющих ученой степени, требуется рекомендация научного руководителя или рекомендация кандидата/доктора наук по специальности статьи в виде сканированного текста с подписью и контактными данными. Файл именуется «Фамилия_Рекомендация».

Тексты высылаются в форматах .doc, .docx, .rtf. Электронные версии рисунков (в форматах .bmp, .png, .jpg, .tif) высылаются отдельными пронумерованными файлами (названия файлов: «рис. 1.», «рис. 2» и т.д.).

Адрес для отправки материалов по электронной почте: uzntgspi@yandex.ru

Статьи, оформленные с нарушением требований журнала, возвращаются авторам на доработку.

Требования к оформлению статей в журнале «Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология»

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля — 2 см, левое и правое — 2,5 см. Шрифт Times New Roman, кегль 14. Интервал одинарный, абзацный отступ 1 см.

Ссылки оформляются согласно ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Например: [Иванов, 1999, с. 56], [Теория метафоры, 1990, с. 67], [Лакофф, 2001; Чудинов, 2001].

В лингвистических статьях иллюстративный материал (слово, фразеологическая единица, словосочетание, предложение и т. п.) в тексте статьи выделяется курсивом. Толкование значения слова и семы заключается в одинарные кавычки ‘...’. Ссылка на источник приводимого иллюстративного материала дается после примера в круглых скобках (внутритекстовая ссылка): *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Новая газета. 2007. № 7).

Источники оформляются в виде нумерованного списка литературы в алфавитном порядке. Библиографические записи в списке литературы оформляются согласно ГОСТ 7.80-2000 «Библиографическая запись. Заголовок», ГОСТ Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Примеры оформления библиографических записей в списке литературы

Книги одного автора

Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – 151 с. – Текст : непосредственный.

Книги двух авторов

Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Москва : Наука : Флинта, 2008. – 248 с. – Текст : непосредственный.

Книги трех авторов

Антрушина, Г. Б. Лексикология английского языка / Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова : учебное пособие. – 2-е изд. – Москва : Дрофа, 2000. – 288 с. – Текст : непосредственный.

Книги четырех авторов

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с. – Текст : непосредственный.

Книги пяти и более авторов

Распределенные интеллектуальные информационные системы и среды / А. Н. Швецов, А. А. Суконщиков, Д. В. Кочкин [и др.]. – Курск : Университетская книга, 2017. – 196 с. – Текст : непосредственный.

Книги под заглавием

Теория метафоры : сборник научных статей / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – Москва : Прогресс, 1990. – 512 с. – Текст : непосредственный.

Диссертации

Кушнерук, С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование в британской и российской коммерческой рекламе : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Кушнерук Светлана Леонидовна ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2016. – 567 с. – Текст : непосредственный.

Авторефераты диссертаций

Величковский, Б. Б. Функциональная организация рабочей памяти : специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / Величковский Борис Борисович ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2017. – 44 с. – Текст : непосредственный.

Многотомное издание в целом

Голсуорси, Д. Сага о Форсайтах : в 2 томах. / Д. Голсуорси ; перевод с английского М. Лорие [и др.]. – Москва : Время, 2017. – Текст : непосредственный.

Статьи из журналов

Серио, П. От любви к языку до смерти языка / П. Серио. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2009. – № 29. – С. 118–123.

Вепрева, И. Т. Перегрузка / И. Т. Вепрева, Н. А. Купина. – Текст : непосредственный // Русский язык за рубежом. – 2009. – № 3. – С. 119–122.

Влияние психологических свойств личности на графическое воспроизведение зрительной информации / С. К. Быструшкин, О. Я. Созонова, Н. Г. Петрова [и др.]. – Текст : непосредственный // Сибирский педагогический журнал. – 2017. – № 4. – С. 136–144.

Статьи из сборников, книг

Кибрик, А. А. Функционализм / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян. – Текст : непосредственный // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – Москва : Издательство МГУ, 1997. – С. 276–339.

Электронные ресурсы локального доступа

Основы системного анализа и управления : учебник / О. В. Афанасьева, А. А. Клавдиев, С. В. Колесниченко, Д. А. Первухин. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2017. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

Романова, Л. И. Английская грамматика : тестовый комплекс / Л. Романова. – Москва : Айрис : MagnaMedia, 2014. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст : Изображение. Устная речь : электронные.

Электронные ресурсы сетевого распространения

Яницкий, М. С. Ценностная детерминация инновационного поведения молодежи в контексте культурно-средовых различий / М. С. Яницкий. – Текст : электронный // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 34. – С. 26–37. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13024552> (дата обращения: 29.05.2018).

В статье приводятся данные об авторах, аннотация (100–150 слов), ключевые слова и список литературы на английском языке, оформленный согласно требованиям APA Style. На сайте <http://translit.ru/> можно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу (последовательность действий: выбираем стандарт BGN, помещаем библиографические ссылки из русскоязычного списка в рабочее поле и нажимаем кнопку «в транслит», копируем получившийся текст). После транслитерации названия источника приводится его перевод на английский язык в квадратных скобках.

Примеры оформления библиографических записей в списке литературы на английском языке (APA Style)

Книги

Mitchell, J.A., Thomson, M., & Coyne, R.P. (2017). *A guide to citation*. London: Publisher.

Jones, A.F. & Wang, L. (2011). *Spectacular creatures: The Amazon rainforest* (2nd ed.). San Jose: Publisher.

Williams, S.T. (Ed.). (2015). *Referencing: A guide to citation rules*. New York: Publisher.

Глава в книге

Troy, B.N. (2015). APA citation rules. In S.T. Williams (Ed.), *A guide to citation rules* (pp. 50–95). New York: Publishers.

Статьи в журналах

Mitchell, J.A. (2017). Citation: Why is it so important. *Journal*, 67(2), 81–95.

Диссертация

Kabir, J. M. (2016). *Factors influencing customer satisfaction at a fast food hamburger chain* [Doctoral dissertation, Wilmington University].

Электронный текст

Mitchell, J.A., Thomson, M., & Coyne, R.P. (2017). *A guide to citation*. Retrieved from <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager>

Mitchell, J.A. (2017). Citation: Why is it so important. *Journal*, 67(2), 81-95. Retrieved from <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager>

Образец оформления статьи

УДК 811.111'42

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРСОНАЖИ КАК СФЕРА-ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В СМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

А. Б. Иванов

Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия
ivanov@gmail.com

П. Н. Петров

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
petrov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются прецедентные имена из сферы-источника «Литература» в СМИ Великобритании (The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent) за последние десять лет (2010—2019). Для изучения данных прецедентных имен применялись когнитивно-дискурсивный анализ и приемы лингвокультурологического описания. Сделан вывод о том, что сфера-источник «Литературные персонажи» является наиболее востребованным источником прецедентности в СМИ Великобритании (26 % от общего корпуса примеров, составляющего 400 прецедентных имен). Выявлено, что британские журналисты регулярно обращаются в своих текстах к именам героев из классических произведений английской литературы. Вместе с тем показано, что ведущее место по частотности актуализации и продуктивности занимают прецедентные имена, ставшие популярными в последние десятилетия, что в первую очередь относится к героям романов Дж. Роулинг о Гарри Поттере. Таким образом, анализ показал, что функционирование прецедентных имен зависит не только от когнитивных и культурных, но и от дискурсивных факторов.

Ключевые слова: прецедентное имя; прецедентные феномены; интертекстуальность; СМИ Великобритании; дискурс СМИ; литературные персонажи.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 01-234-56789.

1. Введение

Отличительной чертой современной массовой коммуникации является активное использование прецедентных имен (далее — ПИ) [Богоявленская, 2015; Будаев, 2019; Гудков, 2020; Зырянова, 2016; Нахимова, 2011]. Согласно определению В. В. Красных, ПИ — «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин, Стаханов). Это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии

гии — референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [Красных, 2002, с. 172].

2. Материал и методика исследования

В качестве материала для настоящего исследования послужили ...

В настоящей работе используется методика исследования ПИ, объединяемых сферой-источником «Литературные персонажи».

3. Анализ

Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст.

Таблица 1 – Название таблицы

У	А (%)	В (%)
Х	8	14,6
У	92	85,4
Всего:	100	100

Текст. Текст.

4. Заключение

Итак, наши наблюдения показывают, что сфера-источник «Литературные персонажи» является наиболее востребованным ресурсом прецедентности в СМИ Великобритании (26 % от общего корпуса примеров ПИ). Особенность функционирования ПИ из данной сферы-источника заключается в том, что...

Список литературы

Богданович, Г. Ю. Библейские мотивы как источник формирования медийного образа Крыма / Г. Ю. Богданович, Е. А. Нахимова, Н. А. Сегал. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2019. – № 47. – С. 8–20.

Гудков, Д. Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь / Д. Б. Гудков. – Москва : Ленанд, 2020. – 200 с. – Текст : непосредственный.

Budaev, E. V. Transformations of precedent text: Metaphors We Live by in academic discourse / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. – Текст : непосредственный // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. – 2017. – Vol. 1. – P. 60–67.

Kennedy, V. Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo / V. Kennedy. – Текст : непосредственный // Metaphor and Symbol. – 2000. – Vol. 15. – № 4. – P. 252–265.

LITERARY CHARACTERS AS A SOURCE DOMAIN OF PRECEDENT NAMES IN THE UK MEDIA

A. B. Ivanov

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
ivanov@gmail.com

P. N. Petrov

Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia
petrov@gmail.com

Abstract. The article deals with precedent names from the source domain “Literature” in the UK media (The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent) over the past ten years (2010–2019). The methods of cognitive-discourse analysis and cultural description of language were used to study the precedent names. It is concluded that the source domain “Literary characters” is the most demanded source of precedent names in the British media (26 % of the total body of examples, which is 400 precedent names). It was revealed that British journalists regularly refer to the names of characters from the classical works of English literature in their texts. At the same time, it is shown that the leading place in terms of frequency of actualization and productivity is occupied by precedent names that have become popular in recent decades and which primarily refer to the characters of J. Rowling's Harry Potter novels. Thus, the analysis showed that the functioning of precedent names depends not only on cognitive and cultural, but also on discursive factors.

Key words: precedent name; precedent phenomena; intertextuality; UK media; media discourse; literary characters.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR according to the research project № 01-234-56789

References

- Bogdanovich, G. Yu., Nakhimova, E. A., & Segal N. A. (2019). Bibleyskiye motivy kak istochnik formirovaniya mediynogo obraza Kryma [Biblical motifs as the source of the creation of media image of the Crimea]. *Yazyk i kultura*, 47, 8–20.
- Budaev, E. V., & Chudinov, A. P. (2017). Transformations of precedent text: Metaphors We Live by in academic discourse. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 1, 60–67.
- Gudkov, D. B. (2003). *Teoriya i praktika mezhkulturnoy kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow: Gnozis.
- Kennedy, V. (2000). Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo. *Metaphor and Symbol*, 15, 252–265.